

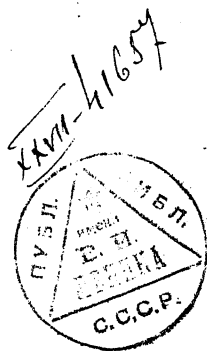
Ежемесячное приложение к журналу „Вестник Знания“

Книга 1-я
1927 г.

361

101

ЖЕРТВЫ ДРАКОНА

2010513060

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагая своим читателям талантливую повесть нашего известного этнографа-беллетриста В. Г. Богораза-Тана, в свое время обратившую на себя внимание культурных слоев Запада (повесть переведена на несколько иностранных языков) и нашедшую весьма благосклонную оценку в нашей научно-методической литературе ¹⁾, Редакция считает нужным сделать одну существенную оговорку. Наука твердо установила тот факт, что человек появился на земле сравнительно поздно, вероятно, в конце третичного периода. Между тем, ископаемые гигантские ящеры жили за несколько миллионов лет ранее, в мезозойскую эру, и ко времени ледникового периода должны были вымереть начисто.

Впрочем, и сам автор романа, используя все данные современной науки, в предисловии оговаривает, что образ «дракона», был необходим ему, главным образом, как символ тех «худших драконов», тех «самосозданных человеком чудовищ», которые в форме суеверий и предрассудков, поддерживаемых колдунами и шаманами, заполняют весь первобытный кругозор человека и вызывают на бой богорборцев-мятежников и революционеров всех времен и народов.

Несомненной заслугой автора является полное и талантливое использование метода реконструкции жизни первобытного человечества по данным сравнительной этнографии.

При этом автор широко пользуется своими личными наблюдениями над бытом чукоч и других народов Крайнего Севера Сибири и дает ценные литературные справки о жизни современных эскимосов, первобытных германцев, гуннов, скифов и т. д.

Вся повесть автора проникнута глубокой мыслью о том, что современный культурный человек сделал, подобно своему доисторическому прародителю и младшим диким братьям, «только первые шаги по дороге прогресса», что путь перед нами широко раскрыт и далек бесконечно.

¹⁾ См. напр. Сборник „Каменный век“, сост. Н. и Т. Анциферовы, Ленинград, 1924 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Печатаемая повесть представляет попытку восстановить то реальное зерно, которое должно заключаться в широко распространенной легенде о девушке, отданной в жертву дракону, и юноше, защитившем ее. Образ дракона имеет всемирную известность на востоке и на западе. Дракон является племенным гербом у различных народов, между прочим у древних германцев, и государственным гербом у китайцев. Можно предположить с большой вероятностью, что этот фантастический образ представляет стилизованное воспоминание о гигантских драконах-ящерах, в том числе и о летучих, как птеродактили,—действительно существовавших на земле. Ко времени появления человека, во второй половине третичного периода, эти ящеры драконы должны были вымереть, но тем с большей силой должны были действовать немногие уцелевшие чудовища на воображение первобытного, еще беспомощного человека.

Эти последние животные гиганты для человеческих племен являлись божеством, воплощением стихийных таинственных сил, злых или добрых. Дракон, ставший гербом, это дракон-покровитель. С другой стороны, до сих пор даже в так называемых «высших» религиях дракон или змий с лапами и крыльями является главою и худшим воплощением злых духов, враждебных человеку.

В указанной легенде юный герой обыкновенно побеждает дракона и женится на освобожденной девушке. Но скорее могло случиться обратное. Об этом как будто свидетельствуют подробности легенды,—ужас, внушаемый драконом, производимое им истребление живущих по соседству людей и эти постоянные жертвы, приносимые дракону. Только ужас, внушаемый некогда драконом людям, на своих черных крыльях донес к нам это злое воспоминание от древней эпохи раннего палеолита.

Но легенда, стилизуя прошлое, не могла примириться с поражением и гибелью героя, как было, должно быть, на деле. Ибо легенда—это вера человечества и она из прошедшего всегда устремляется к грядущему. И вера человечества есть вера в конечную победу и конечное торжество над всеми драконами, над всеми злыми силами земли и небес.

Вот почему, в волшебном фонаре расцветенного вымысла, какойнибудь слабый борец с его костяным копьем и деревянным луком, съеденный некогда ужасным ящером, воскрес победителем, человеко-богом, Юрием-Победоносцем.

Мой Яррий это именно реальный прообраз победосного Юрия. Внуки и правнуки Яррия не желали допустить, что их бесстрашный предок мог пострадать от чудовища, и в старой зловещей легенде тотчас же переделали конец. Мировая легенда—роман о драконе и юноше с девушкой, как и все мировые романы, кончается победою и счастливым браком. Только остается прибавить:

И я там был. мед-пиво пил,
По усам текло, да в рот не попало.

Я оставил роман свой как бы неоконченным, ибо я не хотел дать сверепому дракону пожрать благородного Яррия и не мог дать Яррию побить дракона. Пусть же читатели сами кончают, как хотят...

Но худшие драконы, это — создание нашего воображения, и тогда драконоборец становится героем богоборцем, героем мятежником и революционером. Он борется не только с телесным, физическим чудовищем, но и с зловещими уставами собственной эпохи, собственного племени.

Богоборцем мятежником, первым революционером древнейшего палеолита, я сделал своего Яррия. И пусть не говорят, что это надуманный образ, ибо от самой седой древности в человеческом сердце, рядом со слепую покорностью самосозданным чудовищам, живет и неверие, и смелый порыв к отчаянному противоборству. И я сам встречал неоднократно, у чукоч, у эскимосов, у тунгусов и юкагиров, таких точно юношей, как Яррий, которые, на зло колдунам и шаманам и сложной сети духов и демонов, заполнивших весь первобытный кругозор от земли и до неба, утверждают себя в неверии и всех духов, и «верхних, и средних, и нижних», вызывают на бой.

Кошунственные речи первобытного атеиста заимствованы мною из действительных речей, слышанных мною где-нибудь у вольного костра среди необозримой тундры или на берегу морском, перед лицом ревущей бури.

И также из действительной жизни первобытных племен заимствованы мною и другие фигуры и сцены романа.

В охоте на диких оленей мне самому приходилось участвовать, а также и в празднике воскресения зверей, с той разницей, что центральное место, вместо огромного древнего мамонта, занимал такой же огромный кит.

Праздник вытирания огня из дерева существует в разнообразнейших формах, даже у культурных народов.

Эпидемии я видел не менее опустошительные, чем описанная в романе, и видел, как шаманы переодевали обезумевших женщин мужчинами и мужчин женщинами, чтобы обмануть невидимых духов-убийц.

Разделение полов, весенние пляски и брачные оргии тоже являются общим явлением. Первобытная жизнь совсем не является простой. Она проявляет ту степень общественной сложности, какая изображена в романе.

Ибо судьба человека первобытнейшего и судьба человека современнейшего подчинены одним и тем же законам. Из далекого прошлого в безмерно далекое будущее устремляется мужество Яррия богоборца и нежная душа его подруги Ронты, когда они вместе плывут по быстротекущей реке бытия в хрупкой лодке собственного воображения.

Я ничего не сочинял, я только комбинировал. Образы, легенды, рассказы заимствованы у разных племен и северных, и южных. Последняя песнь Ронты—лишь вольный перевод полинезийского предания о затмении солнца. На основе всех преданий, перевязанных мною в цветочные венки, я старался осознать и углубить эту мечту палеолита.

Автор.

Юн Черный встал в полночь, когда другие спали. Было тихо, только река Дадана слабо шумела внизу под обрывом. Юн вытер росу со своего нагого тела, слегка потянулся, удерживая дрожь, потом посмотрел на звезды. Звезды были благосклонны. На краю неба уже поднимался Охотник ¹⁾ в ярком Поясе из трех светлых Раковин и протягивал вперед свой остропламенный Дротик ²⁾. Дикие Олени ³⁾, которые пасутся на берегах Песчаной Реки ⁴⁾, не пошевелились, и яркое око Отца ⁵⁾, вечно недвижимое в небе, мигало, как будто говорило: «Ищи».

Юн Черный опустил голову вниз и посмотрел на воинов. Их голые тела смутно белели в слабом свете звезд. Ночь была холодная, но перед крупной охотой или войной Анаки остерегались закапываться в листья или покрываться плащами из шкур. Они спали нагие, на голой земле, как змеи или как камни.

Перед этой охотой даже костров не зажигали. Анаки ждали оленей. Запах дыма мог бы заставить пугливое стадо вернуться обратно. Уже девять дней Анаки сидели на берегу реки Даданы без огня и почти без пищи. Они даже говорили шопотом и в разговоре называли оленей уклончивым именем: — «Серые Лица», чтобы колдуны оленьего стада не услышали и не поняли.

Юн Черный пытливо смотрел на белые тела. Воины спали или притворялись спящими, ибо никто не должен был видеть, как он уходит. Юн Черный был колдун ночной, полусокрытый. В эту ночь он шел на борьбу с колдунами оленьего племени, и ему не нужно было ни друга, ни помощи.

Воины спали, старые и молодые. Юн узнавал знакомые фигуры. Вот Альф Быстроногий, Мар Красивый и Несс, друзья-соперники, Илл Бородатый, Лиас Большой и много других. Они походили на белых тюленей, заснувших на песке.

¹⁾ Орион. ²⁾ Альдебаран. ³⁾ Кассиопея. ⁴⁾ Млечный Путь. ⁵⁾ Полярная звезда.

Отроки спали отдельно от взрослых. Они еще не приняли обета посвящения и не прошли установленного искуса в роще терновой под хлесткими прутьями и потому не имели права спать рядом со взрослыми.

Кроме воинов и отроков, в лагере никого не было. Это была мужская орда. Племя Анаков делилось на две половины, мужскую и женскую. Они обитали отдельно весной и летом и сходились вместе только после великих охот на праздник осеннего солнца. Этот праздник был также праздник брачный. Там составлялись новые пары и начинались новые дети Анакского племени. И через девять месяцев, весной, дети Анаков рождались на свет к новому теплу и изобилию пищи.

Юн Черный взял копье, потом подобрал мешечек с красками и сошел к реке. Он три раза окунулся в свежие волны, совершая обряд очищения, вытер тело песком, стараясь скрестить свою кожу как можно сильнее. Тело его горело. Он поднялся обратно наверх, но не пошел на становище, а углубился в ивовые заросли, которыми были покрыты берега Даданы. Они сплетались стеной, густой и невысокой. Ему приходилось пробираться почти ползком, как пробирается лисица на охоте.

Постепенно кусты поредели; открылось волнистое взгорье, пересеченное ущельями, поросшее лесами, смутно черневшими во мгле. Перед Юном была тропинка. Она пропадала и снова являлась, раздвигала кусты и уходила в горы. Это была оленья тропа.

Олени каждую весну собирались стадами и выходили из гор на моховые пастбища у берегов океана. Они шли прямо, с юго-востока на северо-запад, и переплывали по дороге широкие реки. На реке Дадане у них были три битые тропы. Анаки сидели на средней тропе у Лысого Мыса. Они кололи оленей длинными копьями на волнах реки и в удачный год убивали тысячи.

Стада за стадами являлись в разное время. Сперва приходили матки с телятами, потом быки. Анаки находили такое разделение совершенно естественным. Они говорили, что олени живут раздельно и сходятся осенью и в дальних горах справляют праздник осеннего солнца, и ставят колесо, и пляшут кругом попеременно с женами, точь-в-точь как люди.

Юн Черный добрался до леса и остановился на опушке. Он встал на тропе за тем, чтобы чарами привлечь запоздавшее стадо.

Прежде всего он решил испытать добрые чары и лстивые слова. Он вынул из мешка щепотку красной охры, смешанной с жиром, помял ее между пальцами и стал выводить на груди, животе и на бедрах красные мирные знаки. Это были кисти рук с загнутыми пальцами, крючки с петлями. Юн повернулся боком так, чтобы эти крючки протягивались вперед, навстречу предполагаемым оленям.

— Мы ждем вас, серые друзья, — заговорил он самым убедительным тоном. — Придите. Мы снимем ваши шубы, и вы отдохнете. Мы вас согреем у теплого огня. Мы вам постелем мягкие постели...

Он замолк и остановился, прислушиваясь. Ничего не было слышно. Олени не являлись. Тогда он начал второе заклинание, более сильное, — брачное заклинание весенней охоты. Ибо охота на маток и телок весною считалась, как брак. Это была первая красная свадьба Анакских охотников.

Юн говорил:

Жены олени, сдавайтесь.

Я внушаю вам похоть.

Пусть запах мой вас привлекает, как мускус.

Пусть копые мое для вас будет, как фаллус.

Спешите на пир...

Он делал непристойные жесты, кружился и прыгал, изображая брачную пляску Анаков. Эту пляску они плясали перед женами без копыя и без всякого оружия. Юн Черный перед весенней охотой плясал ее с копьём в руках.

Серые жены, сдавайтесь,
Мы возьмем вашу плоть... —

Пел Юн.

Он снова остановился и прислушался; потом встал на колени и припал ухом к земле. Земля молчала. Ни один звук не говорил о приближении желанного стада.

Черный Юн рассердился.

Он быстро стер со своего тела красные знаки привет, вынул кусок черного камня и стал проводить на груди

грубые черты, прямые и кривые. Это были знаки войны и вызова. Они изображали открытые пасти, усеянные зигзагами зубов, прямые разящие копыта, большие круглые глаза.

— Серые шкуры, — заговорил Юн, — идите биться. Волчья сыть, мы выпьем вашей крови...

Юн долго ждал и слушал, но олени не являлись.

— Мы выпьем вашей крови, — повторил Юн. Брюхо его сжалось от голода. Алчный рот стянулся, как будто от оскомы.

Тогда Черный Юн начал молиться богам. В своем полуночном коварстве с тайным расчетом он помолился сперва солнцу, богу дневному и богу чужому и сказал ему так: «Красное Око, посмотри хорошенько, не найдешь ли ты этого стада. Я дам тебе жиру».

Солнце не отвечало.

Юн стал поминать всех богов и духов, которые ему приходили на ум: Речного Бога, трехпалого, с одним глазом; Горного Духа с гранитной головой, замурованного в утес. Он обратился даже к собственному брюху и сказал ему так: «Брюхо, запой, дай знак о приближающейся пище». Но брюхо молчало.

Только тогда Юн обратился к последнему богу, грозному богу Дракону, тому, кто поглощает солнце и извергает его обратно. То был его собственный бог, древний бог, малоизвестный людям, бог полуночи, таинственный, странный, лукавый.

Юн обратился к нему, полный трепета, и сказал ему так:

— О, Дракон, как ты поглощаешь солнце, дай мне поглотить этих оленей... Сделай хоть знак... Я дам тебе жертву.

Юн подождал.

— Телку молодую, лучшую из стада...

Бледное лицо луны поднималось с востока. Лицо луны было лицо Дракона. Оно смотрело на Юна и улыбалось насмешливо.

— Белую телку... — сказал Юн. Он сам не знал, что обещать больше. Белые телки были редки, иногда во всей охоте не попадалось ни одной.

Он замолчал и стоял, ожидая. Бледное лицо в небесах молчало и улыбалось.

Тогда Юн вспомнил о женской орде. Она стояла на реке Дадане, за полдня ходьбы вниз по течению. Там были матери с детьми, девушки, старухи. Обитая отдельно, они получали запасы от промысла мужчин. Во время оленьей охоты на реке Дадане они выезжали в широких ладьях и ловили туши, которые несло по течению. Мужчины брали себе только тех животных, которых прибывало к берегу тут же, на месте охоты.

Юн вспомнил женский лагерь, и сердце его сжалось. В женском лагере жила Юна, жена колдуна. Черный Юн сошелся с ней четыре года назад из-за сходства имен, а также из-за ее пушистых светлых кос. С тех пор они встречались каждую осень, не ища и не желая никого другого. В первую весну после их брака Юна принесла ребенка, мальчика. Юн видел его только по зимам. Он не знал даже его тайного имени, данного старухой-гадальщицей. В разговоре с Юной и вслух перед другими они называли его Мышонком. Но он думал о своем белом Мышонке в эти голодные вешние дни. И даже колдовством своим он привлекал мелкую добычу, куропаток и зайцев и посылал их в женский лагерь, прямо к сыну.

Но в эту скупую, холодную полночь все колдовство его было бессильно. Безумный гнев охватил Юна, он заскакал на месте и закружился, как будто ужаленный осой.

Сами собой к устам притекли богохульные слова:

— Божонки, нищие, дать вам нечего. Дух Лесной, и Дух Речной, и Дух Озерный, идите сюда. Я и вас съем...

Раздался треск сучьев. Из-за толстого древесного ствола поднялось что-то большое, темное. Юн вздрогнул и смолк. Потом сделал движение, чтобы бежать, но остался на месте. Мохнатая черная грива, которая принесла ему прозвище Черного Юна, зашевелилась от страха на его голове.

При бледном свете месяца Юн увидел грузную черную фигуру. Она встала и выпрямилась. Она показалась ему огромной, неслыханной. Вид ее был, как вид медведя, вставшего на дыбы. Дух Лесной во образе медвежьем явился на зов и приближался к дерзкому колдуну.

Юн стоял и ждал с тупым отчаянием в душе. Фигура подходила ближе. Он слышал хрустение веток под ее ногами и тяжелое дыхание.

И вдруг чувство неминуемой опасности выросло и за-
слонилось в нем суеверный ужас. Он не думал, но чувство-
вал: «Это — медведь, живой медведь».

Живой, настоящий медведь весною, пожалуй, опаснее,
чем медвежий призрак. Он только что вышел из зимней
берлоги, тощий, злой и растрепанный. После зимнего
поста он голоден, но найти весною еду трудно. Поэтому
весною медведь опаснее, чем летом.

«Он сейчас на меня бросится», чувствовал Юн.

Он выставил вперед правую ногу, упер перед нею
в землю ясеневое древко своего длинного копья, подставил
медведю навстречу костяное острие и ждал, что будет.

Медведь уже обдавал его своим горячим дыханием.
Юн быстро взглянул, и ему показалось, что, несмотря на
близость, черное чудовище сделалось как будто меньше.

Страх Юна сменился яростью.

«Твоя гибель или моя», подумал он, стискивая зубы.
«Медведь ты или дух»...

И вдруг, в самую решительную минуту, когда копьё
Юна уже касалось мохнатой груди чудовища, случилось
что-то неожиданное, почти невероятное. Темная фигура
быстро опустилась на землю, мягко, без всякого шума
скользнула в сторону. И почти тотчас же налево от тро-
пинки послышались звуки борьбы, странный храп и дви-
жения грузных тел.

«Олени», подумал Юн. Он узнал бы этот храп из ты-
сячи других.

Шум продолжался. Слышался частый стук, как будто
кто колотил по дереву палкой. Это умирающий олень тре-
петал в агонии и бился копытами о молодые стволы. Вместе
со стуком раздалось чавканье. Был ли это зверь или дух,
но он был голоден и стал пожирать добычу еще заживо.

Все мысли Юна перепутались.

«Стало быть, это медведь», подумал он с облегчением.
«И олени пришли. Кто их прислал, какой бог?»

Бледное лицо луны заглянуло ему в глаза и улыбнулось
насмешливо.

«Ага ты»... подумал Юн: «спасибо».

Медведь продолжал чавкать под деревом. Все существо
Юна зажглось от радостного голода и хищной жажды
убийства.

Еще минута, и он двинулся бы к дереву отнимать у медведя горячее, истерзанное мясо.

Внезапно с левой стороны послышалось хорканье, странное, тревожное, похожее на скрип сырого дерева и на плач ребенка.

«Теленок плачет...» подумал Юн, «матку зовет»...

Он весь согнулся, сжал копые и быстрыми шагами стал пробираться на голос.

Хорканье повторилось левее, потом еще левее. Теленок не хотел уходить и описывал широкую дугу вокруг медведя и матери. Юн осторожно крался вперед. Глаза его горели, как у волка, ноги ступали бесшумно, как будто на пружинах.

Теленок опять хоркнул, и Юн увидел его. В свете луны он перебежал тропинку. Осторожность Юна была излишняя. Теленок был маленький, глупый. Он бежал вперед нетвердой рысцой, колеблясь между двумя инстинктами и двумя запахами. Один был знакомый запах матери; другой запах был крепкий и темный и внушал ему ужас, хотя он еще не понимал, что это было.

Юн выждал минуту и твердой рукой пустил копые. Длинное костяное острие, отточенное кругло, как шило, вонзилось теленку в брюхо и вышло наружу с другой стороны.

Теленок сделал скачек в сторону, задел ногами за древко копья, споткнулся, упал, хотел встать и не мог. Юн в два прыжка перескочил пространство, отделявшее его от добычи. Он придавил теленка коленом, потом, видя, что тот не перестает биться, достал из своего поясного мешка острый кремневый нож в деревянном чехле, искусно выдолбленном, и перерезал теленку горло. Он припал к ране воспаленными губами и стал тянуть сладкую, теплую кровь, и это освежило его. После того он поднял маленькую тушу и вскинул ее себе на плечи.

«Матка с теленком», думал он. «Матки идут».

Оленье тело на его плечах было гибкое, теплое, как тело ребенка, и он вспомнил по связи мыслей своего белого Мышонка, который в это самое время, может быть, умирал с голоду в женском лагере.

Юн подхватил свое копые и быстрыми шагами стал удаляться на запад, слегка отклоняясь вправо к реке. Он

не думал о медведе, который остался сзади и пожирал добычу, не думал также о становище своих братьев-охотников. Он направлялся к женскому стойбищу отнести своему сыну первую добычу этой весны.

II.

Женский лагерь помещался в лесистой ложине, доходившей до самого берега. Он не был похож на становище мужчин. В разных концах горели костры перед навесами, сплетенными из ветвей и поставленными так, чтобы давать защиту от ветра. Малые дети не могли оставаться без огня и без крова.

Женщины вообще работали больше мужчин, и работы их были разнообразнее. Они плели корзины из прутьев, лепили горшки из глины, шили детям платье из шкур и варили для них пищу у огня. Детские зубки нуждались в мягкой пище. Мужчины, напротив, презирали все эти ремесла и удобства. Пищу свою они жарили на камнях или пекли на углях. Многие части мяса, хрящи, потроха они потребляли сырыми. Иные воины давали обет есть всю жизнь только сырое. Это считалось признаком мужества и закаленности. Занимались мужчины только войной и охотой. В обыкновенное время они приводили в готовность свое боевое оружие или попросту спали, все равно—днем или ночью.

Весенний голод был для женского лагеря тяжелее, чем для мужского. Дети вообще были хлипкие, податливые к смерти. Они мерли, как мухи,—зимою от холода, а весною от голода. Женщины, кроме того, умели добывать пищу хуже мужчин. Они собирали съедобные корни и серых червей, ловили куропаток петлями. Но именно в это голодное время корни были жестки, а куропатки редки.

Женщины выражали голод иначе, чем мужчины. Мужчины терпели молча,—жаловаться было ниже их достоинства. Женщины кричали и бранились друг с другом и с собственными детьми. Иные пели, другие плакали, третьи поминали отсутствующих друзей, хотя это и считалось нарушением приличий. Особенно круто приходилось многодетным, но их было не много. Матери кормили детей

до пятилетнего возраста, рождения разделялись большими промежутками, и семьи были немногочисленны.

Всех круче приходилось Майре Глиняной, прозванной так за бескровный цвет лица. У нее были двойни, два шустрых мальчика по пятой зиме. Одного звали Антек, другого Лиас. Отцом Лиаса считался Лиас Большой из мужского лагеря, но он наотрез отказался от другого младенца, и после того на праздниках любви уже не приближался к Майре. С тех пор Майра жила одна с детьми и не имела мужчин.

У нее не хватало молока для обоих младенцев. Она пробовала отлучать их от груди, но пищи тоже не хватало. Ее дети были самые голодные и неугомонные во всем стойбище. И теперь они теребили мать за пояс, справа и слева, и неотступно кричали: «Дай, дай!..»

— Где я возьму? — кричала несчастная Майра.

— Дай!..

Дети карабкались на колени и тянулись к груди матери.

— Нету! — кричала Майра, — отстаньте!

— Леший, — прибавляла она с угрозой, — возьми этих мальчиков. Они еду просят.

— Зачем родила двоих? — насмешливо сказала соседка, Аса-Без-Зуба.

Она сидела на корточках у своего костра, закутав спину вытертой шкурой оленя. Соседки накануне поссорились из-за деревянного прибора для вытирания огня. Женщины Анаков отличались в зрелом возрасте неукротимостью нрава. Никакие бедствия или лишения не смягчали их охоты к ссорам.

Майра молчала. Она, кажется, не слышала слов соседки.

— Один от человека, другой от дьявола, — сказала Аса.

Двойни были редки в племени Анаков и, как все редкое, вызывали враждебное чувство.

— Оставь, — сказала старая Лото, которая сидела у того же огня и грела руки. — Лисица четырех приносит, и все настоящие...

Лиас залез на колени к матери и добрался-таки до ее груди. Он потянул губами сосок, но грудь была пуста, как опорожненный мешок.

Мальчик в ярости укусил зубами сосок. Майра взвизгнула от боли и одним движением откинула в сторону

сына. На грязной коже ее обвислой груди показалась рубиновая капля, медленно налилась и упала вниз, как кровавая слеза.

— Зарежу!—крикнула Майра. Но мальчик быстро пополз в сторону на четвереньках, как молодой лисенок. Он остановился на расстоянии и смотрел на мать тем же блестящим голодным взглядом.

Литта Златогривая сидела поодаль, не разводя огня. Она подостлала под себя свой меховой плащ и ее золотистые косы рассыпались на ее голые плечи и грели их не хуже плаща.

Она сидела, уткнувшись локтями в колени, и пела монотным напевом старую песню о золотых яблоках. Это была песня, любимая женщинами. Молодые девушки часто пели ее во время голода. Ибо замечательная вещь: мужчины во время голода мечтали о мясе, свирепо и молча, как дикие звери. Женщины вспоминали охотнее о зернах, орехах и фруктах, даже о таких, каких никогда не бывало в соседних лесах.

Золотые яблоки тоже не рождались в стране Анаков. По преданию, эти яблоки росли в счастливой стране Вияр, откуда пришли первые божественные люди, породившие племя Анаков.

Литта качалась, как пьяная, и пела тонким однообразным напевом:

Я была в золотом лесу,
Я рвала золотые яблоки,
Сочные яблоки...
Одно яблоко я взяла себе,
Другое отдала своему другу,
Сочные яблоки...

Винда и Рея-Волчица, две молодые матери-сестры, сидели в стороне вместе со своими младенцами. У них тоже пропало молоко в грудях, и они поили младенцев белым раствором «земляного жира» в воде. Это была съедобная глина, мягкая, белая и жирная на ощупь. В голодные дни дети Анаков поедали ее горстями. Они белели от нее, как будто посыпанные пеплом; щеки и грудь покрывались мучнистыми пятнами, глаза мутнели и теряли блеск. Анаки говорили, что дети от «земляного жира» линяют, как тощая рыба.

Но в этой стране был редок даже съедобный жир земли. Его приносили с юга за полдня ходьбы. Там наплывал он белыми пятнами в горном ручье из-под нависшей полуразрушенной скалы.

Девочки-подростки копошились целой стаей у большого костра. Они были заняты важным делом: варили толкушу из древесной заболони. Дело это было медленное и трудное. Им распоряжались три подруги: Яррия, Ронта и Илеиль. Они были однолетки и в ближайшую осень должны были подвергнуться обряду благословения чрева, который для женщин соответствовал мужскому обряду посвящения и составлял признание брачной зрелости.

Впрочем, в настоящее время их фигуры не имели никаких признаков зрелости. У них были тощие плечи, костлявые спины. Они отличались от мальчиков только гривой спутанных длинных волос, висевших по плечам. У Яррии были черные волосы, у Илеиль каштановые, у Ронты золотистые, почти такие же, как у Литты Златогривой. Все девочки были наги. Они должны были получить меховой плащ только осенью, как первый подарок возлюбленного.

Больше всех хлопотала Яррия. Она отдавала приказания направо и налево:—Девки, торопитесь... Милка, дров тащи!... Скорее!...

Милка, совсем маленькая смуглая девочка, топталась у костра и плакала от голода и нетерпения. Но при этом окрике она поспешно утерла слезы и побежала в лес.

— Элла где?—спрашивала Яррия вдогонку.

— Сестра? — переспросила Милка. — Под деревом сидит,—прибавила она на бегу.—Злая, страсть. Я ее позвала: «Пойдем к девкам», а она схватила полено...

— Девки, торопитесь, — крикнула Милка в свою очередь—дров тащите!... Скорее!...

Она повторила окрик Яррии точно таким же повелительным тоном, потом побежала в припрыжку по узкой тропинке вниз за своими подругами. Иные из них уже возвращались к огнищу с охапками хвороста. И, несмотря на голод и слезы, им было весело. Вся эта затея походила на игру, и трудно было разобрать, настоящая она или не настоящая.

Ронта утвердила на земле странный сосуд, до половины налитый водой. Он держался на четырех палках, крепко

врытых в землю и поддетых под его края. В сущности это был не сосуд, а мешок, сплетенный из корней. Но плетенка была такая частая и ровная, что вода держалась, и ни капли не вытекало.

С десяток девочек сидели на корточках и скоблили заболонь. Она была двух сортов: тополевая со стволов и ивовая с корней. Топлевая была надрана длинными белыми лентами и лежала на земле, собранная в кучу. Ивовая была разбросана кругом узкими спиральными завитками, похожими на змей или на крупных червей.

Яррия разрыла длинной палкой красные уголья. Под грудой жара лежали круглые камни, которые собственно и служили для варки. Ловко действуя двумя палками, как будто щипцами, Яррия доставала камни из костра и опускала их в котел. Вода скоро согрелась и задымилась от легкого пара. Потом стали выделяться крупные пузырьки, возвещавшие о близком кипении.

Ронта сидела, обхватив руками колени, и смотрела в огонь. Девочки с жадными лицами стояли кругом костра и дожидались, чтобы варево поспело.

Старших мальчиков не было в лагере. Они проводили целый день в лесу, рыскали взад и вперед, искали добычи.

Только горбатый Дило остался дома. Ноги у него были кривые, и он так ослабел от голода, что не мог бы угнаться за другими товарищами. Но утром, когда они уходили, он тоже ушел от костра сестры своей Пенны, по прозвищу Левши, и забрался в густой куст ольховника. Там, лежа на мху, он мало-по-малу объедал горькие почки, как заяц.

Однако, теплый смолистый запах толкуши дошел и до куста, забрался внутрь и стал щекотать ноздри Дило. И скоро он не мог удержаться, вылез из своего убежища и стал понемногу приближаться к костру девочек.

Илеиль в последний раз попробовала древесную похлебку.

— Готово, — сказала она, — жрите, шакалки!...

Девочки бросились к плетенному котлу и стали засовывать в горячую воду свои грязные руки. Они обжигались и отскакивали назад, потом опять совали в котел руки и даже носы. Они, действительно, напоминали шакалов, которые в то время ходили следом за человеческими ордами

и при удобном случае готовы были сунуть нос в горшок и даже в огонь. Люди то били их, то относились к ним благодушно и даже бросали им негодные куски.

Дило совсем приблизился к костру. Он тоже походил на шакала—больного и хромого. Милка, жадно поедавшая свою порцию, посмотрела на него и вдруг фыркнула от смеха. Она разбрызгала горячую жидкость во все стороны и чуть не подавилась, но потом справилась и промычала с полным ртом: «мм... лягушонок!»

— Дайте мне тоже,—сказал Дило, протягивая руку.

Милка уже облизывала свои липкие пальцы.—И девочкам не хватит,—сказала она.— Ты мальчик, иди птиц ловить.

— Чем же я мальчик?—жалобно сказал Горбун,—я тоже девочка.

— Как, девочка?—хором протестовала вся девичья гурьба.

— Если я сижу дома, то, значит, я девочка,—сказал Дило в виде аргумента.

— Врешь,—сказала Милка,—у тебя и нос не такой,—прибавила она со смехом.

— Яррия,—громко позвал Горбун,—дай мне хоть одну стружку!... — Яррия не отвечала. Она скоблила ногтями внутренность плетеного котла. Твердые ногти звенели, как железо.

— Яррий кормил меня,—сказал Дило и вдруг заплакал. Плач его был, как кашель. Он прикрывал горстью рот и нос и лаял в ладонь странными звуками, как будто захлебываясь.

Яррий был брат Яррии. После минувшей зимы он перешел в мужскую орду вместе с тремя другими отроками, впредь до посвящения. Он был рождением старше Яррии, но женская зрелость наступала раньше, чем мужская. Брат и сестра должны были пройти очистительные обряды в одно и то же время, после великих охот, перед осенним праздником солнца. Среди подростков Яррий славился охотничьей удачей, и даже имя у него было Яррий Ловец. В самое трудное время он всегда приносил что-нибудь,—кролика или сову, связку рыб, пойманных острым шипом уды в водах Даданы, змею, сурка. Яррий Ловец в голодную вешнюю пору кормил Горбуна. В сытные летние дни Дило,

несмотря на кривые ноги, не отставал от товарища. Они переходили с поля на поле, от перелеска к другому перелеску.

Дило, несмотря на свое уродство, был мастер на все руки. Он плел из крапивы частые сети для ловли золотоперок в ручьях, делал дудочки из тростника и выманивал, подсвистывая на этой первобытной свирели, робких пищух из нор в песке. Он умел также рассказывать длинные сказки, которые никогда не кончались и переплетались, как кружево: то уходили на небо к Отцу и его звездному племени, то спускались в подземные пещеры, где таился после ущерба луны страшный бог, Лунный Дракон, или убегали в далекие степи, туда, где живут странные боги Молокоеды, у которых лица людские, а копыта конские. Они скачут повсюду вслед за стадами скота и, дивное дело, сосут молоко, как телята.

— Яррий кормил меня, — повторил Дило упавшим голосом.

Ронта поспешно вынула изо рта собственную жвачку и сжала ее в горсти. Это был ее последний глоток.

— Иди, — сказала она мальчику, — во имя Яррия...

Дило быстро подполз, положил ей голову на колени, закрыл глаза и открыл рот. И она вложила ему свой глоток, как матка баклана вкладывает жвачку голодному птенцу. Она отдала ему не только собственную пищу, но соки собственного рта. Мальчик удержал ее руку и стал тщательно облизывать ладонь. Он не желал утратить ни единого питательного атома, или, быть может, благодарил ее, как благодарят ручные звери за ласку.

На другом конце лагеря собрались младшие мальчики, которые были слишком малы для лесного промысла. Но даже эти мальчики были настроены более хищно, чем девочки. Они обступили со всех сторон своего товарища Рума.

— Дай! — кричали они сердито и назойливо. В голодные дни этот детский крик раздавался на стойбище с утра до вечера.

— Дай! — кричали мальчики и наступали на Рума.

Рум прижимал к груди желтоватого щеночка шакальской породы. У щеночка была острая мордочка, и черные глазки его бегали по сторонам. Он, повидимому, хорошо сознавал опасность своего положения,

Дети нередко подбирали и выкармливали щенят, лисенят, молодых зайчат, даже воронят и гусенят, но все эти питомцы быстро вырастали и уходили на волю или попадали под нож. Держать взрослых зверей в полуголодном лагере было бы слишком накладно.

Но шакалий щенок Рума был особенный. Он совсем не рос. Уже два раза он зимовал в лагере и остался таким же, как прежде.

В сущности, это был не щенок, а взрослый шакал-карлик. Он был совсем ручной и никуда не хотел уходить: должно быть, понимал, что слишком мал и беззащитен, чтобы жить на воле. Его могли бы съесть собственные, более крупные братья. Зато Рум очень любил его и называл тоже Румом. Они спали вместе, и мальчик делил с ним последний кусок. И даже в эти голодные дни ребра Младшего Рума-шакала выдавались меньше, чем у его двуногого тезки.

— Дай!—кричали малыши,—убьем!...

Они хотели съесть четвероногого Рума. По закону Анаков, в голодные дни никакая живность в лагере или вне его не избавлялась от ножа, даже рогатые змеи, которые в обычное время считались священными и получали жертвы.

Лиас и Антек тоже были здесь. Они бросили мать, от которой ничем нельзя было поживиться, и вместе с другими наступали на обоих Румов.

— Дай!—кричал Лиас.

Он схватил камешек и бросил его в голову Старшему Руму. Но рука у Лиаса была еще не верная. Камень попал в голову Руму Младшему, желтоватому шакалу. Шакал жалобно взвизгнул. Рум Старший тоже взвизгнул. Потом глаза его загорелись зеленым светом, как у рыси. Он бросил на землю своего мохнатого друга, схватил из костра головню и кинулся на обидчика.

Зубы его оскались, спутанные волосы на голове встали дыбом. Озадаченные мальчишки отступили. Рум швырнул головню, подхватил шакала на руки и бросился вон из лагеря по тропинке, ведущей в лес.

Мальчики тотчас же опомнились и бросились было вслед за ним с гиканьем и свистом, но в это время по тропинке показалась новая фигура. Это была высокая девушка, темноволосая, в плаще из волчьей шкуры. Она

шла, опираясь на длинное копьё, и несла на плече большую бурую птицу, крылья которой волочились до земли. В руке она держала светло-серого зайца. Это была Высокая Дина, охотница женского лагеря. Она принесла соплеменницам охотничью добычу.

Младшие мальчики обступили охотницу, дергали ее за плащ, хватали за перья орла. Девочки тоже сбежались со всех сторон, как белки.

— У орла отняла,—сказала Илеиль, указывая на зайца. Его левый бок был наполовину истерзан чьими-то глубокими и острыми когтями.

— И орла принесла,—сказала Яррия с явным восхищением.—Этого и Яррий не сможет,—прибавила она, подмигивая Ронте.—Чем ты, Дина?

— Плоским деревом,—сказала охотница, указывая на свой пояс. За поясом было заткнуто изогнутое орудие из легкого и твердого дерева. Охотники Анаков метали его в воздух, убивая летевших мимо птиц. Но подбить этим куском дерева огромного орла да еще с добычей,—таким ударом мог похвалиться не каждый охотник.

Охотница Дина не была похожа на других женщин племени. Начать с того, что она до сих пор не знала мужа и хранила девственность, хотя уже три осени тому назад женщины благословили ее молодое чрево. Она не уклонялась от праздника и плясала вместе со всеми кругом травяного колеса, пела и ела с мужчинами, но ни один не мог похвалиться тем, что осуществил над ней пылкое обещание брачного гимна:

Я выжму твои груди,
Как спелые ягоды.

Дина была очень красива. Ее зрелая девственность затмевала младших подруг и рядом с женами соблазняла, как невиданный плод. Чрево у ней было гладкое, без единой складки. И груди были, как те золотые яблоки, о которых пела старинная песня.

Мужчины сражались за Дину, раздирали друг друга когтями, как дикие звери, но в последнюю минуту она уклонялась и убегала со смехом.

Дина жила по-своему и от мужчин ничего не принимала ни в дар, ни в обмен. Каждую осень ей предлагали

лучшие шкуры на плащ, но она отвергала их с презрением, не желая платить любовью. И все же, противно обычаю, вероломная дева носила пышный плащ новобрачной. Этот плащ не был принят из рук мужчины. Дина добыла его минувшей зимою собственным копьем и содрала собственным ножом с еще трепетавшего тела матерого волка.

Такова была охотница Дина, ненавистница мужей.

Она остановилась у первого костра и сбросила на землю свою двойную добычу.

— Ого!—крикнула она звучным голосом,—малых кормить...

Дина ненавидела мужчин, но очень любила детей. Она свято соблюдала древний обычай, который повелевает в голодные дни отдавать первую добычу малышам, кроме охотничьей доли; вторую—беременным женам и детным матерям с грудными младенцами; третью—подросткам, и только четвертую—взрослым. Она сама кормила ребятишек и часто отказывалась в их пользу от своей законной охотничьей доли.

— Сюда, сюда, сюда!—кликала Дина. И на этот зов малые дети покидали матерей и шли переваливаясь, ползли на четвереньках и собирались у ее ног, как муравьи у муравейника.

— Гули, гули, гули...—ласково звала Дина, как будто ворковала. Дети теснились кругом нее и тоже ворковали, как дикие голуби.

Девочки, не теряя времени, стали теревить орла. Дина схватила зайца и искусной рукой в два-три приема содрала с него шкуру.

Она прикинула на руке кровавую тушку. Заяц был старый и жирный.

— Сырым мясом,—сказала она весело. Есть сырое мясо считалось мужской привычкой. Женский лагерь варил свою пищу и часто в разговорах даже назывался «лагерем горшка». Но Дина и на этот раз желала переставить установленный обычай.

— Сюда, сюда, сюда,—ласково пела она.—Гули, гули, гули...

Своим острым ножом из дорогого прозрачного камня она отрезала мелкие кусочки заячьего мяса, скоблила

кости, обдирали жилы. Дети хватали ее за руки, жались к ее ногам и пищали, как галчата. Она вкладывала крошечные порции в широко разинутые рты. Дети глотали и жевали, и сосали, кто как умел, и давились от жадности, и подбегали снова.

В самом разгаре этого приятного занятия в левой стороне, над лощиной, раздался свист. Женщины вскочили и прислушались. Свист был резкий, мужской. Он повторился еще раз с особым переливом, потом еще раз. Свист этот говорил ясно, как будто словами: «Мясо, свежее мясо».

Воины Анаков часто приносили женщинам части мяса и целые туши зверей. Но, по обычаю, они должны были оставлять их поодаль и извещать женщин пронзительным свистом о своем приношении.

— Это Юн свищет!—крикнула Юна.—Это его голос. Подруга Черного Юна была высокая, с широким бедрами и, несмотря на голод, на ее костях было довольно мяса. И молока у нее в грудях было много. Оттого ее младенец был гладкий и тяжелый. Но в эту минуту она не думала о младенце; она сунула его вперед, в чьи-то услужливо подставленные руки, и опрометью бросилась из лощины по тропинке, ведущей налево. Она мчалась, как ветер, и через две минуты уже была наверху. Перед нею открылась широкая поляна. С подветренной стороны на нее понесло запахом свежего мяса, и ноздри ее раздулись. Но в эту минуту ею овладела другая страсть, более могучая, чем голод. Теплые лучи весны, заливавшие зеленую землю, показались ей лучами брачной осени; перед ее глазами как будто мелькнуло желтое колесо и пляска брачного хоровода.

Теленок лежал под деревом во мху. Возле него была воткнута ветка с пучком травы, привязанным к верхушке. Но Юна не смотрела на теленка; она ловила глазами белое пятно, мелькавшее вдаль за поляной среди частых стволов кленового и букового леса. Это было все, что она могла видеть от своего мужа Юна, который быстро убежал, согласно закону Анаков. Юна протянула руки. В ушах ее звучал припев брачного гимна: «Солнце, жги!».

Потом она опомнилась и быстро закрыла глаза. Перед началом оленьей охоты даже далекий женский взгляд мог

осквернить охотника и приманить неудачу,—маленького серого чертенка, который любит вертеться вокруг людских становищ; катается серым клубком по охотничьим тропам и попадает под ноги; вырывается из-под самой подошвы камешком или хрустит сучком и спугивает добычу. Думать о нем нельзя. Только подумаешь, а он уже тут, и дразнится, и бегаёт кругом.

Юна сотворила заклинание и обернулась к оленю. Ее первое чувство погасло. Теперь была не осень, а весна — время голода и свежей добычи. Женщины ждут внизу. Они будут есть мясо. Она тоже будет есть по праву, вместе с другими.

Юна трянула головой и своими крепкими руками схватила теленка и вскинула на спину. Потом твердыми шагами стала спускаться обратно в лагерь.

Женщины уже собрались внизу, готовые к разделу добычи.

Здесь были матери, костлявые, как смерть, истощенные двойным бременем: голода и кормления младенцев. Кожа на их животе и боках висела бурыми складками, даже волосы у них стали тусклые и шершавые от голода. Еще страшнее были беременные жены. Они должны были родить через месяц и таскали в своем чреве уже зрелых младенцев, но вся сила и сок их тела ушли в это чрево. Спина и ноги были как будто подпорки из кости, обтянутые замшей, для этого безобразного отвислого мешка.

— Кто будет делить?—спросила Юна, сбрасывая теленка на землю.

— Лото пусть делит,—заговорили женщины,—старуха пусть делит.

Лото считалась самой справедливой старухой всего племени, и ей надлежало делить первую добычу. Она вынула нож из черного камня, широкий, обоюдоострый, сжала его в руке и быстрым взглядом окинула всех участников дележа. Их было девятнадцать: семь беременных и двенадцать детных. Майра тоже хотела замешаться в их число, но они отогнали ее в сторону. Дети у нее были большие, и в эту весну она должна была окончательно отлучить их от груди.

— Оставьте!—строго сказала Лото.—Майра, иди!... Будет как раз четыре руки.

Анаки вели счет по пальцам рук. «Четыре руки» означало четыре пятка, т. е. двадцать.

Опытным глазом старая Лото прикинула размеры туши.

— Будет всем по куску,—решила она,—а кости в котел.

Двадцать услужливых рук уже ободрали кожу с телячьей туши. Она лежала на земле, вся красная, с ног до головы. Только копыта и ноздри были черные. И белки глаз резко выступали из орбит. Этими белыми глазами красный труп тускло глядел на окружавших его женщин.

— Посматривает,—хихикнула Исса, другая старуха, за плечами делильщицы.

Исса была колдунья ночная, подобная Юну, и соседки ее боялись. Она была совсем сгорбленная и ходила, опираясь на посох. Женщины удивлялись, как держится дух в этом дряхлом теле. Они говорили, что Исса-колдунья каждый раз откупается от дьявола смерти чужими головами. Два раза ее принимались убивать. Но оба раза она успевала вырваться и убежать в пустыню. Дня через три она возвращалась, как ни в чем не бывало. И племя принимало ее без ропота и оставляло в покое. Она была искусница на две стороны: могла приманить дичь и отогнать ее, дать здоровье или скормить его дьяволу смерти, перевести любовь с женщины на женщину и с мужчины на мужчину.

Исса-колдунья тоже часто делила мясо между женщинами, особенно жертвенное. Она стояла сзади Лото и злыми глазами смотрела на теленка. Ее мучила зависть. Запах крови щекотал ей ноздри.

— Смотрит, Дранный,—сказала Исса злорадно.

В толпе женщин послышался ропот. С драным оленем была связана зловещая охотничья легенда. Она говорила, что Анаки, много лет тому назад, однажды захватили на реке такое огромное стадо, что насытились убийством и опустили копья; но олени все шли. Тогда охотники поймали живого оленя, ободрали с него кожу и в таком виде отпустили его на волю.

С тех пор ободранный олень привязался к племени Анаков. Он ходит вслед за ними, является им на стойбище и во время охоты и ищет мести.

Лото подняла нож вверх и молча показала его Иссе.

На плече у черной колдуньи был глубокий шрам от старого, зажившего пореза. Говорили, что этот порез сделан именно черным ножом старухи Лото, хотя и не ее рукой.

С тех пор прошло много лет, но Исса не забыла. Она отступила и затряслась. Нижняя челюсть ее отвисла. Она отвернулась в сторону и забормотала что-то непонятное, как бормочут колдуньи во время гаданий. Не то она бранилась, не то жаловалась, неведомо кому.

Винда и Рея-Волчица первые схватили по куску и побежали в сторону. И на ходу они торопливо жевали и совали жвачку своим младенцам. Младенцы захлебывались, и их беззубые рты окрасились розовым соком, и сами они как будто уже порозовели от одного появления спасительной еды.

Лото резала и раздавала и отсчитывала на пальцах. На третьем пальце второй руки у нее засосало под сердцем. Во все эти дни голод мало мучил ее жилистое тело, но теперь теплый пар свежего мяса разгорячил ее. Руки ее были в крови по локоть. Но Исса стояла за ее спиной, и она мужественно воздерживалась даже от того, чтобы облизать свой нож.

— Берите,—говорила она и совала куски.—Девки, ставьте котел.

Илеиль и Яррия давно приготовили мясной котел. Он был сделан иначе, чем первый, сплетен из прутьев и обмазан слоем глины. Этот котел ставили прямо к огню. С ним следовало быть очень осторожным, ибо глина трескалась и бульон выливался в огонь.

— Берите,—машинально повторяла Лото и резала ножом. Глаза ее плохо видели, голова кружилась. Ее тошнило от голода.

— Пятый палец четвертой руки.

Это была Майра, двадцатая. Лото двинула ножом с последней энергией и глубоко порезала собственный палец тыльным лезвием.

Она крикнула от неожиданности, и, будто эхо, отозвался злорадный смех Иссы, стоявшей сзади.

— На две стороны,—громко сказала Исса.

Черный нож тоже мог резать на две стороны. Все на свете бывает на две стороны..

Но Лото не слушала. Она бросила нож в сторону и поднесла палец ко рту. Лизнула, ощутила знакомый сладкий вкус. Но это была ее собственная старая кровь, а не оленье, уже застывшая.

В глазах у нее стало красно, будто красная река разлилась перед ней. В ушах зазвенело. Это река звенела о камни. Камни были, как острые ножи. Они резали тело и все были испачканы красным.

Лото, делильщица мяса, упала без чувств на груды оленьих костей, ни разу не нарушив своего долга перед племенем.

III.

Юн Черный вернулся к Лысому Мысу не той дорогой, что прежде. Он спустился на самый берег реки и пробирался вперед, прячась под нависшими ярами и переползая в траве. Олени могли спуститься в это самое утро, и нужно было удвоить осторожность.

И действительно, когда он добрался до последнего поворота и увидел Лысый Мыс, он различил на его желтых откосах большое пятно, темное, движущееся. Это были олени. Они были построены клином и уже входили в воду. Юну показалось, что в узком переднем конце клина мелькает белое пятнышко.

— Белая телка,—подумал Юн, потом припал к земле и застыл, не шевеля ни одним членом.

Оленья стадо, действительно, спускалось к реке и собиралось плыть через волны Даданы на северный берег.

Олени шли, не торопясь, только копыта постукивали, задевая друг за друга, да тонкие рога поднимались над берегом сажень на сто в ширь, как сухие сучья.

Впереди шли два передовых. Это были самки, молодые, бездетные. Они осторожно ступали, поворачивая во все стороны свою стройную головку и поводя большими черными пугливыми глазами. Но ничего опасного не было видно. Лагерь Анаков как будто провалился сквозь землю, даже трава на лужайке не была примята.

Внизу, на сгибе плеса, зеленели тростники, но и там было все безопасно, ибо их гибкие верхушки не шевелились ни от чьих предательских движений.

Передовая самка в последний раз потянула воздух своими тонко вырезанными ноздрями, фыркнула, решительно вошла в воду, сделала шаг, другой и поплыла на перерез течению. Через десять минут все стадо уже отделилось от берега и колыхалось в зыбких волнах Даданы.

Берег остался сзади, и волны Даданы стали сносить их вниз по течению. Но впереди показался другой берег низкий и ровный, и весь синий и смутный. Он проходил мимо вдаль, как будто тихо скользил по воде, в обратную сторону, против течения Даданы.

Как вдруг сзади раздались громкие, страшные звуки, гиканье и будто вой и свирепое таяканье. Были ли это серые волки или желтые шакалы, или самые страшные из всех, высокие, белые, коварные враги с одним длинным когтем, прилетающим по ветру? Олени не разбирали. Они, не оглядываясь, слепо, изо всей силы перебирали ногами. Глаза у них выкатывались из орбит. Голова по привычке откидывалась назад, как на быстром бегу. Им казалось, будто они мчатся во всю прыть по этой предательской воде, но быстрые волны мешали им и сносили их вниз.

Сзади не было ни волков, ни шакалов,—были только Анаки. Они выскочили из тростников с гиканием и воем в своих легких берестяных челнах и мчались по воде, загребая воду длинными двухлопастными веслами то слева, то справа. Весла гнулись; челноки то зарывались в воду, то почти совсем выскакивали вон, как играющие рыбы. Анаки гребли изо всех сил, нагибаясь вперед, и дыхание их вырывалось коротко и со свистом.

Здесь были самые лучшие, сильные, смелые охотники. Старики и подростки остались на берегу и бежали по песку, потрясая копьями. Они продолжали выть по-волчьи и лаять по-шакальи, чтобы отогнать оленей от берега и помешать им вернуться обратно.

Шакалы, впрочем, тоже были здесь. Их небольшие фигурки высыпали далеко от людей, почти у того места, где прятался Юн. Они бежали у самой воды вниз по течению, поводя беспокойно острыми мордами и следя глазами за стадом и охотниками. Они рассчитывали расстояние, чтобы встретить каждого беглеца, который рискнул бы вернуться на берег.

Юн Черный не стал рассматривать дальше. При первом охотничьем крике, долетевшем от Лысого Мыса, в его душе что-то зажгло и вырвалось наружу. Стиснув зубы, не помня сам себя, он бросился вперед, направляясь к заветным тростникам. Его челнок был колдовской, с лицом двузубого беса на остром носу, искусно загнутом кверху. Копье у него было с красными кистями. И оттого их не тронул ни один слишком ретивый охотник из пешего отряда.

Юн вытолкнул челнок ногою, сел на ходу и погреб вперед. Охотники гнались за стадом, он гнался за охотниками.

Люди уже нагоняли. Они развернулись веером, заходя с левой стороны и стараясь отрезать у стада „нижнюю воду“. Юн взял ниже всех и очутился на крайнем фланге. Он замыкал дугу развернутого веера.

Минуто или две люди и олени плыли параллельно. И вдруг грянула песня, брачная песня весенней охоты:

Серые жены, сдавайтесь,
Мы возьмем вашу плоть...

— Возьмем, возьмем! — гремел оглушительный хор. И под эти оглушительные звуки конец веера загнулся и встал поперек оленьего пути. Стадо смешалось, остановилось и превратилось в беспорядочную кучу.

Теперь люди и олени стояли друг против друга и смотрели друг на друга. Но люди слегка подгребали своими длинными веслами против течения. Олени, сидевшие в воде по шею, были беспомощны. Волны Даданы неудержимо сносили их вниз, прямо на охотников.

Юн быстрым взглядом осмотрел товарищей. Тут были все: Альф Быстроногий, Лиас, искусный в метании копья, Санг — Птичий Коготь, Мар Красивый и Несс, друзья-соперники; двое братьев Семов, одного звали Голодным, а другого Сытым; Илл Бородатый, самый рослый человек во всем племени. Лицо у него было красное, огненная борода. Оттого его звали также Илл—Красный Бык. Его челнок сидел в воде глубже других, зато лопасти весла у него были широкие, как в женских ладьях.

Охотники были совсем близко к оленям. Они ясно видели их крепкие груди с белым подгривком, точеные головы,

изящные рога и тонкие ноздри, часто дышащие от усталости. Олени глядели им в лицо дико и беспомощно.

— Красивые — подумал Юн. — И жирные, прибавил он мысленно.

И при этой мысли в его душе и даже во рту как что-то растопилось.

— Так растопился их жир от гонки, — подумал Юн.

Он все загребал вперед и заводил свой конец дуги кругом стада.

Уж его челнок оборотился носом к южному берегу. И вдруг он издал короткое восклицание. От южного берега выплывал еще челнок. Он плыл легко и стройно, так быстро и прямо, как будто катился по гладкому льду. Он описывал кругом стада такую же широкую дугу, как раньше Юн, и подъезжал с другой стороны.

Охотники насторожились.

— Чужой, — подумал Юн. Но никто чужой не дерзнул бы вмешаться в охоту Анаков. Кроме того, чужих не было вблизи. Стойбища племени Селонов лежали за 10 дней пути, на нижней оленьей тропе через реку Дадану.

Это, действительно, не был чужой. Это был Яррий.

«Непосвященный», — гневно подумал Юн.

Яррий еще не прошел обряда посвящения и потому не имел права выплывать на реку и участвовать в брачной охоте.

«Испортит охоту», сердито подумал Юн.

Яррий, однако, был далек от того, чтобы испортить охоту. Челнок у него был новый, из желтого луба, очень длинный и узкий. Свежий луб поблескивал на солнце, как золото. И при каждом ударе двойного весла челнок прыгал вперед, как будто кузнечик. Яррий скоро подъехал, обогнул Юна и стал левее, немного поодаль. Теперь он замыкал дугу веера. Он взял весло в левую руку, а правую стал снимать копьё. Оно было очень длинное, подстать челноку, длиннее, чем у всех охотников племени.

«Ишь какое копьё», подумал Юн, «и когда он сделал?...» — «Неблагословенное» припомнил он тотчас же: «несчастье будет».

Впрочем, теперь не было времени раздумывать. Еще минута, и стадо могло разделиться на части и рас-

сыпаться во все стороны. Тогда охота была бы труднее и. менее успешна.

Альф Быстроногий решительно ударил веслом, протянул копые и ткнул навесно в бок ближайшего оленя. Олень мотнул головой, отпрыгнул в сторону и стал биться, захлебываясь. Через минуту он опрокинулся боком и поплыл вниз по течению, как кожаный мешок с мясом, унесенный с берега приливом.

Сердце у Юна екнуло. Олень повернулся на левый бок. Это была дурная примета. И вдруг он вспомнил свои вчерашние речи, буйные слова против скупости богов. Ему стало страшно.

«Дракон, не допусти», помолился он мысленно. Он ободрял себя тем, что Дракон все-таки прислал оленей Анакам и, стало быть, не отверг предложенной жертвы.

— Не сердись, Дракон,—сказал он опять.—Воздам сторицею.

Илл Бородатый выгреб вперед и заколол одного за другим матку и двух телят. Удары его весла были спокойные, длинные, ровные. И красное лицо его было тоже спокойно. С таким же точно лицом он, бывало, сбивал палкой осенние яблоки с яблонь, растущих в лесах у Кенайских пещер. И с таким же лицом убивал ножом клыкастого вепря на узкой тропинке в густых тростниках по речке Калаве.

Мар Красивый подъехал к стаду вплотную и стал поражать оленей без разбора. Другие охотники держались на прежних местах и старались не давать стаду разбиваться на части...

Яррий до сих пор держался поодаль. Он опасался ссоры с другими охотниками. Но теперь он поднял копые и въехал внутрь стада. Олени бились кругом и каждую минуту могли разбить или опрокинуть его челнок, но он смело вогнал нос челнока в самую гущу стада и втиснул его между двух оленей, плывших рядом. Олени раздались как раз настолько, чтобы очистить место охотнику. Дальше отодвинуться им мешали другие. Дерзкий охотник поставил весло поперек челнока и даже положил его краями на спины оленей в виде баланса. Олени жмурились от ужаса, но не сопротивлялись. Теперь Яррий стал частью оленьего стада и плыл вместе с ним. Главная

внутренняя масса даже сжалась теснее. Желтый челнок как будто служил ей центром и притягивал оленей к себе.

Об этом приеме рассказывали старики, но уже много лет никто из Анакских охотников не отваживался на такую дерзость. Для того, чтобы исполнить ее, нужно было иметь прежде всего легкое и тонкое тело, такое, чтобы челнок шел по самому верху и поворачивался быстро. Малейшая неловкость означала потопление челна и гибель охотника, ибо даже хорошему пловцу было бы почти невозможно выплыть на волю из этой массы сжатых тел и бьющих по воде копыт.

Зато теперь Яррий в своем челноке был обладателем стада. Он протянул через головы ближайших оленей свое длинное копье и быстро закалывал одного за другим по большому кругу вокруг своего челнока. Дальние олени не видели его и не знали, откуда приходит смерть. Он щадил ближайших, только обтачивал стадо по самому краю, как будто колесо. Заколотые падали, другие олени приходили на их место. Река наполнилась трупами и окрасилась кровью. Наконец, стадо дрогнуло и разбилось, сначала на две части, потом на четыре. Охотники тоже разбились, въехали внутрь, и началась бойня.

Линия мертвых туш плыла по середине реки. В дикой суматохе этой охоты только они одни были спокойны. Живые олени по большей части не думали о защите. Они принимали удар и падали и гибли молча, как гибнут рыбы, окруженные сетью. Матки протягивали голову перед телом телят, закрывали их собственной грудью и гибли вместе с ними. Только иные бычки помоложе давали отпор. Они оборачивались к челноку и бросались навстречу, прыгали на борт копытами и, наклонив голову, старались поразить охотника рогами в грудь. Но длинное весло давало людям слишком большое преимущество. Одним ударом они отгребали в сторону и подставляли нападавшему смертоносное острие.

Небольшой отрывок стада, штук в пятьдесят или немного больше, выбился наружу из гибельного круга и, не зная, что делать, повернул обратно к южному берегу. Люди, бежавшие по берегу, удвоили крики, потом подняли копьа и дротики, готовые исполнить свою часть охоты. Иные из них даже забрались в реку и бежали, рас-

плескивая воду ногами, для того, чтобы встретить оленя как можно раньше, пока движения его еще связаны водой. И все береговые охотники, зрелые мужчины, и отроки, и старики, громко повторяли ту же песню, доносившуюся с реки:

Возьмем вашу плоть,
Возьмем вашу плоть!...

Шакалы тоже вернулись. Они бежали теперь вверх по течению, искоса поглядывая на копыта охотников и остерегаясь подходить слишком близко. Ибо даже в лучшем случае двуногие охотники и их четвероногие прихлебатели хранили между собой вооруженный мир.

Олени приблизились к берегу, но, при виде охотников, повернули опять. Теперь они плыли вдоль берега вниз, и люди бежали по берегу параллельно с ними.

Место это было на много ниже Лысого Мыса. Здесь река Дадана делала поворот, и течение отбивало к противоположному берегу. Южный берег стал шире и выпустил длинную песчаную отмель далеко в реку, почти поперек течения. Олени плыли вперед прямо на конец отмели. Теперь люди были сзади. Они прибавили ходу, но берег стал вязким и илистым.

Первый олень внезапно обмелел и достал ногами до дна. Седобородый старик, бежавший впереди с дротиком в руке, остановился и измерил глазами расстояние. Но олень был слишком далеко. В два прыжка он добрался до берега, перебежал на другую сторону косы, где почва была тверже, и ринулся вперед.

Один из шакалов, самый смелый или самый проворный тоже был впереди. Он сделал прыжок, но острое копыто оленя задело его по голове, и он отлетел в сторону. Олень, как буря, умчался вверх по косогору.

Старик посмотрел ему вслед и погрозил дротиком, но другие олени уже доплывали до берега. Они выбегали на землю, друг за другом, тремя серыми струями, и бросались напролом сквозь стену охотников. Люди поражали их дротиками и копьями, набрасывали им арканы на шею, хватали с берега камни и бросали им в голову.

Шакалы успели схватить злосчастного теленка, отбежавшего в сторону, потом еще другого. Они облепили их

со всех сторон и рвали живьем на части, не думая о другой добыче.

Рул Отрок, товарищ Яррия, впопыхах не захватил ни копыя, ни аркана. Не имея под руками оружия и не желая оставаться без добычи, он бросился на оленя, пробежавшего мимо, и крепко схватил его руками за рога. Это была яловая самка, сильная, с ветвистыми рогами. Яловые самки оленьего стада были похожи на быков резвостью и силой. Анаки называли их Ялама--мужеподобная.

Мужеподобная самка мотнула головой, но Рул держался крепко. Ялама закинула голову назад и побежала по косогору, увлекая за собою дерзкого охотника. И вслед на ними раздалось, как будто напутствие:

Возьмем вашу плоть,
Возьмем вашу плоть!...

Рул попробовал задержаться ногами за землю, потом за дерево, но Ялама оторвала его без усилия и побежала дальше. Тело его волочилось и билось о кочки и о корни деревьев. К счастью, в этом месте деревья росли редко. В лесной чаще он изодрался бы на смерть или отпустил бы добычу.

Он крепко держался руками за рога и изо всех сил старался пригнуть голову Яламы вниз. Но она была сильнее. И, чувствуя, что добыча ускользает из его рук, Рул потянулся всем телом вперед, продвинул голову вниз под шею Яламы и впился зубами в ее напряженное горло. Ялама мотнула головой и остановилась. Рул висел на ее горле, как белый волк, стискивая зубы. Обеими руками он тянул ее голову вниз за рога.

Ялама опять мотнула головой и встала на задние ноги. Ноги Рула тоже встали на землю. С минуту они боролись, потом Ялама ударила его передними копытами в спину и подмывала под себя. Рул ударился головою о корень; в ушах у него зазвенело, искры посыпались из глаз. Но зубы его не разжимались. Их нельзя было бы разжать даже лезвием копыя. Ялама зарыла голову вниз и ударила Рула рогами. Верхние отростки прошли над его головой, но нижний левый отросток, прямой и острый, как копье, вонзился в его плечо, прошел насквозь и воткнулся в землю.

Рул тихо застонал сквозь сжатые зубы, ударил ногами раз, другой потом остался недвижим. Он потерял сознание. Ялама еще раз мотнула головой, как будто хотела вырвать горло и рог, но вместо того колени ее подогнулись; она тяжело грянулась на землю и придавила Рула. Мертвое тело добычи лежало поверх омертвелою тела охотника. Лицо его ушло в белый мех ее подгрудка, но руки соскользнули с рогов и как будто обнимали ее шею. Так они лежали, обнимаясь смертным объятием на зеленом мху приречного леса.

Юн Черный заколол уже многих, больше, чем по оленю на каждый палец его рук и ног. Его сердце и его копье напились первой крови. Теперь им было нужно другое. Он глядел по реке вправо и влево, отыскивая белую телку.

Сначала он посмотрел среди трупов. Их было много, они проплывали мимо длинными рядами и цепями. Они были, как стадо, и дорога их шла прямо, как будто направлялась куда-то.

— К женам, рыба за рыбой, — сказал Юн. Он имел в виду, чтобы ни один олень не застрял на пути, но прошел до самого женского стана, без всякой задержки, как рыба.

После того Юн посмотрел между живыми. Они были теперь рассеяны на огромном пространстве, группами и в одиночку. От берега до берега они наполняли все блестящее лоно широкой Даданы. Охотники шныряли между ними и кололи, кололи без конца.

На левой стороне, ближе к другому берегу, Юн наконец увидал белую телку. Она быстро уплывала, и вместе с нею плыла и держалась группа оленей, как будто верная свита.

Юн Черный изо всех сил погреб по тому направлению. Олени судорожно сторонились от него, но он не думал о них и не преследовал их. Только одна молодая самка не посторонилась. Быть может, она чересчур устала от бесконечной гонки. Она остановилась как раз на дороге Юна и посмотрела ему в лицо. Две крупные слезы выкатились из ее глаз и канули в реку. Юн Черный, почти не глядя, ткнул ее копьём в брюхо и поехал дальше.

В это самое время Яррий заколол всех оленей по линии круга, до которых могло достать его длинное копье. Группа, поддерживавшая его челнок, стала разбиваться.

Надо было уходить на волю. Он схватил весло левой рукой, бесцеремонно уперся лопастью в голову левого оленя, одного из двух ближайших, дал сильный толчок назад и выскользнул на волю, как рыба из-под камня.

Он не стал убивать этих последних оленей из чувства благодарности, или, быть может, ему надоели простые олени. Он даже не посмотрел на них и, налегая на весло, погреб к противоположному берегу. Он тоже заметил странную белую телку. Она уходила налево, и ему захотелось овладеть этой редкой добычей.

Оба они, Юн и Яррий, мчались к последней группе оленей, как будто взапуски. Но Яррий был ближе. Он первый стал подъезжать к драгоценной добыче и уже положил правую руку на копьё. Олени плыли к берегу, тревожно оглядываясь. Только белая телка не оглядывалась. Он видел ее плечи и начало спины. Она была снежно-белая, как лебедь, и даже рога у нее были белые, с странными розовыми жилками, как будто из мрамора.

— Не смей!—крикнул Юн сзади,—не твоя!

Молодой охотник обернулся с удивлением и гневом.

«Сам хочешь?» спросил он мысленно и смерил глазами фигуру колдуна. Сердце его сжалось от злобы и вместе от ревности.

Он скрипнул зубами и повернулся к добыче. Неожиданно от группы оленей отделился один, по рогам — молодой бык, коричневой шерсти. Он мотнул головой, как будто бросил вызов, и решительно поплыл навстречу охотнику. Плыл он легко на редкость. Плечи его совсем выходили наружу. При каждом ударе сильных ног показывалась впадина спины и широкий круп, гладко-коричневый, блестящий от воды.

Яррий выгреб вперед и хотел двинуть копьём, но олень сделал резкий прыжок в сторону. Все туловище его вышло из воды наружу, показались четыре ноги, и светлая полоска пространства блеснула под его брюхом. В ярком блеске полудня тело оленя казалось красным, почти кровавым. «Что он, ободранный, что ли?» подумал Яррий.

Он вспомнил легенду о Драном Олене, но не ощутил ни страха, ни удивления. Впрочем, у него не было времени думать дальше. Его копьё соскочило и сломалось пополам. Влажные белки сердитых глаз оленя мелькнули

перед Яррием; передние ноги оленя упали на нос челнока и пробили его, как две острые секиры. Яррий выпустил весло и упал в воду, нырнул, потом выплыл и, разводя руками, поплыл вперед, все-таки к белой телке. Обломки челнока и копыя плавали на поверхности.

Теперь молодой охотник был в таких же условиях, как и его добыча. Но он плавал несколько не хуже, чем звери. И, кроме того, он лучше их понимал, как надо держаться на перерез течения. Через минуту он уже заплыл в группу оленей, подплыл к белой телке и положил ей руку на шею.

Другие олени ринулись в стороны. Белая телка плыла вперед. Яррий плыл рядом с ней. Он не нанес ей удара. Вода кругом него окрасилась в розовый цвет, но это вытекала его собственная кровь. Ибо обломок копыя в схватке с коричневым быком отскочил назад и ранил его в грудь. У него кружилась голова, ноги его помертвели и повисли бессильно. Но он крепко держался рукою за шею белой телки и вместе с нею подвигался к берегу.

Юн Черный тоже подъехал сзади, но слишком поздно, чтобы вмешаться в битву. Он мрачно посмотрел на эту странную группу. Белое тело Яррия точно сливалось с шерстью телки. Они плыли рядом к берегу, прижимаясь друг к другу, как брачная чета.

Гнев вспыхнул в сердце колдуна.

«Мальчишка», подумал он, «хватает чужое».

Он сжал правой рукой копые и подумал, что было бы хорошо одним сильным ударом пронзить обоих.

— Тебе, Дракон, — произнес он короткую молитву и двинулся вперед.

Коричневый олень, победивший Яррия, неожиданно вернулся. Он не обратил внимания на молодого охотника, который теперь плавал в воде со зверями, но челнок и человек с копьем опять вызвали в нем боевое чувство. Он поплыл навстречу Юну Черному точно так же, как в первый раз. И вместо двух белых жертв Юну пришлось сперва принять эту битву с коричневым врагом.

Юн был осторожнее Яррия. Он сделал притворный выпад копьем, и когда олень отпрыгнул в сторону, он снова гребнул и снова ткнул копьем. Но и олень опять повернулся и прыгнул, как дельфин.

Копье Юна скользнуло в сторону, но все-таки вонзилось в оленя и попало в кость лопатки. Наконечник хрустнул. Олень прыгнул еще раз, копье сломалось. Только небольшой обломок остался в руках у Юна. Конец этого обломка расщепился, как будто кто расколол его ножом.

Юн бросил обломок на дно челнока и подхватил весло, которое уже собиралось свалиться и уплыть. Впрочем, оно было цело, и челнок не повредился в битве.

Юн посмотрел на Яррия и белую телку. Они были далеко, почти у берега. Тут Юн рассердился. Этот проклятый олень вырвал у него из рук двойную добычу и даже копье.

Его честь требовала расправы с этим дерзким врагом, который, противно обычаю своего рода, шел первый на человека. Он повернул челнок к оленю и стал искать глазами копье. Оно выскочило из раны и плавало на воде. Юн осторожно подплыл, не спуская глаз с врага, и подобрал копье. Но оказалось, что оно больше не годилось для охоты. Костяной конец был сломан пополам. Это было не копье, а обломок палки. Юн был безоружен и не мог напасть на оленя. Олень, впрочем, тоже не думал о нападении. Теперь он сидел в воде глубже прежнего и плавал медленнее. Опытный глаз Юна заметил красные струйки в воде у его левой лопатки. Это была кровь, вытекавшая из раны.

Юн стал щупать руками пояс, но не нашел ни ножа, ни поясного мешка. Он, должно быть, обронил их во время последнего стремительного бега к тростникам, на место засады, под Лысый Мыс. Он на минуту нахмурился, потом немного подумал и достал осторожно со дна челнока первый короткий обломок копеечного древка. Он еще раз внимательно осмотрел его, потом поднес ко рту и расщепил зубами. Один из осколков был острый и гладкий, как осколок кости.

Олень уплывал вперед смирно и грузно.

— Не уйдешь,—сказал Юн.

С решительным видом он ударил веслом, догнал оленя и подъехал вплотную к его рогатой голове. Олень сделал движение, как будто хотел прыгнуть, но уже не мог.

— Теперь не можешь,—сказал Юн с насмешкой.

Он схватил оленя левой рукой за рога, а правую, вооруженную осколком копейного древка, как будто кинжалом, вытянул вниз, опустил в воду и нащупал то место оленьего тела, где было сердце. Юн двинул рукой, и осколок вошел. Юн нажимал ладонью, и дерево шло все глубже и глубже, как будто копье. Потом Юн сломал осколок и оставил его в ране.

— Тебе, Дракон, — сказал он, — Черного за белого. Прими...

Он достал веревку со дна челнока, накинуд на рога, укрепил и повел тело на буксире к близкому берегу. Ибо это была жертва, а не часть добычи, и ее нельзя было отпускать вниз по течению.

Они были уже на два поворота ниже Лысого Мыса и далеко впереди, на виду у всех стали выплывать ладьи, широкие, медленно-ходные, но зато поднимавшие много груза. Это шли женщины подбирать добычу. Нужно было вернуться, чтобы не встретиться с ними на водяном поле.

Через две минуты Юн догреб до берега, вытащил оленя на песок. Он перерезал ему горло ножом, чтобы выпустить дух жизни, и положил его на земле головою на полночь. Олени, доплывшие до этого берега, давно исчезли. На перестрел копыя лежало на песке белое тело. Это было тело Яррия Ловца. Его рана, омытая водою, перестала сочиться. Он был в сознании, но до того обессилел, что не мог подняться.

Белой телки нигде не было видно. Она не стала медлить и убежала вместе с другими.

IV.

Ронта шла по тропинке мимо ручья Калавы, в густых камышах. Камыши были высокие, прямые, гибкие, как зеленые копыя. Их острые верхушки поднимались выше ее головы. Тропинка была узкая и глубоко втоптанная в землю. Ее проложили кабаны, продираясь сквозь эту чащу. С обоих боков смыкались две плотные, зеленые стены. Даже в глазах становилось темно, если взглянуть сквозь частые стебли налево или направо. Оттого Анаки называли эти камыши черными камышами.

Но вверху над камышами сияло ясное небо и яркое солнце. Оно катилось по небу—большое, пламенное. Лето было в разгаре, и солнце было в зените. Ронта шла вперед упругими шагами. Это была не та весенняя Ронта, а новая, иная. Две луны закатились после весенней охоты. С тех пор у Анаков было вдоволь пищи. В мешках лежал сушеный жир и в ямах под дерном сырое мясо. На речных островах были птичьи яйца. Зайцы и белки вышли на опушку из леса. Дикие гуси часто попадались под удар «плоского дерева». Много было также пищи волокнистой, растущей из земли. Корни полевой репы наливались вкусным соком, поспели ягоды и земляные орехи. Мелкие дикие яблоки тоже почти созрели в оврагах у ручьев.

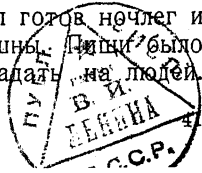
Анаки вышли на эти широкие степи, окружавшие Калаву, совершая свой обычный путь. Здесь они должны были устроить большую охоту на диких лошадей. Мясо лошадей, хотя и уступает оленьему, но зато его больше. Однако, охотиться за ними труднее, ибо лошади зорки и видят далеко, и убегают, как ветер. В крайности они жестоко дерутся.

«Злая лошадь хуже медведя», говорит пословица.

После охоты Анаки должны были подняться в предгорья к тем пещерам, где они проводили зиму. В пещерах было сухо, не было ветра и снега. Удобнее этого места не было на свете.

За это изобильное время все жители отъелись, потолстели и повеселели. У Ронты тоже тело сделалось глаже и крепче. Она только что выкупалась, и влажная кожа ее блестела на солнце. Плечи ее остались костлявы, и груди чуть распустились. Но старая Исса похвалила ее чрево.—Хорошо будет благословить это чрево,—сказала она с странной усмешкой. Ронте сделалось страшно. Женский обряд посвящения имел тайные подробности, и о нем передавались между подростками мало вероятные рассказы.

Для подростков и для детей лето было, как нескончаемый праздник. С раннего утра они забирали кусок сушеного мяса и уходили в пустыню. Они не возвращались в лагерь по два и по три дня, и никто не беспокоился о них. В эту пору под каждым кустом был готов ночлег и ужин. Даже дикие звери не были страшны. Пищи было много и для них, и не было нужды нападать на людей.

Почти все они успели узнать, кто самый сильный, и без крайней надобности не открывали враждебных действий.

Ронта шла вперед по узкой тропинке. Над ее головой жужжал и вился толкун мошкары. В ярких лучах полудня мошки мелькали и носились, как золотые пылинки. Эти золотые мошки не жалили и не кусались. Оттого солнце позволяло им летать в полдень. Тем же, которые пили кровь, оно высушивало крылья и заставляло их прятаться в траву и ждать вечерней прохлады. Золотые мошки мелькали кругом, как искры, и толклись, и пели яркому солнцу свою благодарность. Голос у них был тихий и тонкий:—Ззз...

Ронта остановилась и прислушалась, но она не могла разобрать, что поют мошки.

С левой стороны тихо смеялась Калава, пробираясь между древесными корнями.

«Калава темноволосая», подумала Ронта.

Дно у Калавы было мшистое, темное. Она не носила пенных кудрей, ее струистые волосы ложились вдоль хребта прямыми полосами.

Тростники тоже пели. Когда порыв ветерка пробегал по верхушкам, они гнулись и гудели. Голос у них был низкий, густой:

Ввв...

Ронта прислушалась. Голос мошек и голос камышей сливались вместе в одну стройную песню. И теперь Ронта разобрала напев и даже слова.

— Солнце, жги!—жужжали мошки и пели камыши.

Это был припев брачного гимна. Юноши и девы, еще непосвященные, не имели права петь этот гимн. Но припев повторялся в десятках различных песен, детских и девичьих, весенних и жатвенных, когда жены Анаков собирали колосья на диких полях у верховьев Калавы. Все Анаки чтили солнце, но каждый певец вкладывал в его хвалу особый смысл.

— Солнце, жги!—пели камыши. И солнце жгло.

Ронта подняла глаза и лицо к небу.

— Солнце—Отец,—сказала она.

Калава опять засмеялась, протекая мимо. И смех у нее был тихий, лукавый. Ронте представилось, будто она

прячет лицо под корнями и выглядывает украдкой и, прикрывая рот рукою, смеется втихомолку.

«Чему ты смеешься?» чуть не спросила она.

И, как бы в ответ, сквозь камышевую чащу донесся новый звук.

То был голос свирели камышевой. Она пела, словно выговаривала:—Тиу, тиу, тиу... Солнце, жги!..

В густых камышах жили Камышевые боги. Они были белые, статные, носили зеленый веночек на голове и тростинку в руках, как символ владычества. Ей пришло в голову, что кто-нибудь из них забавляется с тростинкой.

— Посмотреть бы его,—сказала она и пошла вперед.

Калава сделала внезапный поворот и отошла вправо. Камыши оборвались. Тропинка вышла из чащи на прибрежную поляну. Ронта осмотрелась, но бога нигде не было. Вместо бога на камне у воды сидел Дило Горбун. Он срезал камышинку, сделал из нее свирель и, прижимая ее к губам, выпевал протяжно: «Тиу, тиу, тиу»...

— Это ты поешь?—сказала Ронта с невольным разочарованием.

— Я, я!—пропел Дило.

— Я думала: Камышевый поет,—сказала Ронта наивно.

— Ага,—сказал Дило:—

Русая грива, золотое лицо,
Вот мы приносим тебе мяса.

Это была молитва Камышевому богу, которую пели дети перед ловлей гольцов в темных водах Калавы.

Ронта улыбнулась и кивнула головой.

Дило опять взялся за флейту.

— Это я пою, я, Дило... Фиу, фиу, фиу... А ты знаешь, что я пою?

Ронта покачала головой.

— Как я могу знать, что поют мальчики? — сказала она.

— Не знаешь теперь, узнаешь осенью, — сказал Дило и дерзко улыбнулся.

Ронта вспыхнула и отступила.

Со дня рождения до самого обряда посвящения дети не знали ничего о любви. Они не имели права присутствовать на весеннем празднике, а потом, в зимнее время,

об этом не говорилось. Летом взрослые начинали думать об осенней встрече и постепенно разгорались, но дети вместо того думали об искусе. О нем тоже знали не все, и он казался странным и таинственным.

— Я все знаю,—смеялся Дило,—я видел...

— Не называй запрещенного,—сердито сказала Ронта.

— Тиу, тиу, тиу,—пропел Дило вместо ответа на своей камышинке. — У Дило золотая голова и золотые руки. Посмотри, что такое я сделал.

Он вынул из-за пояса коротенький кремневый резец, молоток без ручки и кусочек белой кости, обточенной в виде звериной фигурки.

— Что это такое?—спросила Ронта, заинтересованная.

— Это Помощник, Мясная Гора,—сказал Дило.

Мамонт Сса—Зверь-Гора, или Мясная Гора—считался помощником Отца в созидании вселенной. Отец утвердил землю и развернул над нею небо, как плащ, а Сса Помощник усыпал его звездами по широкому полю, прорезал реки, выкопал озера и моря, раздвинул горы для прохода.

Дило утвердил свою костяную игрушку между пальцами левой руки и, тихо жужжа, принялся обтачивать ее своим резцом.

Жужжание его было все то же: «Тиу, тиу, солнце, жги»...

Ронта присела рядом и стала рассматривать костяную поделку.

— А зачем же у него ноги сведены?—полюбопытствовала она. Все четыре ноги костяного мамонта, действительно, были сведены вместе.

— Этот Сса в беде,—сказал Дило,—в яме.

Ронта нахмурилась.

— Это опять запрещенное,—сказала она.

Анаки, действительно, рыли для мамонтов ямы. Несмотря на все почтение к этому страшному зверю, помощнику Отца, овладеть им было слишком соблазнительно. Недаром его звали Мясная Гора.

Однако, напоминать страшному Сса о его беде было почти кошунством.

— Ничего,—сказал мальчик загадочным тоном,—люди сильнее...

Он продолжал работать над игрушкой легкими и точными движениями. И понемногу Ронта придвинулась совсем

близко и так засмотрелась, что забыла все запреты. Искусство Дило было велико. Тело мамонта, высокая голова и круглый хобот выходили из-под его резца, как будто живые. Даже маленькие глазки Сса он наметил с обеих сторон своим волшебным резцом.

Потом он отложил в сторону резец и поднес к лицу Ронты свою костяную игрушку.

— Нравится тебе? — спросил он. — А хочешь, я и тебя сделаю? Есть у меня кость, такая белая... — протянул мальчик, — как твое тело. — И он ткнул пальцем в стройный бок девушки.

— А ты поправилась, отъелась, — прибавил он тотчас же. — И груди налились. — Рука его дерзко скользнула на грудь девушки.

Ронта вскрикнула и ударила его по руке. Но Дило не обиделся. Он посмотрел на Ронту блестящими глазами.

— А знаешь, — сказал он, — я, быть может, еще и пойду в терновую рощу вместе с Яррием.

Ронта посмотрела на него с упреком.

— Яррий кормил тебя, — напомнила она.

Лицо Дило тотчас же изменило выражение.

— Правда, — сказал он, — и ты тоже кормила. Когда Дило был голоден...

— Ты моя мама, — прибавил он тотчас же. В его голосе звучала признательность.

Ронта задумалась. Слова Дило привели ей на память отсутствующего друга.

Дило посмотрел на нее, и лицо его оживилось.

— Хочешь видеть его? — спросил он неожиданно.

— Его, — повторила Ронта, как эхо. — Кого его?

— Его, Камышевого духа, — лукаво объяснил Дило. — Ты ведь на голос пришла к Камышевому духу.

— А ты видел его? — спросила Ронта недоверчиво.

— Дило все видел, — сказал Горбун. — Идем со мною. Я покажу тебе.

Они перешли Калаву в брод. Вода доходила им до плеч, и Ронта высоко подняла над головой поясной мешок, чтобы не замочить его. Но у Дило не было мешка. Он завернул свой резец и костяную игрушку в широкий зеленый лист, сунул за пояс и даже не стал оберегать их от воды.

— Небось, они не размокнут, — сказал он.

На другом берегу Калавы был буковый лес. Кабанья тропа пропадала и снова появлялась. Горбун катился вперед на своих кривых ногах ловчее, чем можно было ожидать. В густом кустарнике он падал на руки и полз, как зверь, «на всех четырех костях», как говорили о нем другие мальчишки. Руки у Дило были крепче, чем ноги. Когда он полз на четвереньках, он был похож на барсука, короткого, приземистого, с горбатой спиной. Они миновали буковый лес и добрались до Сарны. Сарна была дочь Калавы и резво бежала навстречу матери. Они перешли ее по камням; она весело смеялась и щекотала им ноги.

На другом берегу Сарны было поле диких колосьев. Эти колосья уже пожелтели. Они срывали их по пути и стряхивали себе в рот. Спелые зерна хрустели и скрипели под зубами. Нижние, мягкие, сочились белым соком.

Резвая Сарна обежала кругом поля и снова призывала их со смехом на свои гладкие камни. В этом месте ее берега стали выше. Сарна подмыла высокий обрыв, и он навис над водой, но еще держался корнями кустов, которые росли наверху.

— Вот он, — сказал неожиданно Дило, — смотри.

На самом краю обрыва стояла фигура. Она ярко вырезывалась на синем безоблачном небе. Она была высокая, стройная. На голове у нее была русая грива. И лицо было загорелое. Под солнечным лучем оно пылало и казалось, как золотое.

— Это Камышевый? — спросила Ронта недоверчиво и тотчас же узнала и радостно крикнула: — Яррий!

Яррий быстро обернулся и увидел своих друзей из женского лагеря. Он бесстрашно шагнул на самый край обрыва.

— Ронта! — окликнул он. Одну минуту он хотел даже прыгнуть вниз, но потом передумал, побежал в левую сторону и исчез из глаз, но скоро опять появился уже внизу, на правом берегу.

— Ронта! — повторил он радостно, подбегая к девушке. Они положили друг другу руки на плечи и потерлись щека о щеку. Таково было приветствие Анаков при встрече.

Ронта с восхищением смотрела на своего друга. За эти несколько лун он сильно изменился, и не даром она не узнала его сразу. Яррий вырос почти на ладонь человека и раздался в плечах.

«Это мужская удача», думала Ронта.

Когда он ушел по весенней дороге с мужчинами, он был почти только мальчик. А теперь это был не мальчик, а воин. Даже глаза его смотрели иначе. На шее у него был длинный белый шрам.

— Очень болело? — спросила Ронта, дотрагиваясь до шрама рукою.

— Ничего... — улыбнулся Яррий. — Белая телка занозила мне шею. У Рула дольше болело. Спанда сказал...

— А где Рул? — перебил Дило, который тем временем развязал сумку на поясе Яррия и бесцеремонно достал оттуда несколько темных кусочков сушеного жира. В летнее время Горбун был прожорлив, как крыса.

— Рул там... — Яррий сделал неопределенный жест рукой.

— Где там?

— Там, в лесу.

— Мы пойдем, посмотрим на него, — сказал Дило.

Яррий покачал головой: — Не надо трогать его. Он спит.

Дило с любопытством поднял вверх свою подвижную мордочку, но тотчас же вспомнил другое и перешел на новую тему.

— Скажите, когда вы пойдете в терновую рощу?..

В терновой роще производился обряд посвящения юношей. Их подвергали предварительному испытанию голодом и бессонницей и жестокому сечению — терновыми прутьями. После того они принимали племенной обет. Обряд заканчивался обрезанием, которое превращало отрока в мужа и делало его правоспособным к браку.

— Я тоже пошел бы, — сказал Дило не совсем уверенно. Яррий нахмурился.

— Я, быть может, не пойду в терновую рощу, — сказал он после короткого колебания.

— Как? — в один голос воскликнули Ронта и Дило.

— Юн отвергает меня, — сказал Яррий.

— За что? — быстро спросила Ронта.

В женском лагере слыхали в общих чертах о приключениях Рула и Яррия, но не знали ничего о недовольстве колдунов.

Яррий покачал головой.

— Спанда говорит, что я оленей убил слишком много.

— Слишком много оленей,—повторила Ронта с недоумением,

— Без посвящения,—объяснил Яррий с угрюмой улыбкой. — Юн грозит: «Зачем же он ходил убивать? Его самого надо убить». А Спанда говорит: «Убить нельзя. Я вместе лечил его и Рула. Их кровь смешалась».

Настало тяжелое молчание.

— Зачем ходил ты? — спросила, наконец, Ронта. — Не подождал до осени...

Яррий тряхнул головой.

— Меня зовут Ловец, — сказал он просто. — Чего мне ждать? Сердце не терпит.

Ронта опять положила ему руку на шею. Она заметила, что кроме белого шрама на этой крепкой бронзовой шее не было ничего больше.

— Где твой хранитель? — спросила она.

Анаки носили на шее кожаную ладанку, в которой была защита маленькая деревянная фигурка, попросту даже раздвоенный сучок. Это ладонка надевалась младенцу на шею при наречении имени, и сучок считался ангелом-хранителем своего владельца.

— Я потерял его в реке, — сказал Яррий неохотно.

— Худой знак, — сказала Ронта, хватаясь рукой за мешечек на собственной груди.

Яррий в виде ответа только пожал плечами.

— Он маленький, а я большой, — сказал он, помолчав. — Кто же кого охраняет?

— Грех, — сказала Ронта с упреком. — Духи услышат.

— Где духи? — упрямо возразил Яррий. — Я их не вижу.

— Где духи?.. — Ронта посмотрела на него с новым удивлением. — Везде, кругом. В воде, в камышах, в пространстве. Везде духи и везде боги.

— Пусть же они придут, — сказал Яррий. — Я ходил в лесах и в камышах, днем и ночью, и звал их. Никто не приходил.

Ронта посмотрела на него со страхом и недоумением.

-- Старые люди говорят, — начала она снова.

Яррий тряхнул головою и перебил ее.

— Да, я знаю, что говорят старые люди: «Надо пресмыкаться перед богами, кланяться в землю. Трепетать и покоряться. Пищу им давать, чтоб самого не съели. Защит-

ников искать». — Пусть приходят они, — повторил он, как прежде. — Я их не боюсь. — Глаза его сверкали странным блеском. Он закинул голову назад и стал как будто выше.

Дило радостно хихикнул. Дерзкая речь Яррия, видимо, доставляла ему величайшее наслаждение.

— Я ненавижу их обряды, — пылко говорил Яррий. — Розги Спанды коснутся ли моего тела? Зачем? Не бывать этому! Уйду я от них.

— Куда? — спросила Ронта.

Яррий широко повел рукою.

— На свете места много. Один буду я жить на вольных полях.

— А мы как? — сказала Ронта огорченным тоном. — Мы больше тебя не увидим...

— Все равно, и так не много видите, сказал Яррий. Брачные обычаи племени Анаков, видимо, тоже не устраивались его одобрения.

Ронта посмотрела кругом. Дило не было видно. Он уполз в сторону в погоне за ящерицей. Она опять положила руку на плечо юноши.

— Яррий, останься!

Ее детский голосок звучал убедительно и наивно.

— Зачем? — сказал Яррий.

— Я хочу плясать с тобою на празднике солнца, — сказала она.

Яррий молчал.

— Страшно, должно быть, там, — сказала Ронта. — Мужчины с бородами. Мне будет страшно плясать с ними без тебя.

— Да — подтвердил Яррий. — Илл Бородатый. У него борода огненная. Под ним челнок садится в воду глубже всех. Но на бегу он медлен.

— Я боюсь его, — сказала Ронта.

Яррий улыбнулся загадочной улыбкой. — Он не боится тебя. Мужчины с бородами любят девушек моложе.

— У!.. — Ронта даже головой замотала от страха и от вращения.

— Яррий, не уходи, — сказала она почти со слезами и даже схватила его за руку, как будто опасаясь, что он тотчас же исчезнет.

Лицо Яррия смягчилось.

— Если они ничего не скажут, — проворчал он неохотно, — я тоже не стану говорить. — Это было полусогласие на возможный мир с племенем и его обрядами.

— Ну, теперь я пойду, — сказал Яррий. — Вечер близко. Рул ждет меня.

— Зачем тебе Рул? — спросила Ронта и даже брови сдвинула.

— Рул — брат мой, нас кровь сдружила, — сказал Яррий.

Он вынул свои пальцы из пальцев Ронты, потом поднял руку и ласково провел ладонью по волосам девушки.

— Я приду, — сказал он. — Теперь не ищи меня. Я сам теперь найду тебя. Где бы ты ни была, в лесу или в лагере, я найду и вызову тебя. Вот так...

Он свистнул тихо и жалобно, подражая призывному крику Шиана, самца пестрой совы: — Угу!..

Ронта откликнулась ответом маленькой самки Шианы: — Угу!..

— Прощай, я ухожу! — крикнул Яррий.

Он свистнул опять, но уже по-иному, громко, пронзительно, уперся древком копья о землю, сделал неожиданно огромный прыжок в сторону и побежал вдоль берега. Ронта смотрела ему вслед. Через минуту он исчез за поворотом. Потом раздался плеск воды. Это он наступил резвой Сарне ногою на шею. Высокая фигура его снова показалась вверху над обрывом. Он махнул копьем Ронте в виде привета и пропал в чаще.

* * *

Час, и другой, и третий Яррий бежал полями и лесами. Он перебегал болота с кочки на кочку, не оступаясь, как молодой олень. Он переползал в густой чаще, как змея или призрак, и сзади его не оставалось следов.

Солнце закатилось, первые смутные тени упали на землю, когда он нашел своего друга. Это было в последнем лесу перед мужским лагерем. Здесь были все редкие, высокие, тенистые деревья, и земля под ними была ровная, крепкая, так что ноги отскакивали упруго на каждом шагу. Рул лежал под деревом, уронив голову на руки. Он как будто спал и не слышал шагов. Яррий окликнул его по имени. Рул поднял голову и мутными глазами посмотрел на товарища.

— Нemoжeтcя тeбe?—cпpocил Яppий зaбoтливo.

Рул пoкaчaл гoлoвoй.

— Зaчeм ты cтoлькo cпишь?

Рул пocмoтpeл нa нeгo cтpaнным и жaлoбным взглядoм.

— Oнa зacтaвляeт мeня.

— Ктo зacтaвляeт?

— Ты знaeшь, ктo: oнa, Мужeпoдoбнaя...

Oн нeoжидaннo вcкoчил, прoтянул руки впepeд и зaпeл вoыcoким, чacтым, гopлoвым нaпeвoм:

У нeй чeтыpe нoги и двa тeлa,—

Oднo тeлo жeнcкoe, другoe мужcкoe.

Oнa кивaeт мнe нoжaми рoгoв cвoих:

«Cпи, Рул, тoлькo вo cнe я мoгу пocещaть тeбя!»..

— Пycтoe,—cкaзaл Яppий.—Ee cъeли дaвнo, Дилo Гopбун, Яppия cecтpa и другиe.

Лицo Рулa иcкaзилocь oт яpocтнoгo гнeвa. Oн пoгpoзил Яppию кулaкoм:

— Будьтe вы пpoкляты, eсли вы cъeли ee!...

— Aх, чтo oнa гoвopит,—пpибaвил oн бeз вcякoгo пepeхoдa, пoдxoдя к Яppию и клaдя eму руку нa плeчo.—Mнe cтyднo cкaзaть,—шeпнул Рул и пoлoжил гoлoву нa гpyдь тoвapищy, кaк жeнщинa.

— Кaжeтcя тeбe—cкaзaл Яppий, упopcтвyя в cвoeм нeвepии.

— Oнa вeлит мнe: «пpими другoe тeлo»,—шeпнул Рул.

— Кaк?—пepecпpocил, Яppий, нe paccлышaв.

— Нoвoe тeлo,—пoвтopил Рул.

Oн пocмoтpeл нa Яppия oтчaянными глaзaми.

— Bот oнa зoвeт,—cкaзaл oн, пpиcлушивaяcь, и тoтчac жe хopкнул cам двa рaзa пo-oлeньeмy.—Этo ee гoлoc. Нo я нe хoчy идти зa нeю. Я бopюcь.

Oн пoиcкaл руками кpyгoм ceбя, кaк бyдтo ищa, зa чтo бы yхвaтитьcя. Лицo eгo выpaзилo кpaйнee нaпpяжeниe. Дaжe пoт пpocтyпил мeлкими кaплями нa лбy и нa вискaх. Яppий c нeкoтopым yжacoм зaмeтил, чтo кaпли эти бyли кpoвaвыe.

— Чтo c тoбoю?—cпpocил oн c тpeвoгoй.—Pазвe твoя рaнa pacкpывaeтcя?

— Дyшa мoя pacкpывaeтcя, cкaзaл Рул.—Жapкo мнe дo кpoвaвoгo пoтa.

Это был кровавый пот начинающих колдунов, когда они противятся велению духов.

— Как я пойду в терновую рощу?! — заговорил Рул снова. — Она велит другое: «Плащ твой собственный брачный прими из чужих рук. Пляши с мужчиной»...

— Мерзость, — сказал Яррий с отвращением. Он понял, наконец, смысл таинственных велений Мужеподобной Яламы. — Это Юн тебя учит...

Но Рул не слышал.

— «Я сделаю тебя великим колдуном, дам ход подземный и полет воздушный», — продолжал он перечислять обещания призрака. — «Не то убью. Резала тебя, не дорезала. Теперь дорежу».

По повелению духов и старших колдунов, иные из юношей отрекались от своего пола и уподоблялись женщинам. Такие потом получали великий дар волшебства. Именно на этот путь Черный Юн и убитая Ялама толкали отрока Рула.

Рул задрожал и опять сел на землю.

— Пойдем домой, — сказал решительно Яррий. — Надо тебе сегодня спать у костра с друзьями.

Рул упирался, но он взял его за руку и повел с собою сквозь темный лес, туда, где среди развешанного мяса горел костер и сидели колдуны и охотники, — Юн Черный и Спанда Мудрый, Илл Бородатый и многие другие...

* * *

Месяц был на исходе. Ронта и Яррий встретились еще раз; мужской лагерь переместился и подвинулся к женскому. Он находился теперь на берегу Калавы пониже устья Сарны. Он был устроен чрезвычайно просто. Большой костер, на котором охотники жарили пищу, беспорядочная груда сухих сучьев для топлива и в разных местах кучки зеленых ветвей для постелей. Не было даже навесов от дождя, ибо мужчины не строили крова весною и летом.

У костра никого не было. Огонь тлел тихо, объедая две здоровенные колоды, положенные накрест. Только запасное копейное древко, прислоненное к дереву, да длинный аркан, сплетенный из тонких ремней, говорили о том, что это стойбище не было покинуто людьми.

Анаки, впрочем, были близко. Они собрались все вместе внизу у воды и составили круг. Перед кругом стояли два колдуна, светлый — справа и темный — слева, а между ними стоял Яррий. Черный Юн исполнил свою угрозу и привлек дерзкого Ловца к суду племени.

Все охотники держали в руках копьа. Даже подсудимый являлся на сход с копьем. Воина можно было лишить жизни, но никак не оружия. Анака, убитого в таком судебном кругу, выносили оттуда с копьем в руке и клали на поле. И Яррий, хотя непосвященный, тоже пришел с копьем. Анаки встретили его угрюмыми взглядами, но не сказали ни слова.

Только Спанда и Юн не имели оружия. Они были вооружены словом своим, которое ранило большее копьа. На лице Черного Юна было написано злое ожидание. Спанда был высокий, с седой бородой, тот самый старик, который во время весенней охоты первый встретил оленей, выбегавших на берег. Глаза у него были спокойные, слегка насмешливые.

Сход только что собрался, но все молчали. Молчал и подсудимый.

— Говори, Яррий, — обратился к нему Спанда, впрочем, без суровости.

— Вы сами говорите, — неохотно проворчал Яррий.

— Ты отнял у бога живую добычу, — сказал Юн глухо и с гневом.

Яррий посмотрел на него исподлобья, но не сказал ничего.

— Говори, Яррий, — снова сказал Спанда.

— Если отнял у бога, зато дал Анакам, — сказал Яррий. — Это мое копьа переколело полстада.

Юн посмотрел на него ядовитым взглядом, потом обратился к племени.

— Если непосвященные мальчишки будут оленей убивать, — сказал он, — то что же останется взрослым?

Яррий ничего не сказал, но щеки его покраснели и глаза вспыхнули.

— Ты отнял у бога живую добычу, — повторил Юн.

— Не у тебя ли отнял? — возразил Яррий дерзко. — У твоего копьа короткого?..

— Лжешь! — вскрикнул Юн запальчиво. — Я видел тебя в воде. Четвероногий олень ехал на твоей спине.

— Рука моя лежала на шее белой телицы. Мы плыли рядом, как муж и жена...

Они стояли лицом к лицу и смотрели друг другу в глаза. Оба они были одного роста, статные и сильные. Только у Юна глаза и волосы были черные, а у Яррия глаза были серые, а волосы русые.

— Бродяга — прошипел Юн, — знаешь ли ты, что такое бог?

Яррий ответил ему презрительным взглядом.

— А ты знаешь? — спросил он неожиданно.

— Постой, вмешался Спанда. — Мы спрашиваем бога у тебя, не у Юна. Скажи нам, где твой бог?

Яррий поднял копье и с силой опустил его на землю.

— Вот мой бог, — сказал он резко.

— Слышите, Анаки! — воскликнул Юн с ужасом. И Анаки отозвались гневным ропотом. Яррий нахмурил брови и крепко оперся рукою на копье.

Спанда слегка пожал плечами и сказал спокойно: — Какой же это бог? Это — дерево.

Яррий молчал.

— Или нет на земле иного бога, сильнее, чем копье твое? — продолжал Спанда. — Зачем ты молчишь? Стыдишься говорить?

— Чего мне стыдиться? — сказал Яррий угрюмо. — Нет на земле иного бога, кроме Анака. Сса — Зверь-Гора и Полосатый Тигр подвластны нам. Горы и доли, леса и поля, все это наше.

Странно прозвучали эти гордые слова перед лицом враждебного круга воинов. Анаки сердито ворчали. Им нисколько не хотелось считаться земными богами во устраниение небесных.

— Еще что? — спросил Спанда опять почти с любопытством.

— Реки поят нас, а дубрава кормит, — продолжал Яррий, — звезды любят нас. Ясное солнце светит для нас...

В голосе его звучало отвращение.

— Молчи ты, — отозвался тотчас же Спанда: — Про солнце мы сами знаем.

— Я стану говорить, — сказал Юн, — мой бог требует жертвы.

— Какой жертвы? — спросил Спанда так же спокойно.

— Замены, — сказал Юн — жертвы живой, вон той...

Он указал пальцем на юношу.

Спанда пожал плечами.

— Мы, Анаки, не шакалы, друг друга не едим.

— Мой бог ест, — упрямо повторил Юн. — Бог белый, Месяц.

— Солнце — бог красный, — сказал Спанда. — Твой бог — Луна.

Юн посмотрел на него с ненавистью. Противоположность этих двух слов: Месяц, Луна, выражала всю противоположность двух преданий.

— Лунный бог создал небо и землю, — сказал Юн мрачно.

— Когда это было? — спросил Спанда с насмешкой.

— Солнце было женой ему и Анаки детьми.

— Солнце — отец наш, — сказал Спанда. И все Анаки повторили: Солнце — Отец.

— Лунная вера — старая вера, — сказал Юн. — Первые люди с вороньей головой, истребители падали, они были детьми Дракона.

— Я старик, — сказал Спанда, — и дед мой был старик. Он всегда говорил, что мы — дети солнца.

— Довольно! — крикнул Юн. — Мой бог требует крови.

— Летнее солнце не лсбит видеть крови, — сказал Спанда.

— Месть пошлет на вас, — с зубами крысыими. Не дайте видеть его белому глазу лицо оскорбителя!..

— Что ты скажешь, Яррий? — спросил Спанда.

Яррий опять посмотрел на Юна.

— Белого бога не вижу, вижу Черного Юна. Пусть возьмет копьё и заступится за своего бога.

Юн бросил ему уничтожающий взгляд.

— Даже ножа обрезального не хочу я поднять на такого, как ты.

— Что скажете, Анаки? — спросил Спанда, обращаясь к племени.

Анаки молчали. Потом Илл, Красный Бык, повернул лицо к юноше и сказал коротко и веско: «Уйди!».

— Правда, — загалдели Анаки. — Уйди от нас. Собственной силой живи. Странствуй один.

— Верно вы рассудили, Анаки,—сказал Спанда.—Летнее солнце—кроткое солнце. Лунный бог—страшный бог. Пусть мстит ему одному без нас. Что ты скажешь Яррий?

— Я уйду,—сказал Яррий отрывисто.

— Теперь слушай и помни,—сказал Спанда строго:—воды нашей не пей, не грейся у огня, будь нам чужим, другого племени, без нашего бога, без нашего кладбища.

— Уйду!—крикнул Яррий.—А вы, будьте вы...

Он не закончил проклятия, только схватил копье и погрозил им Анакам. Потом повернулся и быстрыми шагами ушел влево по берегу Калавы.

V.

В кленовой роще ночью сидели подруги, Ронта, Илеиль и высокая Яррия, и еще две, Элла Большая и Элла Певучая. Певучая Элла была старшая сестра черноволосой Милки. Ее называли также Элла Сорока. Она была маленькая, круглая, как будто комочек. Волосы у нее были коротенькие, в кудрях. Они стояли над ее головой, как запутанное облако.

Эллу звали Певучей за то, что она пела целый день. Что бы на глаза ни попало, как бы оно быстро ни промелькнуло мимо, песня Эллы являлась еще быстрее и выливалась, как щебет. Элла пела о камне, который подвернулся под ноги, о стаде быков, которое попало мужчинам, или о драке двух девченок, которые поссорились из-за цветной раковины. Но если песня ей нравилась, она готова была повторять ее с утра до вечера. Оттого ее звали также Элла Сорока.

Подруги сидели в кленовой роще у костра и ждали утра. Это была последняя ночь перед обрядом. Они не могли спать: им было жутко. На другом конце рощи были обе старухи, Лото и Исса. Лото должна была исполнить первую часть обряда, белую, дневную. Исса должна была исполнить вторую часть, ночную, темную. Лото сидела одна у особого костра и варила в глиняной плошке пахучие травы. Иссы не было видно, она скрывалась в темноте. И все, что ей было нужно, — травы и притирания, она давно сварила и приготовила, хотя никто не видел, когда и как. Иссы и ее притираний боялись подруги.

Согласно обычаю, другие женщины в эту ночь не могли присутствовать в роще... Они должны были явиться утром и принимать участие в обряде посвящения. Но вместе с испытываемыми сидела взрослая помощница, Аса-Без-Зуба.

Девочки перестали шептаться, — им стало скучно. Костер был маленький, в тихом воздухе безветренной ночи огонек горел тонкою алою струйкою. Илеиль подняла свою русую голову и сказала: — Спой песню, Элла.

Элла сидела по другую сторону костра; она посмотрела на подругу, и тонкое прыгающее пламя отразилось на минуту в ее сверкающих зрачках.

— Песню? Хорошо.

Пять трясогузок, все дуры, сидели под листьями клена, Нахохлившись, как в дождь.

Ястреб сказал: «Я вас замуж возьму, Терebil бы вас до перышка»...

— Страшно, — вздохнула Ронта и боязливо поглядела в темноту.

— Чего страшно? — спросила Элла задорно из-за костра.

— Иссе страшно и тех... — сказала Ронта и указала глазами в ту сторону, где был мужской лагерь.

— О, те х!.. Об Иссе я не знаю и знать не хочу. Но я знаю, что те сделают с нами...

Пять трясогузок...

— Молчи, молчи... — зашикали на нее подруги со всех сторон.

Говорить о мужчинах в связи с тем, что относилось к браку, считалось неприличным даже для взрослых женщин во всю первую половину года, вплоть до осеннего обряда. Если иные и думали о своих друзьях, то они молчали об этом.

— Ушла бы я на край света, — сказала Ронта тихо.

— Куда ты уйдешь? — сурово возразила высокая Яррия. — Бродяги уходят, но женщин бродяг не бывает.

— Все уходят, — сказала задумчиво Ронта. — Время проходит, и они уходят и никогда не возвращаются назад...

Девушки замолчали

— Куда они уходят? — спросила Ронта, склоняя голову.

— К племени своему уходят, — сказала Яррия, — на небо, к Отцу. Там тоже есть племя Анаков.

— Я сказку слыхала, — сказала Илеиль. — В той стороне есть место. У самых ног Отца сделана дыра и вбита затычка, и женщины подходят и выдергивают, и смотрят вниз; и если пожалеет и заплачет, то слезы ее к нам упадают росой.

Все инстинктивно подняли головы и посмотрели вверх, туда, где наискось к полночи светилось недвижимое Око Отца. В ночном воздухе мелькали какие-то неуловимые влажные искры, и им показалось, что это слезы тех, небесных женщин.

— Будет вам, — снова вмешалась неукротимая Элла. — Вы говорите о тех, которые уходят. Я хочу говорить о тех, которые, приходят.

— Души детские, — сказала Илеиль и усмехнулась радостно. — Малые детки...

Элла посмотрела на нее лукаво и подмигнула левым глазом.

— Малые и большие... Оттуда и оттуда!..

Она указала кивком головы на небо и тотчас же протянула обе руки к северу, туда, где находился мужской лагерь.

— Я люблю их, — сказала она громко, потом слегка потянулась и свела руки вместе. — Всех люблю.

И было так, как будто она сразу заключила в свои объятия всех мужчин и детей, живущих и имеющих жить.

— Молчи, — сказала Илеиль, но не совсем уверенно. Элла Сорока знала, как будто, действительно больше, чем другие подруги.

— Дуры вы, — возразила Элла и рассмеялась.

Пять трясогузок, все дуры...

— Трясогузка Ронта, — сказал неожиданно голос сзади, такой же веселый, как у Эллы.

Девушки обернулись. Дило Горбун подполз к костру так тихо, что никто его не заметил. Он остановился перед костром, как полз, на четвереньках, и вертел головою, как будто черепаха.

— Уйди, — крикнули девушки, — зачем ты пришел?

— К вам пришел,—сказал Дило,—мне одному тоскливо.

— Здесь мальчикам не место,—сказала Илеиль.—Это девичья роща.

— Разве я мальчик,—сказал Дило вкрадчивым тоном.— Если бы я был мальчиком, то был бы с мальчиками.

Девушки засмеялись. Это была обычная повадка Горбуна.

— Я вам сказку расскажу,—соблазнял Дило.

— Уйди, не то палки возьмем.

— Расскажу и уйду. О Рунте трясогузке... Мне одному темно в этом лесу.

— Ну, Расскажи,—поколебались девочки.

Их в особенности соблазняла тема рассказа. Имя Ронты с небольшим изменением в Рунта означало: трясогузка. Молодых девушек вообще называли трясогузками за их предполагаемую стыдливость.

Они посмотрели нерешительно на взрослую помощницу. Но круглые глазки Асы тоже горели любопытством, и, ко всеобщему удивлению, она не сказала ни «да», ни «нет».

Пять трясогузок сидели под листьями клена,—

начал Дило нараспев.

— Молчи, дурак,—сказали девушки полусердито.

Дило, повидимому, хотел начать с присказки и заимствовал ее у Эллы.

— Нет,—сказал Дило.

Пять трясогузок сидели под листьями клена.

Пришли пять турухтанов и распустили свои крылья,

И сказали: «Спляшем брачный пляс.

Совьем колесо солнцу, будем плясать брачный пляс.

Будьте нам женами, будем вам мужьями»...

По обыкновению Анакских сказочников, Дило наполовину пел, строфу за строфою.

Лунный Дракон пришел к красному солнцу

И сказал: «Солнце, спляшем брачный пляс.

Будь мне женою, я тебе буду мужем».

— Разве солнце—жена?—спросила Илеиль с удивлением.

— Не перебивай, — сердито сказал Дило. — В то время Солнце было женою.

Солнце сказало: «Я не хочу.
У тебя, Дракон, чужое лицо.
На твоей шее чешуя стала дыбом.
Ты мне не муж, я тебе не жена»...

* * *

Дракон рассердился и проглотил Солнце.
Вместе с Солнцем проглотил все лучи;
На земле и на небе стало темно,
Турухтанам и трясогузкам стало темно,
Темно свивать колесо Солнцу,
Темно плясать брачный пляс...

* * *

Рунта молодая сказала подругам:
«Я поднимусь на небо, я верну Солнце,
Я дам свет,
Пойду к Дракону в юные жены.
Пусть я исчезну, вы будете жить»...

После этого Дило стал рассказывать прозой:

Молодая Рунта поднялась на небо и приблизилась к Дракону. Он дремал, раскрыв пасть после сытной еды. Солнце, большое и круглое, тускло сияло в его утробе.

- Я пришла, — сказала Рунта.
- Зачем ты? — спросил Дракон.
- В жены к тебе, — сказала Рунта.
- А, хорошо, — сказал Дракон.
- Как берешь ты жен? — спросила Рунта.
- Пастью беру, — сказал Дракон.

Молодая Рунта вошла в пасть Дракона, из пасти в утробу и отыскала Солнце. Она обвязала его травяною веревкой и потащила его вон. Вытащила Солнце в горло Дракону, потом вытащила в рот Дракону, потом вытащила на язык Дракону. И лопнула веревка с таким треском, как падает дерево. Тогда встрепенулся Дракон и потрянул головою. Круглое Солнце обожгло ему язык и выкатилось вон. Брызнул свет, новое утро.

Дило замолчал, девушки тоже молчали.

— А Рунта вернулась? — спросила Илеиль.

Дило лукаво посмотрел на девушек. — Рунта, вот она, — пошутил он, указывая пальцем на подругу Яррия. — Рунта—Ронта.

— Нет, правда!

— Правда, — настаивал Дило. — Вы знаете: предки возвращаются сквозь женское чрево. Так Рунта вернулась...

— Постой,—сказала Элла.—Какую песенку пела молодая Рунта?

«Пусть я исчезну, вы будете жить»...

— Печальная песня...

Ронта сидела и слушала, не шевелясь и не произнося ни слова.

Но когда Элла повторила печальную песню Рунты-трясогузки, ее лицо неожиданно сморщилось, нижняя губа задрожала. Еще минута, и она разразилась плачем, тихим и жалобным, как огорченный ребенок.

Яррия положила подруге руку на шею.

— Глупая,—сказала она.—Ну, не плачь. Это другая погибла, та, молодая Рунта. Ты живешь.

— Нет,—всхлипывала Ронта,—это мне нравится. Пусть я исчезну, вы будете жить. Это хорошо

Слезы ее падали без конца. Она уткнулась лицом в землю, и плечи ее тряслись от заглушаемых рыданий...

* * *

Полночь прошла. На краю неба опять поднимался Охотник, угрожая дротиком диким оленям в Песчаной реке. Все спали, девушки и их помощница. Даже у Лото поодаль костер слабо мерцал, и она низко склонилась над ним, как будто творила заклинания. И вдруг раздался на опушке слабый призыв маленькой пестрой совы Шиана, который ищет в темноте свою подругу:—Угу!..

Ронта вздрогнула во сне и подняла голову. Призыв повторился еще раз. Она посмотрела на соседок. Никто не шевелился. Костер чуть вспыхивал.

Еще не совсем проснувшись, Ронта поднялась, как лунатик, и, натываясь на деревья, пошла вперед, куда звал крик совы.

На опушке леса стоял Яррий. Его фигура смутно белела в свете звезд. Он двинулся Ронте навстречу и быстро подошел. В руках у него было неизменное копьё. Связка дротиков висела через плечо. Через другое плечо был подвешен большой мешок, как у охотника, уходящего в дальние горы. И весь вид у него был, как у человека, уходящего в дорогу.

Дремота Ронты исчезла.

— Что, Яррий?—спросила она тревожно, даже не успев разглядеть в темноте его лицо.

— Они изгнали меня,—сказал Яррий.

— Изгнали,—откликнулась Ронта жалобно.

— Сказали: «Будь нам чужим, другого племени, не пей нашей воды, не грейся у огня».

— За что?—спросила Ронта беспомощно. Она как будто забыла в эту ночь о весеннем деле Яррия.

— За то самое,—сказал Яррий.—Юн говорит: «ты жертву отнял у темного бога, белую телку. Будь же извергнут».

— Как же обет?—спросила Ронта растерянно.

Яррий коротко засмеялся.—Стану ли плакать о муках и истязаниях? Нож Юна-врага не обрежет меня. Буду жить нетронутый, как жил.

Ронта молчала.

— Куда же ты пойдешь?—спросила она нерешительно.

Яррий повел рукою.—Свет широк, и солнце везде светит. Челноки растут в лесах, и реки текут вниз... Попрощаться я пришел. Где Дило?

— Не знаю,—сказала Ронта,—был тут недавно. Прогнали его... Куда пойдешь ты?...

— Пойду на край света,—сказал Яррий,—на берег моря. Узнаю людей медвежьих и людей орлиных. Увижу морских великанов с зубами, как у мамонта.

— Как ты будешь жить, Яррий?—твердила Ронта печально.

— Один буду я жить, диким бродягою, рвать добычу когтями буду, как звери рвут.

Он замолчал и долго молчал, и вдруг сказал отрывисто:

— Пойдем со мною, Ронта!..

Ронта не отвечала.

— Лица мужчин не увижу. Глаза женщин не будут смотреть на меня. Когда я умру, шакалы закроют мне глаза... Ронта, пойдем со мною...

Ронта бросила взгляд назад, в глубину рощи. Ничего не было видно. Только угли костра чуть мерцали сквозь темную чащу.

— Жалко тебе оставить Иссу колдунью и похотливых жен?—спросил Яррий злым, изменившимся тоном.

— Жалко,—призналась Ронта.

— С Иллоом хочешь плясать, красную бороду гладить девичьей ладонью?

— Нет,—с ужасом сказала Ронта.—Я не хочу.

— Ну, так пойдем со мною.

Ронта опять посмотрела назад и тяжело вздохнула.

— Прощайте, сестры,—шепнула она.—Пусть я исчезну, вы будете жить... Яррий, я иду с тобою.

Они взялись за руки и тихо, как тени, скользнули вдоль опушки. Никто их не видел. Только небесный Охотник смотрел им вслед и грозил дротиком.

* * *

За день ходьбы от кленовой рощи лежало мертвое поле Анаков. Оно было широкое, ровное, занесенное песком. Этот песок в незапамятное время принесла река Саллия своими весенними разливами, но теперь река давно ушла отсюда вправо, почти на половину дневного перехода. Поле осталось, как прежде, серое, унылое, нагое. На нем не росло ни куста, ни травинки. Только местами поднимались какие-то странные серые сучья. Это были бараньи и оленьи рога, воткнутые в песок, принесенные живыми на помин покойникам. Ибо на это поле с разных концов своей земли приходили умирать Анаки. По древнему преданию считалось, что только с этого поля возможен отход в дальнюю дорогу, в страну предков. Он начинался от низкой песчаной стрелки, перерезавшей мертвое поле на две половины. Эта стрелка называлась «тропой мертвецов». От стрелки отход продолжался по песчаным рытвинам старого сухого русла, потом по реке Саллии, против течения, на юг.

По убеждению Анаков, если кто умирал вдали от мертвого поля, ему приходилось после смерти прежде всего являться сюда. Оттого родные спешили воздвигнуть ему могильник на мертвом поле. Это был посмертный приют для него. Могильник состоял из каменного овала, выложенного просто на песке, как будто вокруг мертвого тела. Все мертвое поле было усеяно такими овалами. Пустых было меньше, а больше было таких, в которых лежали белые скелеты. Ибо Анаки даже в болезни крепи-

лись, как могли, и приходили сюда умирать, чтобы избавиться себя от трудного посмертного перехода.

Во многих овалах вместо целого скелета оставались только белые ребра да толстые берцовые кости. Гиены объедали своими крепкими зубами даже головки берцов и оставляли на земле только костяные трубки, пустые внутри. По всему полю валялись черепа, круглые, гладкие, выбеленные солнцем и ветром. Это были как будто большие странные чаши, разложенные на выбор для живых и для мертвых.

На это поле на другой день после побега Ронты пришла старая Исса. Она была одна, и никто не следовал за ней. Она прошла по «тропе мертвецов», дошла до середины, встала и огляделась кругом. Потом сошла в сторону и скоро нагнулась и подняла белый череп. Она взяла его с места, которое было украшено не только рогами, но даже пучками перьев и сухих цветов. Это был могильник черной колдуньи Меланто, которая была старухой, когда Исса была еще маленькой девченкой. Покойная Меланто считалась великой чаровницей, и на ее могилу до сих пор приносились дары мужчинами и женщинами. Исса вернулась с черепом к тропе мертвецов. Она наполнила череп водой из лужи, которую нашла тут же. Вода эта была солоноватая и пригодная для колдований. Старая колдунья села на песок, поставила череп на землю между ног своих и запахнула над ним полы своего мехового плаща. Она снова оглянулась и достала из поясного мешка щепотку серого порошка. Этот порошок она бросила в воду, и вода задымилась. Белый пар клубами повалил из черепа, хотя нигде не было огня, и вода не согрелась. Исса прикрыла череп плащом еще тщательнее, но пар или дым выходил струями из каждой прорехи ее покрывала, у шеи, у плеч и у ног, как будто она вся горела внутри.

Склонившись лицом вниз и сливаясь вместе с черепом, Исса стала творить страшное заклинание. Оно было направлено против бежавшей девушки для того, чтобы отомстить ей за позор и предательство.

— Беглая тварь,—говорила Исса,—обрекаю тебя гневу. Запираю в твоём теле юность и зрелость. Да будут плечи твои остры и груди плоски, и чрево бесплодно... Неосвященная и неблагословенная. Будь Яламой, безмужной и

безлюбовной. Запираю тебя мертвой костью. Когда муж твой подойдет к тебе, пусть взоры его будут, как взоры убийцы. Спасайся, трепещи!...

Исса достала из мешка маленький сучок, раздвоенный с одного конца, обычную замену человеческой фигуры.

— Ялама,—сказала она, обращаясь к сучку, ибо он представлял Ронту беглянку. Слово «Ялама», означавшее самку оленя, негодную к браку, относилось также к хилым, неплодным женщинам.

Она вынула череп из-под плаща и осторожно опустила сучек в череп.

— Ялама,—сказала она снова,—вот тебе собственная вода и собственная лодка. Вода твоя да будет в лодке твоей. Садись и плыви по тропе мертвецов.

Она поставила череп на песчаную стрелку.

— Иди, догоняй,—сказала она ему сурово,—где бы она ни сидела и ни бегала.

Чары были окончены и посланы вдогонку, и Ронта была обречена их всесильному гневу.

VI.

День за днем Яррий и Ронта спускались вниз по реке Дадане, направляясь к морю. Яррий сделал челнок еще на берегах Калавы из желтого луба, такой же гибкий и легкий, какой он оставил на месте оленьей охоты, вместе с другими челнами племени. Они спустились по Калаве в реку Саллию. Она впадала в Дадану на полдня ходьбы повыше Лысого Мыса и оленьей тропы. Где можно было, они плыли. Где было мелко или слишком много камней, они выходили на берег и вели челнок за собою на веревке из стеблей крапивы или просто волокли его по мокрой траве, где он скользил легко, как рыба, потом опять спускали его в воду и плыли. Они садились, по обычаю, спина к спине и протягивали ноги в разные стороны. Яррий греб веслом, а Ронта смотрела на воду и ждала очереди. Их нагие спины крепко опирались друг на друга. И в росистое, свежее утро это одно место было тепло у обоих. Оно давало им теплоту и грело все их обнаженное тело.

В первую ночь они ночевали на острове, в тополевом лесу, вытерли огня из сухого дерева, развели большой костер и потом заснули. Они спали на одном ложе, как брат и сестра, и между ними лежало копье, как общий защитник.

На другой день они вошли в Дадану и скоро проплыли мимо Лысого Мыса и места весенней охоты... Отсюда начинались места незнакомые. Дадана уходила от Анаков на запад, а куда именно, никто не знал. Все, однако, говорили, что Дадана—река огромная, протекает сквозь многие земли и доходит до дальнего моря. Они не терпели голода. Ибо в это время года на Дадану во множестве спускалась перелетная птица с соседних озер—утки, ~~кря-~~ хали, гуси. Яррий был искусный охотник с дротиком и плоским деревом и копьем. На берегу во время ночлегов они копали также корни, мучнистые и сладкие.

Солнце светило ярко на них. Было ясно и тихо. Им попадались олени; один бросился в воду и поплыл, но был он слишком далеко, и Яррий не мог поднять на него копья. Гигантские шельхи стояли на берегу неподвижно, как будто каменные. Их ветвистые рога выступали на солнце, как обведенные резцом. Они смотрели на челнок равнодушно и презрительно, как будто это было дерево, проплывшее мимо.

— Есть ли здесь другие люди?—сказала Ронта.

— На что люди?—возразил Яррий со смехом.—Мы двое—люди. Хорошо нам.

Он широко ударил веслом и громко запел песнь гребца, которую Анакские юноши пели на реке летом во время охотничьих поездок:

Двойным веслом я загребая воду,
Длинное копье я держу в руке.

Он пел и греб в такт песни и с каждым звуком и взмахом чувствовал, словно входит в него что-то сильное и сладкое. Плечи его широко двигались, как будто с них упало тяжелое бремя.

— Анаки остались далеко сзади. Во век бы не видеть их...

Он привстал на куске кожи, служившей ему сиденьем

— Игой!—крикнул он звонко и протяжно, как молодой жеребец, который призывает на вольном лугу и сам не знает кого,—короткогривую подругу свою, или сердитого соперника.

— Иго-го-гой!

Река Дадана текла широко, мощно и спокойно. Ее повороты тянулись на добрый людской перебег от плеса до плеса. Берега исчезли из глаз, и дальние мысы чуть всплывали в синем тумане, как марево. Она расстилалась перед глазами широко и прямо, как зеркало.

Потом берега стали выше и уже. Дадана встретила на пути горный хребет и прорезала его насквозь. Глубже стала она, полноводнее и быстрее. Она катилась теперь среди двух высоких стен, и по обе стороны ее простирались крутые, дикие скалы.

Челнок быстро плыл мимо. Крутые берега уходили назад и исчезали навсегда. И на одном повороте совсем неожиданно они увидели женщину. Она сидела на самом краю и смотрела на реку. Была она совершенно нагая, и тело ее, особенно груди, были смуглее, чем у Анакских жен. Волосы у нее были длинные, черные, как вороново крыло. Она распустила их на плечи и чесала белым костяным гребнем.

При виде этих волос и гребня у Яррия странно зануло сердце, ибо жены Анаков с такой же заботой чесали свои волосы и заплетали косы перед брачным обрядом, и гребень считался брачной принадлежностью.

Челнок проплыл близко к берегу, но женщина не шевелилась. Она чесала волосы и пела песню,—тихую, длинную, тягучую, как нить. И казалось, что над рекою Даданом течет другая река, тихо-звучная, незримо струйная.

Челнок проплыл мимо; женщина осталась сзади, и песня ее слабела и замерла.

— Кто это?—сказала Ронта с удивлением.—Женщина, дух?...

— Не знаю,—сказал Яррий, потом прибавил невольно:—Нет, это не дух.

Он вспомнил груди женщины. Они были небольшие, как у девочки, но странно удлиненные, даже слегка повисшие книзу. Они показались ему какими-то редкими плодами.

Он повернулся назад и посмотрел в полоборота на спутницу. Грудь у нее были такие же недоразвитые, узкие бедра. Волосы ее были короче. Они не были расчесаны и падали на плечи беспорядочной гривой. Вся фигура Ронты походила на мальчика.

И, отвечая взгляду своего друга, Ронта оживленно сверкнула глазами и сказала с ребяческим задором: — «Вернемся, посмотрим».

Яррий послушно взмахнул веслом и повернул челнок. Но ехать назад было труднее. Они лепились к берегу, борясь с течением реки, не пропуская ни одного изгиба, и когда, наконец, показался тот же мыс, теперь уже знакомый, женщины не было. Они пристали к берегу и долгое время ходили по взгорью, но ничего не нашли. Даже следов не осталось нигде, как будто эта женщина не ушла, а растаяла.

Яррий посмотрел на спутницу с некоторым смущением, но она улыбалась. Дети Анаков любили играть в прятки в зеленых лесах у Даданы и у Калавы. Ей было так, как будто она ищет и не может найти запрятавшуюся подругу. И, видя смущение юноши, она весело засмеялась и сказала: — «Поедем дальше».

Они отплыли и скоро огибали новый плес вниз по течению.

Ронта как будто тотчас же и забыла о таинственной встрече. Она радовалась каждой новой птице и каждому утесу незнакомых очертаний и спрашивала без умолку:

— Яррий, что это? Яррий, где же мы?

И Яррий большей частью отвечал, как в первый раз:

— Я тоже не знаю.

Они пристали на ночлег под высокой скалой, развели огонь и поужинали, но спать им не хотелось.

Полная луна светила на реку и отражалась внизу второго луноку. Длинный серебряный след ложился на воду.

— Это дорога наша лежит, — сказала Ронта.

Она посмотрела в глубь воды, на ту, вторую луну, потом подняла глаза вверх, как будто для сравнения.

— Какие это знаки? — спросила она, разглядывая темные пятна на белом, широком лице луны.

Яррий пожал плечами: — Нос как будто и глаза. Говорят: лицо Дракона.

— Пенна говорила,—сказала Ронта,—что это совсем не глаза. Это Лунные Анаки, мальчик и девочка.

Яррий улыбнулся.

— Как же они попали туда?

— Дракон изловил их арканом лунного луча и поднял на луну, чтобы ему не было скучно.

— Ты смеешься,—сказала она обидчиво.— Не веришь?

— Я не смеюсь,—сказал Яррий.— Они, как мы, эти лунные Анаки. Я знаю, как их зовут: Яррий и Ронта. И если ты хочешь, мы тоже поднимемся, сами собою, по лучу солнечному, взойдем на солнце и будем жить в сиянии.

Ронта посмотрела на него с легким недоверием.

— Разве ты тоже колдун, как Исса и Спанда?

— Если ты захочешь,—повторил Яррий:—я буду колдун больше, чем Спанда.

Ронта засмеялась.

— Отлично,—сказала она.—А только я спать не хочу. Пойдем лучше, еще раз походим по горам.

Они погасили огонь, спрятали челнок в расселину утеса и укрепили его камнями, чтобы его не мог снести внезапный порыв налетевшего ветра. Потом Яррий взял копье и два дротика.

Ронта тоже взяла дротик и пошла вперед, стройная и легкая. Они шли гуськом, друг за другом. Шаги их были неслышны, и тела их блестели в ночном сиянии луны.

Берег реки перешел в высокую равнину. Местами темнели леса, как чернильные пятна, потом расстилались широкие луга. В свете луны они были пушисто-матовые, как мех.

Там и сям торчали группы скал и камней, странных, обрывистых, поросших снизу мхом и травой, а сверху обнаженных. Их голые верхушки выступали на ночном небе четкими черными зигзагами.

Путники прибавили шаг, потом побежали вприпрыжку, как бегут антилопы после водопоя, попали в пересеченную тень ближайшей группы скал, мелькнули быстрыми пятнами по освещенному полю, снова попали в тень.

Яррий внезапно остановился.

— Смотри,—шепнул он:—на левой стороне.

— Где?—спросила Ронта.—Я не вижу.

— Там, вверху,—указал Яррий.—Постой немного.

На верхушке ближайшей скалы мелькнула голова. Она появилась из тени на свет и с минуту оставалась как будто отрезанная. Это была голова козла. Можно было видеть длинную бороду и тонкие рога, отогнутые назад. Голова повернулась влево. Борода закачалась.

«Хм, хм»,—донеслось тихое, будто простуженное покашливание. Еще минута, и голова спряталась. Снова донеслось «хм, хм», уже из темноты, и все стихло.

— Не спит, сторожит,—сказал Яррий.

— Глупый козел, — засмеялась Ронта. — Полезем, посмотрим.

Они пригнулись и поползли в траве, потом свернули вправо и стали подниматься по узкой лощине вверх. Дальше начинались скалы. Они перелезали от камня к камню неслышно, как змеи, и, наконец, добрались до верху. Наверху была площадка или выемка меж скал. Они посмотрели осторожно из-за широкого камня и увидели группу коз, приставших на ночлег. Здесь были маленькие и большие. Они лежали на жидкой траве, протянув голову на камни. Все они казались темного цвета, но можно было различить, что козлята темнее маток.

Глаза Яррия блеснули. Он поднял дротик и стал метиться в ближайшего козла.

— Постой!

Ронта, в свою очередь, схватила его за руку.

— Смотри вниз!

Далеко внизу, на той самой дороге, по которой они взобрались, мелькнула еще тень, скрылась, опять мелькнула.

Эта часть подъема была плохо видна козлу-сторожу. Очевидно, еще охотник подбирался к добыче.

— Пантера,—шепнула Ронта.

— Нет, другое,—сказал Яррий, приглядываясь.

— Волк?

— Не волк.

— Бурый?

— Не знаю,—сказал Яррий нерешительно.—Бурый... Кажется, не совсем бурый.

— Бежим,—сказала Ронта.

— Смотри туда,—сказал Яррий вместо ответа.

— Дальше,—прибавил он, следуя глазами за взглядом Ронты.—Налево.

На левой стороне, на открытом лугу, между двумя группами деревьев мелькнула новая тень, метнулась через поле и снова исчезла.

— Подождем здесь,—сказал Яррий решительно.

Они припали между камней и глядели на дорогу, сжимая в руках дротики. Та тень, что была ближе, мелькнула снова. Потом между камнями появилась фигура и стала подниматься вверх, пользуясь каждым прикрытием.

Яррий и Ронта с удивлением смотрели на нее. Это была не пантера, не волк и не бурый, хотя по величине и по движениям она немного подходила к последнему.

Она была темная, плотная, с крепкими, короткими ногами, но шерсть на ее спине была редкая и совсем не походила на пышный медвежий мех. И вместо острого рыла у нее было широкое лицо и большие круглые глаза, которые беспокойно поглядывали по сторонам.

— Вот это дух,—сказала Ронта, скорее с любопытством, чем со страхом.

Яррий нерешительно кивнул головой.

— Лицо, как у человека,—сказал он в виде подтверждения.—Какая походка странная! Посмотри-ка, у него руки, как следует.

— Нет, это не дух,—сказал он с внезапным презрением.—Видишь, он кулаками ползет, как маленький ребенок.

Фигура остановилась, соображая. Она очевидно, подбиралась к козам, но эта дорога не показалась ей удобной для нападения. Она свернула дальше вправо, продолжая, впрочем, слегка подниматься вверх по спиральной линии, и скрылась за поворотом.

— Как он убьет?—сказал Яррий с любопытством.

Прошло несколько минут напряженного ожидания.

— Где он?—хотела сказать Ронта, но в эту минуту слева раздалось: «хм, хм», громче и тревожнее прежнего. Стадо вскочило на ноги и ринулось вниз.

Станный охотник, видимо, обошел кругом и зашел с противоположной стороны, но не во-время попал на глаза оплошавшему сторожу.

Козы бежали прямо на молодых Анаков. Яррий не выдержал. Он вскочил на ноги и бросил дротик в высокого козла, бежавшего последним. Дротик попал под

левую лопатку. Козел сделал огромный прыжок и упал на бок.

Черный охотник тотчас же показался сзади. Он бежал быстро, но довольно неуклюже, как прежде, опираясь руками на сжатые кулаки.

Ему, очевидно, не удалось убить ничего. Увидев чужую добычу, он остановился поодаль, рыча.

Яррий выставил вперед копые. Этот охотник был опаснее козла, и нельзя было полагаться на дротик.

Черный охотник стал подниматься на задние ноги и теперь стоял перед ним прямо, как человек, и смотрел на них, скаля зубы с свирепой гримасой. У него был на правой щеке беловатый рубец, видимо, след раны, достигающий до рта и с этой стороны обнажавший еще выше два крупных белых клыка.

Он яростно фыркнул и погрозил Яррию кулаком.

— Что тебе надо?—невольно спросил Яррий потрясая копьем.

— Грруар!—ответил выразительно Черный, поглядывая на козла.

Яррий двинул копьем.

— Не трогай,—поспешно сказала Ронта.—Это Лесные Анаки.

— Анакская легенда говорила, что где-то в темных лесах обитают лесные жители. И не хотят говорить, и ловят зверей руками, не зная копий. И замечательно, что легенда, которая за Селонами и за Тосками, ближайшими соседями и врагами Анаков, не признавала даже имени людей и называла их просто «чужими чертями»,— в виде контраста называла этих лесных жителей Лесными Анаками, как будто желая подчеркнуть родство своего племени с ними.

— Что тебе надо?—повторил Яррий, растягивая слова для отчетливости.

— Гррм!—проворчал Черный уже на другой лад, потом быстро повернулся и побежал в сторону на двух ногах, как человек.

Яррий и Ронта, совершенно забыв о козле, побежали за ним.

Черный пробежал несколько шагов, потом, видя, что его преследуют, упал на руки и устремился вниз быстрее

и быстрее, как им показалось, кубарем скользнул по ко-
согору и скрылся из глаз.

Яррий и Ронта тоже сбежали с утеса и помчались че-
рез поле.

От первой группы скал, мимо которой они недавно
прошли, доносился шум борьбы.

Козы убежали в этом направлении и, должно быть,
попались другим охотникам.

— Это был загонщик, — соображали Анаки. — Стало
быть, у этих лесных жителей есть свои охотничьи планы,
как у настоящих людей.

Первая группа скал была меньше и ниже второй.

Хитрость лесных Анаков в том и заключалась, чтобы
отворотить коз к этому месту, более удобному для пре-
следования.

У подошвы этих скал Яррий и Ронта увидели трех
лесных охотников. Они были счастливее загонщика, ибо
им удалось изловить одного козла. Он лежал на земле и
дрыгал ногами, а они били его по голове деревянными
палицами. Они были так увлечены своим делом, что не
обратили внимания на подбежавших молодых людей.

В левой стороне слышался какой-то странный лай
или плач. Нельзя было разобрать, — дети это или шакалы.
Молодые люди побежали туда и увидели странное зре-
лище. Здесь был обломок скалы, довольно высокий и
совершенно отвесный. Молодой козленок в темноте с
перепугу заскочил на эту скалу, бог знает как. Он стоял
на верхушке и снизу было видно, как тело его дрожит
от ужаса и напряжения.

Три темные фигуры бегали кругом подножия и лаяли
от злости. Они пытались подниматься на камень, но с
полдороги срывались вниз. Один из них схватил палицу
и бросил в козленка, но она не долетела.

Яррий посмотрел и засмеялся. Grimасы и движения
ночных охотников были чересчур забавны. Он подошел
к скале, не обращая на них внимания, и стал подниматься
вверх, опираясь на копьё. На полуподъеме пришлось
и ему остановиться. Но он утвердил на выступе камня
правую ногу, выпрямился, крепко оперся левой рукой
на копьё и бросил дротик. Козленок подпрыгнул на воз-
дух всеми четырьмя ногами и рухнул вниз.

— Гррм! — заревели единодушно Лесные Жители и подхватили козленка, как будто на лету.

Яррий сделал несколько шагов вниз, потом оперся копьем о скалу и спрыгнул на землю.

Один из лесных людей поднялся к нему навстречу. Это был загонщик. Яррий узнал его по шраму над щекой.

Он сделал шаг по направлению к юноше. В руке у него была палица. Он, должно быть, оставлял ее внизу, чтобы легче карабкаться на камни.

Яррий тоже сделал шаг вперед, не выпуская из рук копья. Черный загонщик пристально посмотрел на Яррия, потом быстрым движением отбросил палицу в сторону. Яррий немного подумал.

— Хорошо, — сказал он. Он не стал бросать копья, а передал его подошедшей Ронте.

Черный посмотрел на это с видимым одобрением.

— Гррам! — сказал он и мотнул головой.

— Тебя зовут Гррам? — переспросил юноша. — Меня зовут Яррий Анак. Черный сделал еще шаг вперед и протянул правую руку к Яррию.

— Аггру!

— Союз? — переспросил юноша, как будто Черный говорил на языке совершенно понятном. — Хорошо.

Он тоже шагнул вперед и протянул свою руку. Они потеряли ладонь, при чем Яррий почувствовал, что у Черного ладонь мягкая, почти как ладонь ребенка.

Потом, преодолевая смутное чувство отчуждения, он приблизил свое лицо к лицу Черного и потерся об его щеку, по обычаю Анаков. Он почувствовал под кожей его лица крепкую челюсть, как у гиены или у льва.

Черный неожиданно положил руку ему на голову и искусно захватил и вырвал несколько волосков. Яррий чуть не крикнул от боли и гнева, но Черный уже совал ему в руки свою толстую, короткошерстую голову. С тайным злорадством Яррий захватил своими крепкими пальцами большую щепоть и дернул ее изо всей силы.

Черный не крикнул, а как-то хрюкнул от боли, но тотчас же поднял голову и дружелюбно посмотрел на юношу. Повидимому, ему понравился этот энергичный способ заключения союза.

Еще один Черный подошел, сначала несмело, потом смелее и ближе. Он тоже мотнул головой и сказал:— Гррам!..

— Ты тоже Гррам?—спросил Яррий.—Да, конечно.

Второй Гррам был потоньше загонщика, должно быть, моложе. Он заинтересовался Ронтой больше, чем юншей, подошел к ней и коснулся пальцем ее плеча.

Но Яррий, не долго думая, повернулся к нему, оскалив зубы и зарычал:—«Груарр!» почти так же выразительно, как Гррам-загонщик над трупом первого козла.

Второй Гррам понял и оставил Ронту в покое. Другие тоже подошли и обступили Анаков. Их было шестеро.

— Гррам!—говорили они.

Это было, должно быть, не только имя племени, но и взаимное приветствие.

Молодые Анаки с удивлением рассматривали это ди-ковинное племя. Ронте все еще казалось, что это могут быть духи. Ибо ей было известно, что духи так же охотятся и убивают добычу, как люди. Но, ведь, духи умеют, кроме того, летать или нырять под землю. Они дышат пламенем, меняют свое тело по произволу на волчье, или птичье, или мушиное. Эти не делали никаких чудесных штук. Они поступали, как простые люди или простые звери. Переступали с ноги на ногу, чесали себе спину. Они были слишком неуклюжи для хищных, проворных духов. Все они были страшно похожи один на другого, кроме того, что у загонщика был шрам, а второй товарищ его был тоньше телом.

Груды и плечи и все их сложение было похоже на людей, только ноги у них были короче, а руки, напротив, длиннее. Большие пальцы на ступнях торчали врозь. У них были толстые губы и крепкие челюсти с могучими зубами. Все тело их, кроме лица, было покрыто бурой шерстью. На груди и спине шерсть была редкая, но живот и ноги до колен были мохнатые, как у козла.

— Какие они,—сказала Ронта с гримасой, обращаясь к Яррию.

Яррий в ответ улыбнулся.

— На кого они похожи?—сказал он, подыскивая сравнение.— На Илла, — докончил он и засмеялся.

Загонщик вопросительно поднял голову, потом ласково оскалился и одобрительно кивнул головой. Ронта и Яррий посмотрели друг на друга и оба расхохотались.

Действительно, у грузного Илла была такая же грудь и квадратные плечи, и даже массивные челюсти. Только ноги у него были длиннее и волосы реже и другого цвета.

Пришли еще двое Гррамов. Они тащили первого козла, убитого Яррием. Трое Гррамов взвалили на плечи по козлу и пошли, согнувшись. Двое убежали вперед. И Яррий снова увидел, что они падают на руки, согнув кулаки, и бегут на четвереньках быстрее, чем на двух ногах. Загонщик пошел сзади всех, приглашая знаками молодых людей следовать вместе. Идти пришлось довольно долго, но Гррамы шли мерно, таща без особого усилия свою ношу. Они перешли большое поле и вошли в лес. Яррий раздул ноздри и потянул в себя воздух. Из теплой сырости спящего леса на него пахнула острая струйка сухого, приятного запаха дыма. Они продолжали идти, и с высоких деревьев навстречу им скатились маленькие, черные, косматые зверьки.

— Ам! — кричали они. — Ам!..

Это были дети Гррамов. Они галдели громко и радостно. Подскочили к носильщикам и стали теребить козлов за ноги и за уши.

Передний Гррам протянул руку и погладил ближайшего по голове.

— Ап! — проворчал мальчик, словно челюстями щелкнул.

В это время дети увидели чужеземцев.

— Яп, яп, яп! — забормотали они испуганно и прыгнули обратно на деревья.

Жилище Гррамов помещалось, однако, не в лесу, а в пещере. Огонь горел в глубине, и снаружи его не было видно. Дым выходил в расселину в потолке пещеры. У стен пещеры были набросаны груды измятых листьев и валялись старые кости, сухие, объединенные до бела. Противно законам Анаков, мужчины и женщины обитали вместе. Племя было небольшое, человек тридцать вместе с ребятишками, которые не замедлили набиться в пещеру вслед за охотниками.

Женщины Гррамов были такие же черные, неуклюжие, но меньше мохнатые, чем мужчины. Одна женщина подбросила дров в огонь. В пещере стало светло и немного дымно, ибо весь дым не успевал выходит сквозь расщелину. Другие женщины снимали шкуры с козлов. У них были кремневые скребки, как у Анаков, но, в отличие от Анакских женщин, они работали больше всего руками и зубами.

Дети разделились на две группы. Одна следила за мясом, другая за чужестранцами. Эти юные любознательные Гррамы сидели на безопасном расстоянии у стены и старались не пропустить ни одного движения Анаков. Потом они стали смелее и принялись повторять движения и жесты гостей. И когда Яррий вынул нож и стал заскабливать изъяс на древке копья, все они схватили по обломку палки и тоже стали скоблить ее первым попавшимся сучком.

Яррий с новым удивлением заметил, что дети хватают сучья не только руками, но также и ногами. И ноги у них были странные, с мягкой подошвой, без пятки. Они как будто имели две пары рук спереди и сзади.

Мясо было разделено на части. Ребятишки оставили чужестранцев и подскочили к женщинам. Самый нетерпеливый схватил кусок, не дожидаясь, и хотел убежать, но женщина поймала его за ухо.

— Мам! — закричал он жалобно и тотчас же закусил похищенный кусок и стал грызть его, ворча и задыхаясь.

Женщина бросила в огонь кусок жиру.

— Ам! — сказала она. На языке Гррамов это означало, по-видимому: «Ешь!».

Она даже челюстями задвигала, изображая процесс еды. Это была жертва огню.

Через минуту все Гррамы сидели с кусками козлиного мяса в руках и с остервенением грызли сырые волокна и крепкие хрящи.

Анаки вообще ели сырое мясо столько же, сколько вареное. Но в эту минуту, повинувшись безотчетному чувству, Яррий взял свою часть, воткнул ее на палку и поставил жариться у огня. Один из маленьких Гррамов тотчас же оторвался от своего куса, поддел его на палку и стал жарить у огня, подражая Яррию.

— Сгорит,—сказал Яррий, видя, что мальчик придвинул мясо слишком близко к огню. Женщина взяла у мальчика кусок и стала поджаривать его на огне с большим вниманием. Другие дети тотчас же побросали свои куски и стали теребить женщин.

— Мам, мам! — кричали они наперерыв.

Скоро весь костер был заставлен импровизированными вертелами жарким. В этот вечер Яррий, помимо желания, примером своим увлек все племя Гррамов на высшую кулинарную ступень.

Загонщик Гррам ел медленно и с достоинством. Окончив свою долю, он посмотрел на Яррия, потом взял копье, прислоненное рядом к стене. Он стал внимательно рассматривать кремневое лезвие, обвязки из сухожилий, потрогал пальцами грани кремня, даже на язык попробовал, потом покачал головой и отставил копье в сторону.

Молодой Гррам сидел на почтительном расстоянии и, не отрываясь, смотрел на белое лицо Ронты, и в глазах его перебегали багровые огни от дымно-багрового костра.

Третий охотник неожиданно схватил палку и пустил ее в противоположную стену навесно, как дротик. Он тоже подражал манере Яррия. Палка отскочила назад и ударила в плечо женщину. Она сердито заворчала, потом засмеялась, схватила ветку и бросила в голову охотнику. Они тотчас же схватились и стали возиться, а дети прыгали кругом и весело кричали: «Гррм, Гррм!».

Ронта смотрела на эту возню с удивлением. Анакские нравы не допускали ничего подобного. Но скоро все прекратилось. Гррамы стали укладываться на ночлег парами и гнездами: мужчина, женщина и маленькие дети вместе.

Одна из женщин подбросила дров в огонь и села настороже у груды сухих сучьев, приготовленных на ночь. Гррамы слишком ценили свой огонь, чтобы оставить его без наблюдения и пищи даже на время ночного сна. Женщины Гррамов не усыпляли углей под серой золою. Они хранили свой племенной очаг живым и бессонным и алым с утра до вечера и с вечера до утра.

Усталая Ронта тоже свалилась на груды листьев и тотчас же заснула. Яррий улегся рядом, сжимая копье и при первой тревоге готовый вскочить на ноги.

VII.

Праздник любви должен был совершиться в женском лагере в ближайший темный промежуток между двух лун. Женщины целый день ходили по окрестностям, искали место получше. Им нужна была ровная площадь для игрища и для хоровода. Они отыскивали ее на большом лугу у опушки букового леса. Кругом были высокие, буйные травы, еще не поблекшие, только чуть жесткие осенней жесткостью. Местами пестрели последние поздние цветы. Они были большие, синие. Они расцветали позже всех, и женщины любили их и выделяли из общей безымянности. Они называли их «любовные чаши».

На это место женщины перенесли свои мешки и несложную утварь, зажгли новые костры и стали выравнивать площадь. Они мечтали теперь о мужчинах вслух, не стесняясь друг друга. Одни говорили о своих друзьях минувшего года, называли их по именам, восхваляли их крепость и мужество, пели песни о них. Другие, склонные к перемене, перебирали всех, восхваляли то одного, то другого, влюблялись заочно по три раза в день и никак не могли остановиться на ком-либо определенном.

Брак был свободен, но разные люди жили по-разному. Иные пары жили в единобрачии от юности до смерти, рождали детей, помогали друг другу, насколько это позволяли обычаи Анаков. Другие, напротив, проявляли крайнее легкомыслие, особенно женщины. Они из года в год меняли супруга и даже на игрище перебегали от одного к другому, хотя это не одобрялось и называлось крысиным обычаем. Анаки считали крысу нечистым животным и приписывали ей самые неблагоприятные действия.

Уже были столкновения. Аса-Без-Зуба и Пенна Левша называли одно и то же имя Санга Птичьего Когтя и чуть не исцарапали друг друга собственными когтями. После ущерба луны женщины стали готовить отборное угощение для брачного пира. Целое лето они копили жир, сушеные языки, оленьи и конские мелкие зерна, сладкие ягоды. Они собирали крупных серых червей и стебли кипрея, которые были еще слаще ягод, и откладывали их до праздника. Теперь они стали готовить разные лако-

мые блюда, смешивали ягоды с почечным жиром и костный мозг с кислыми листьями степного щавеля. Они выделывали из этих смесей толкуши, пироги и колобки и сушили их на солнце или у огня.

Важнее всего было приготовление Хума, брачного вина. Это было дело трудное и кропотливое. Женщины разбрелись по всем окрестным лугам, отыскивая корень Хум, из которого готовилось вино. Он был небольшой, довольно мясистый, толщиной в палец. Цветок у него был маленький. В эту пору Хум давно отцвел, и его было трудно отыскивать в траве. В женских мешках были запасы весеннего Хума, но корни эти были сухие и менее сильные, — их можно было употреблять только пополам со свежими.

Когда пять мешков были наполнены плотными белыми корешками, женщины приступили к работе. Они вынули из большого мешка, принадлежавшего племени, две деревянные чаши, одну огромную, другую поменьше. Та, что побольше, назначалась для Хума, та, что поменьше — для воды.

Они уселись в кружок, сотворили благословение и стали жевать Хум. Каждая брала один корешок, превращала его в жвачку и сбрасывала в чашу. Потом брала глоток воды из водяной чаши, споласкивала рот и выливала поверх жвачки. К этой жидкой и серой смеси они прибавляли потом мед диких пчел, который они собирали в прекрасных липовых лесах по берегам речки Сарны.

Время Хума было временем любовных заклинаний. Каждая сбрасывала свою жвачку и тихонько называла желанное имя и этим самым прибавляла в Хум свое желание.

Новопосвященные девушки, которые теперь стали полноправными женщинами, сели, по обыкновению, рядом. Они быстро жевали корни своими крепкими белыми зубами, но на лице их отражалась нерешительность.

Кого назвать? Они мало знали о мужчинах и еще ни разу не видели брачного обряда. А, между тем, желание Хума было прямое и сильное. Оно не допускало колебаний и смещения имен.

Русоголовая Илеиль сбросила одну жвачку, потом другую. Тогда ей стало страшно. Неужели она пропустит весь Хум без своего желания?

Она наклонилась направо, к уху своей соседки, Эллы-Певучей, и шепнула чуть слышно тот же мучительный вопрос: — Кого назвать?

— Илла Огнебородого, — быстро ответила Элла. Она думала о рыжем великане и выговорила его имя почти машинально.

— Я назову Илла, — поспешно объяснила она во избежание недоразумений.

Хум, Хум, живое питье,
Дай мне Илла!

— Нет, Мара Красивого, — прибавила она также поспешно. — Нет, лучше Илла. — Я крыса, крыса, — закончила она почти с отчаянием.

Противоречивые, заклинания можно было погасить, только выразив готовность подражать крысиному обычаю. После того можно было начинать сначала, но вторые заклинания были слабее первых.

Смятение Илеиль увеличилось, но она не хотела отказаться от своего намерения. Она нагнулась налево, к другой подруге своей, высокой Яррии, и шепнула тот же вопрос.

Яррия повернула лицо и сурово посмотрела на подругу, потом щеки ее зажглись темным румянцем. Она думала о том же самом.

— Его назови, — шепнула она коротко.

— Кого? — спросила Илеиль, замирая от стыда.

— Его, — повторила Яррия: — воина, мужа, Анака...

Шопот ее стал тише и мягче, но она не нашла более определенного имени и вдруг сказала сердито и почти вслух: — Отстань, подлая!

Другие женщины смотрели на них и смеялись. Они догадывались, о чем могут шептаться девушки.

Илеиль пришла в отчаяние, и глаза ее затуманились, и вместо заклинания в чашу с Хумом упала слеза.

Первую наполненную чашу сбросили в большой мех, тонкий, выскобленный и сухой, и снова взялись за работу. В эту ночь женщины называли перед сном имена своих избранников и, ложась, простирали руки к северу, откуда мужчины должны были придти. Они хотели увидеть их во сне.

Три дня жевали женщины Хум и наполнили мех. Потом они положили его у огня и покрыли шкурами. Под этим темным и теплым покровом сонный Хум бродил, бурлил и оцепивался, сам себя приготавливая к празднику.

После того женщины стали готовить солнечное колесо и брачное огниво. Солнечное колесо было свито из сухой травы. Оно было большое, круглое, со спицами, которые выходили наружу за жгут обода и представляли лучи солнца. Брачное огниво было устроено в столбе из дерева липы. Его выбрали из стоялого сухого леса и укрепили на поляне, поближе к правой стороне. В верхушке этого столба, на высоте человеческого роста выжгли огнем глубокую круглую дыру. И в эту дыру крепко забili чурбан из красной сосны, сухой и звонкой, как железо. В голове чурбана проходили две длинные жерди, крест-на-крест, по выжженным ходам. Эти жерди должны были служить ручками огнива. При помощи их чурбан ходил в своем гнезде туго и со скрипом. Солнечное колесо было укреплено на палке, вставленной в центр чурбана. Оно было прилажено не горизонтально, а вертикально, на поперечной перекладине.

С этого дня совершилось разделение лагеря на брачных и небрачных, ибо небрачные не имели права не только участвовать, но даже присутствовать при обряде. Небрачными были подростки и дети, также женщины-родильницы той же весны. Они считались нечистыми и не допускались к обряду. Старухи могли, по желанию, быть вместе с брачными или небрачными.

Небрачная часть лагеря накануне обряда уходила в сторону и становилась особо. Они могли вернуться только с новым ущербом луны. Небрачным и непосвященным присутствовать при брачном обряде было опасно. Брачные мужчины и особенно женщины были свирепы к чужим и могли растерзать постороннего на месте.

Мужская любовь начиналась иначе, чем женская. Молодые люди уже после полнолуния стали смотреть друг на друга косо. Они тоже пели песни и восхваляли подруг, но еще чаще в песнях своих они осмеивали друг друга. Завязывались ссоры и брачные поединки. Молодые люди внезапно бросали оружие в сторону и убегали в лес. Там сражались они наедине руками и зубами. Ибо, по закону Анаков, древнему и мудрому, брачные поединки происходили без копий и даже без палок. Впрочем, эти поединки были все-таки ожесточенные. Соперники возвращались из лесу в шрамах и ранах, с надорванными ушами и вывих-

нутыми руками. Но на эти раны никто не обращал внимания. Они заживали притом с необыкновенной быстротой, как будто жажда любви была целительным элексиром.

Ожесточеннее всех сражались Мар и Несс, друзья-соперники. Уже третий праздник они сражались с таким же слепым ожесточением. И замечательно, что в обычное время они относились друг к другу весьма дружелюбно, и на летних птичьих охотах их челноки постоянно плавали рядом. Но к полнолуннию, перед праздником, оба сходили с ума. Ссору начинал Мар, но Несс был сильнее. И на голове Мара была белая плешинка, след прошлогоднего ушиба. Другие юноши сражались за разных женщин, за молодых и даже старых. Мар и Несс сражались только за Охотницу Дину. Оба они преследовали ее уже два праздника и оба были рады, что она никому не досталась.

В средний день междулунного промежутка женщины встали с разсветом. Они достали из мешка свои костяные гребни и ушли к ручью; рассыпались порознь и стали развивать и заплетать свои лохматые косы. Это нужно было производить наедине, ибо чесаться на чужих глазах считалось неприличным.

Они вплели в свои косы мелкие раковины и надели на шею ожерелья из косточек вишни, из рыбьих позвонков и маленьких твердых жуков, блестящих и черносиних. Они натерли свои груди жиром и губы намазали ярким соком жучка-листоеда и провели черным камнем две черты от угла глаз направо и налево.

Готовые, они стали ждать. Торопливая Элла то и дело убегала на разведки, сперва прямо по лугу, потом направо в лес. В третий раз она воротилась с криком: «Мужчины!» Было это около полудня.

Мужчины были в большом воинском уборе, который одновременно был брачным убором. Волосы у них были тоже расчесаны и скручены вместе на темени и связаны туго и в трубку. Поверх трубки они вставляли султаном. Они были украшены орлиными перьями и мохрами козьей шерсти, окрашенной в алый цвет.

Грудь мужчин была разрисована черными знаками боя, но живот и бедра носили красные знаки приязни. Они надели на шею крупные бусы из каменных зерен неправильной формы. Просверливать такие зерна было

искусством трудным и медленным. Но каменное ожерелье считалось лучшим украшением брачного мужского наряда.

Мужчины были с копьями и палицами и на плече несли звериные шкуры. Эти шкуры назначались для брачного подарка женщинам. Каждый мужчина подстилал свою шкуру под ноги избраннице. Потом она уносила ее с собою и делала из нее себе плащ. Шкуры были самые отборные — волчьи, рысьи, медвежьи. Приносить оленьи или козлиные шкуры считалось постыдным. Не один охотник носил на своей груди глубокие следы когтей того зверя, шкуру которого он завоевал для брачного подарка. Илл Красный Бык с гордым видом принес на плече пеструю шкуру огромного барса. Илл задушил его руками в страшном единоборстве, без всякого оружия. Это, конечно, больше всего подобало для брачного дара, и дар Илла был вдвойне ценен и желанен для каждой женщины.

Женская группа стеснилась на площадке. Мужчины с важным видом обошли кругом, шагая, как журавли, потом развернулись в линию, подняли копья и с воинским кличем опустили их на землю: — Игой!..

— Игой! — подхватили женщины своими тонкими голосами. Это был первый брачный хор.

Мужчины тотчас же отошли в сторону и сложили свое оружие, мешки и перевязи. Они покрыли это оружие зелеными ветвями, чтобы оно не видело их брачной пляски.

Два полухора развернулись и встали друг против друга по сторонам площадки.

Красные ягоды созрели, —

запел женский полухор.

Женские груди налились, —

ответил мужской полухор.

Красные ягоды выжмем, —

пел женский полухор.

Женские груди выжмем, —

ответил мужской полухор с новым увлечением.

— Солнце, жги! — подхватили оба хора вместе. Началась брачная пляска, стена против стены. Стена мужчин наступала стремительно, как будто в атаку шла, подходила

так близко, что их горячее дыхание обдавало женщин, потом отступала обратно. Женщины плясали на месте, чуть перебирая ногами, и с вызывающей улыбкой посматривали на мужчин.

Первым вышел вперед для брачного бега Альф Быстроногий. Первый начинающий должен был отличаться особенным проворством.

Женщины тоже выставляли самую быструю, и дело мужской чести требовало, чтобы поймать ее, если возможно, сразу.

Альф сбросил пушистую шкуру на землю и запел, вызывая себе брачную пару:

Я — буйный козел,
Рога мои — копыя...

Он поднял вверх оба указательные пальца, изображая ими рога:

Я — буйный козел,
Пара, приди!
Не придем, не придем, —

пели женщины.

Дайте невесту, —

запел мужской полухор.

Не дадим, не дадим, —

пели женщины.

Возьмем возьмем, —

пели мужчины.

Пенну дадим, Пенну, Пенну!..

Это была явная насмешка, ибо Пенна Левша была женщина в летах и не могла составить пары для буйного Альфа.

— Возьмем, возьмем, — упорно повторяли мужчины.

— Асу дадим, Асу, Асу, — лукаво пели женщины. Аса и Пенна были соперницы и стояли друг друга.

— Возьмем, возьмем, возьмем...

— Эллу дадим, Эллу, Эллу...

— И вдруг торопливая Элла выскочила вперед и быстро пробежала мимо Альфа, проворная, как белка.

Альф бросился, протянул руки и чуть не схватил ее, но Элла согнулась и скользнула в сторону. Они обежали площадку по внешнему кругу, и когда Альф снова готов был схватить Эллу, она добежала до женской половины.

Женский полухор разбился и построился двумя рядами в виде узкого коридора. В руках у женщин очутились ремни и прутья, до того невидимые.

Элла прыгнула в этот корридор, как мышь в нору. Альф ринулся за ней, как хорек за мышью.

— Не дадим, не дадим, — пели женщины.

Ремни и прутья в такт пению опускались на обнаженную спину Альфа и оставляли на ней красные следы, но он не обращал внимания на удары. Его глаза были прикованы к белому телу, маленькому и круглому, плотному и проворному, мелькавшему впереди. Он проскочил сквозь женский строй и кинулся за беглянкой.

Второй раз пробежала Элла по кругу и опять увернулась от Альфа и скользнула в коридор. Альфу пришлось пройти сквозь строй вторично.

Его спина вздулась от ярких рубцов. Рисунки на груди стерлись от жаркого пота. С левого плеча, от какого-то удара, особенно жестокого, брызнула кровь. Но он проскочил сквозь женский строй, как змея сквозь сухие листья, и в три прыжка снова догнал Эллу. Она увернулась, но неудачно, и чуть не упала. Он подхватил ее налету, поднял вверх и стиснул изо всей мочи. Элла взвизгнула от боли. Объятия Анакских охотников были опасны даже для барсов. Но женщина, пойманная в кругу, была добычей, и с ней следовало поступать так же, как и с подлинным зверем.

— Взял! — крикнули мужчины.

Альф выпустил Эллу и поставил ее на брачную шкуру. Она посмотрела на него лукавыми глазами.

Женщины смеялись. В сущности трудно было судить, кто был быстрее: Альф или Элла. Это была известная женская уловка: на третьем перебеге уступать желанному, а от нежеланного уходить всеми правдами и неправдами. На перебеге составлялись брачные пары, но редко это случалось против выбора и желания женщин.

Красные ягоды созрели, —

запели снова женщины.

Из мужских рядов одновременно выдвинулись вперед двое. Мар и Несс. Они остановились в нерешительности, только обменялись горящим, ненавидящим взглядом.

Кого дадим, кого дадим, —

пели женщины лукаво.

Многие смеялись. История Дины и двух влюбленных была хорошо известна всем. Общественное мнение женского лагеря порицало Дину, но только не в эту минуту. Это была минута женского счастья, высшего торжества, свободного выбора и господства над мужчинами.

Мар передернул плечами и решительно двинулся вперед. Несс даже зубами заскрежетал от злости, но посмотрел по сторонам, на лица товарищей, и покорился. Все знали, что Мар быстрее и проворнее. Ему надлежало на этой площадке выступить первому.

Я — буйный бык, —

запел Мар,

Рога мои — копыя.

— Дину дадим, Дину, Дину, — пели женщины.

Дина вышла вперед и стала перед Маром. Лицо ее было спокойно, коварно, загадочно. Но все мускулы ее тела трепетали. И непроницаемые серые глаза чутко подстерегали каждое движение противника.

В рядах мужчин раздался шопот и замер. Дина была одета с нарушением всех традиций и даже приличий. Волосы ее не были заплетены в косы. Они были собраны на темени в трубку и кончались султаном по-мужски. Но только ни у одного мужчины не было такого пышного, мягкого, ровно расчесанного султана. Он веял над ее головой, как знамя. Волосы Дины были украшены орлиными перьями, по-мужски. Ей пригодился орел, которого она убила на-лету в голодный вешний день.

И на плечах ее был плащ из шкуры матерого волка, светло-серого, почти белого. Его огромные зубы скалились за ее ухом, уши торчали, как будто у живого. Такой плащ с головой и зубами носили только мужчины. В каждой складке этого плаща и в каждой пряди темных волос и во взгляде серых глаз сверкал вызов мужчинам, неукротимый и задорный.

Мар простоял несколько секунд, собираясь с силами. Дина была перед ним, но он знал по опыту, что Мужене-навистницу на брачном празднике труднее схватить, чем поймать ужа голыми руками за хвост.

Оба они стояли и следили друг за другом, как волк и куница на травле в старинной сказке Анаков. Наконец, Мар сделал движение, и оба сорвались с места и помчались, как буря.

Дина бежала мелкими, ровными шагами, но так быстро и плавно, как будто она летела и не касалась земли. Мар мчался ей вслед большими прыжками. Но когда он прибавлял ходу, Дина тоже ускоряла свой плавный бег, и расстояние между ними не изменялось. Со стороны казалось, будто она ведет его за собой на невидимой веревке. Они пробежали по кругу, обогнали мужчин и вернулись назад. И, перебегая вторично через брачную площадку, Дина попутно толкнула ногою брачную шкуру Мара, пышный мех черной речной выдры, которую он изловил руками на льду над самой прорубью, благодаря своей ловкости и быстроте. Шкура подскочила вверх и свернулась в комок.

— Го! — крикнули женщины, увлеченные этой новой дерзостью. Несс посмотрел на подбегавшего соперника угрюмым взглядом.

— Это тебе не выдра, — сказал он громко. — Эта проворнее будет.

Дина вскочила на женскую улицу и промчалась наружу. На спину несчастного Мара посыпались палки и плети. Женщины били, не жалея. Он стиснул зубы и выскочил наружу. Три раза обежали они по кругу. Каждый раз пинала Дина брачный дар влюбленного, и снова бичевали его женщины, и когда в третий раз он выскочил из этого живого ущелья, он шатался от боли и от усталости.

— Не взял, не взял, — пели женщины, ликуя.

Мужчины хмурились, но молчали. Это было неоспоримое женское право отвергнуть непроворного.

— Дину дадим, Дину дадим, — запели женщины снова. Они знали, что вслед за Маром выйдет Несс на то же состязание.

И снова встали на брачной площадке Дина и Несс друг против друга. Сильный Несс знал, что не может догнать на-бегу легконогую Дину. И, несмотря на свою силу, он посмотрел на свою избранницу просящими, жалоб-

ными глазами. Она ответила тем же коварным и чутким, непроницаемым взглядом. Никогда она не была так красива, как в этот миг. Лицо ее разгорелось от бега и ликования. Пышный темный султан веял над головой. Вся она была, как степная богиня Амида, которая тешится на перебеге с пугливой антилопой и легкой птице лошадью и первая прибегает к меже.

И вот, они сорвались и побежали. Несс бежал тише* Мара, и медленнее уходила от него Охотница Дина. На обратном перебеге через брачную площадку она дала ему приблизиться. Руки его уже простирались над ее плечами. Но в эту минуту она прыгнула вперед и нырнула в женское ущелье, как ныряют в воду. На широкую спину Несса посыпались те же удары, какие прежде достались проворному Мару.

Еще два раза они пробежали по брачному кругу.

— Не взял, не взял,—пели женщины.

Мужчины хмурились. Они были разбиты два раза под ряд.

— Кого дадим, кого дадим,—пели женщины.

И на новую очередь вышел грузный Илл, первый воин племени. Он сдернул с плеча широкую барсовую шкуру, взмахнул ею над головой и бросил вниз. Она распрямилась в воздухе и ударилась о землю с сухим стуком, как щит.

Илл откинул назад голову и запел:

Я—буйный мамонт,
Клыки мои—копья.

— Литту дадим, Литту дадим,—пели женщины.

Златоволосая Литта не выходила сама, и они вытолкнули ее почти насильно. Она стояла на площадке и смотрела на Илла широкими, слегка испуганными глазами. Илл был высок и грузен. Его рыжие волосы были коротки, он подстригал их осколком кремня. Борода у него была широкая, огненного цвета. И его красное лицо в этой огненной рамке было, как солнце, окруженное лучами.

Илл тоже смотрел на Литту. Она была без плаща. И волос не заплела по обычаю. Они спускались, как всегда, на ее белые плечи длинными, прямыми, светлыми прядями, и ее синие глаза выглядывали из-за их покрова, как синие «чаши любви» смотрят из-за густой, уже пожелтевшей травы.

Возьмем, возьмем, возьмем,—

пели мужчины, но Литта не шевелилась. Илл слегка усмехнулся и сделал шаг вперед. Но в эту минуту неукротимая Элла выскочила не в очередь и скользнула, как горноста́й, в довольно узкий промежуток между Иллом и Литтой.

— Куда?—ахнули женщины.

Глаза Литты блеснули. Она потрянула головой, и волосы ее отхлынули назад. Она как будто наружу вышла, нагая и белая, как русалка из камыша.

— Я—крыса, крыса, крыса,—дерзко стрекотала Элла. Она сделала круг и подбежала к Иллу с нескрываемым вызовом.

Илл вдруг сорвался с места, в два прыжка догнал Эллу и положил на нее свою огромную руку. Так желтый лев прикрыв бы лапою мышь, пробежавшую мимо.

Одною рукою он схватил Эллу и вернулся на площадку. Другою рукою он взял Литту за белое плечо и заставил ее ступить вперед. На барсовой шкуре было довольно места. Он поставил их рядом,—отступил назад и поглядел на обеих с той же спокойной усмешкой. Обе они были разные, но очень красивые, каждая по-своему. Литта была, как зеленое дерево; Элла была, как круглая, юркая мышь.

— Взял, взял,—кричали мужчины с радостным смехом.

Красный Илл возместил двойное поражение двойною победой.

Еще четыре четы пробежали по брачному кругу. Время шло вперед. Солнце уже было низко на небе. На этот первый день было довольно ретивой игры.

Ряды смешались. Мужчины и женщины подошли к мешкам, лежавшим в стороне. Здесь были разложены лакомые пироги. Впрочем, пока об еде никто не думал. Это было угощение послебрачное. Но Хума, крепкого вина, нужно было выпить по чаше.

Женщины открыли заветный мех с вином. Темный Хум глухо бурлил и постукивал в стенки. Он требовал выпустить его наружу для участия в празднике.

Мужчины и женщины запели песню Хума:

Мы пили Хум, Хум,
Живое питье,
Дай нам любовь!

Чашей была большая, блестящая, пестрая раковина. В земле Анаков не было цветных раковин. Они приходили

из дальних стран, и Анаки выменивали их у племени Селонов на красивую землю и шкурки оленьих телят, еще не рожденных, выпоротых у матки из брюха. Эта чаша, впрочем, не была куплена на памяти людей. Она переходила по наследству от поколения к поколению. Она звалась «чаша любви» так же, как синие чаши поздних осенних цветов.

Из своих рук женщины напоили Анаков, потом выпили сами. Густое медвяное питье проникло в пустые желудки и ударило в голову. Жадными глазами мужчины и женщины смотрели друг на друга. Крепкий Хум проснулся в их глазах и засверкал буйным и ярким весельем.

Мужчины и женщины кончали свое пирование быстро и беспорядочно, с одного взгляда, без слов, соединяя свои руки в знак согласия. Зрелые мужчины сходились с юными девушками и юноши со старухами. Хум всех равнял и всех красил.

Новые ссоры завязывались и тотчас же гасли. Вечер был близко. Волны Хума и волны любви мчали их неудержимо вперед, к брачному таинству.

Красный Илл стоял неподвижно на месте, как столб. Сила Хума была не властна над его головой, крепкой, как дубовая чаша. Только глаза его вспыхнули рыжим огнем. И руки сжались и сами простерлись вперед. Элла игриво обежала кругом него, как будто опять повторяя брачные круги. Так лисица делает петли по снегу, подбираясь к куропатке. Илл посмотрел на Эллу, потом отвернулся. Литта стояла перед ним, тоже высокая, стройная, неподвижная, как он сам.

Ярый Хум зажег красный румянец в ее щеках. Или, быть может, это было заходящее солнце? Она была теперь, как белая сопка, покрытая зимним снегом и обожженная зарею.

Он стал подходить медленно, шаг за шагом. Литта смотрела ему в глаза, потом зажмурилась, как будто от блеска.

— Солнце, Красный Бык,—сказала она.

Элла сделала еще один круг и, как ни в чем не бывало, подбежала к Альфу, своему первому избраннику.

— Крыса, прочь!—крикнул Альф бешено.

Но Элла схватила его руками за шею.

— Я кошка, не крыса,—шептала она.—Я задушу тебя.

Они стали бороться грудь с грудью, и крошечная Элла оказалась равной силы с высоким и стройным Альфом, ибо любовь в эти дни всех равняла и всех соединяла. Они упали на землю, но продолжали бороться и на земле, перекатываясь друг через друга и извиваясь, как змеи. Элла укусила Альфа в грудь и запустила свои острые когти в его крепкую, загорелую шею. Он схватил ее за волосы и пригнул ее голову к земле. Наконец, они поднялись, успокоенные, и взялись за руки. Они были теперь четою, готовою к браку.

Мар и Несс подскочили к Охотнице Дине слева и справа и схватили ее за руки. Они потянули ее в разные стороны, как будто хотели разорвать пополам. Но Дина тряхнула плечами и выдернула руки. Потом с удивлением посмотрела на того и на другого. Насилие над женщиной не допускалось на брачном празднике Анаков даже в самые пьяные и буйные минуты.

Соперники ответили ей взглядом бешеной ненависти.

— Плащ,—шипели они,—от кого плащ?

— А, плащ,—засмеялась Дина.—От мужа моего брачный дар...

— Какой муж? — взвизгнул Мар. — Где он?

— Муж мой покойный, — сказала Дина громко и весело. — Вот его голова. Он головой заплатил вместо брачного дара. Мой серый волк... А вы заплатите?..

— Заплатим, — крикнули оба и оторвали глаза от глаз соблазнительницы и скрестили их, как копья.

— Который из вас?

— О-о!..

Соперники взвыли от злости волчьим голосом, как будто хотели уподобиться тому покойному мужу Охотницы Дины, шкуру с которого она сняла собственными белыми руками.

Руки Мара и Несса соединились. Еще минута, и они бы стиснули друг друга объятием бешенства. Но на брачной площадке были запрещены всякие иные объятия, кроме любовных. С яростным криком и визгом они оставили Дину и бросились в лес. Они бежали, как братья, держась за руку, но бежали они под сень темного леса для нового брачного боя.

Дина посмотрела им вслед и тихо засмеялась. И почти тотчас же обернулась назад на новый призыв.

Перед нею стоял Рул. Он был высокий и тонкий. И, стоя на месте, он качался, как тростинка. Лицо его было бело, и в широко открытых глазах черным пламенем горел тяжелый Хум.

— Ты, — сказал он отрывисто, как будто выдохнул сквозь сжатые зубы.

— Чего тебе, мальчик? — сказала Дина с удивлением, но кротно.

— Ты приходила ко мне, — сказал Рул также отрывисто.

— Когда приходила?

— Ты... Она...

— Кто она? — спросила Дина снова с растущим удивлением.

У ней четыре ноги и два тела, —

запел неожиданно Рул: —

Одно тело женское, другое мужское.
Велит, говорит: «Возьми себе женское,
Оставь мне мужское».

— Это Хум говорит, — сказала Дина в виде объяснения. — Слабая твоя голова.

Рул быстро снял с плеча шкуру барсука, скромный брачный дар слабого юноши, и бросил ее на землю под ноги Дине. Потом, к ее новому удивлению, он сам упал перед нею на землю и простерся на шкуре у ее ног.

— Возьми меня, — сказал он изнемогающим голосом.

— Зачем? — сказала Дина, делая вид, что она не понимает.

— Топчи меня ногами, — шептал Рул. — Брачный дар — шкура моего тела.

По лицу Дины пробежала как будто молния, и глаза ее вспыхнули. Потом они погасли, но вместо обычной холодной твердости в них засветилась жалость. Она посмотрела на Рула такими глазами, какими смотрела на малых детей в голодное утро на берегу реки Даданы. Рул лежал ничком перед ее ногами.

— Мальчик, встань, — сказала Дина кротно.

Он поднял голову и посмотрел на нее, и в глазах его сверкнуло пламя неукротимого голода. Этот голод был страшнее весеннего голода детей.

— Встань, Рул..

Он обнял ее нагие колени и стиснул их изо всех сил, как будто хотел уронить Дину на землю. Потом руки его ослабели и разжались. На углах его рта выступила пена. Он был без чувств.

По лицу Дины прошла другая молния. Она нагнулась над ним и подняла его своими сильными руками. Она села на землю, разостлала барсучью шкуру и положила голову Рула к себе на колени, и поглаживала его по щекам, и баюкала его бесчувственное тело, как баюкают ребенка.

— Рул, мальчик, — шептала она.

У нее было к нему странное, смешанное чувство. Как будто это был не жалкий влюбленный, а сын от ее плоти. Любовь его роднила его с ее плотью и будила в ее непокорном сердце страсть материнства, жаркую, странную, почти плотскую. Ей захотелось его больную голову, пьяную от страшного Хума, приложить к своей груди, как прикладывают младенца; вместо вина любви напоить его молоком материнства. Но грудь ее была девственна и не имела молока, и не могла узнать мягких уст сосущего младенца...

Спанда и Исса тоже стояли рядом и смотрели друг на друга. Оба были старые, седые. Длинная борода колдуна была даже седая с зеленью. Впрочем, он был высокий, могучий. Был он похож на старый дуб, сверху поросший древесным зеленоватым мхом. Исса была маленькая, сухая, кожа и кости, несмотря на обильное питание лета. Но глазки у нее были живые. Темный Хум зажег в них хмельное веселье, и они бегали кругом, как будто плясали брачную пляску на утоптанной площадке.

Старая колдунья выпрямила свой сгорбленный стан и с вызывающим видом помахивала посохом.

Спанда посмотрел на нее сверху и погладил рукою зеленую бороду.

— Ну, что ты умеешь? — сказал он, подмигивая. Лицо его, впрочем, сохраняло прежнюю важность.

— Хи! — усмехнулась Исса. — На две стороны умею: убивать, оживлять, дарить, отнимать, чары строить.

— Ну-ка, ну-ка, — поощрял ее Спанда, — какие, скажи!

— Хи! — усмехнулась Исса. — Любовные, всякие.

— Ну, покажи, — подбодрял ее Спанда.

— Сейчас!

Она обежала вокруг Спанды три раза вприскок. Странно было видеть такие легкие движения в этом сухом

старческом теле. Она прыгала вокруг старого колдуна, как молодая девочка. Потом она встала против Спанды, закинула голову назад и впиалась в его глаза своими вороватыми зелеными глазками.

— Красным червем заползу в твое чрево, свяжу паутиной, изъем твой покой. Крепкий запах мой войдет в твои ноздри. Будешь тянуться к моим грудям, как голодный сосун.

Спанда с серьезным видом разгладил свои усы.

— Сильные чары!

— Ага!—сказала Исса.—Все на свете бывает на две стороны, как бревно на перевесе. Один конец опустится, другой поднимется. Где твоя сторона?

— Вот моя сторона, — сказал Спанда. Он обернулся лицом к заходящему солнцу. Его большие серые глаза смотрели на солнце, не мигая и не закрываясь. Нос у него был большой, загнутый книзу, и весь он был, как старый орел, грузный и белоголовый.

— Солнце, жги!—повторил он знакомый припев.

В его старых глазах блеснула желтая искра. Даже бороды его приняла красноватый оттенок, и весь он стал похож на Красного Илла.

И как будто заражаясь сознанием этого странного сходства, Исса бросилась в сторону и побежала по тропинке.

— Хватай меня! — крикнула она на бегу.

Она проворно катилась вперед, и движения ее были, как движения Эллы Певучей на брачном перебеге. Старый Спанда смотрел ей вслед и не двигался с места...

Два брата Сема и две сестры, Винда и Рея-Волчица, плясали на месте, схватившись за руки. Сестры принесли своих младенцев и положили их на траве. Младенцы лежали смирно и не плакали. Быть может, они сознавали, что в эту минуту никто не обратит внимания на их плач.

Юн положил Юне на плечи свои тяжелые руки.

— Где мой Мышенек?—спросил он низким тоном. Его глаза не отрывались от ее глаз, и руки его слегка раскачивали плотное тело жены.

— Там, — показала она головой. — Что ты так смотришь? — тотчас же прибавила она. — Он был во мне. Теперь вышел наружу.

Она была заботливая мать. Но в эту минуту она думала не о ребенке. Он был слишком велик, и она отдала

его Лото и забыла о нем на брачное время... Ее голова горела и кружилась. Грудь бессознательно тянулась вперед. Ей казалось, что тело ее стало легче и мягче и тает под праздничным солнцем, как жир у огня.

— Ого! — сказал Юн: — Мой Мышенек! Вырос, должно быть...

Юна покорно вздохнула и подчинилась настроению мужа.

— Да вырос, — сказала она. — На тебя похож.

Юн неожиданно стиснул жену крепким объятием и поднял вверх. Он приблизил свои губы к ее уху, но вместо любовного слова шепнул ей на ухо то же заветное имя: — Мой Мышенек...

Юна закинула мужу руки на шею и попыталась угнездиться на его широкой груди.

— Поноси меня, — шепнула она, — как носишь ребеночка.

Голос ее звучал детскою просьбой. Юн поднял это тяжелое, жирное тело и понес к огниву брачному. И ему казалось, что он сжимает общим объятием мать и ребенка...

Элла Большая была с высоким Лиасом, Пенна Левша схватила за руку Санга и увлекла за собою, бросив попутно Асе-Безб-Зуба победоносный взгляд.

Аса не обратила на нее внимания. Она стояла на месте и мутными глазами смотрела в сторону. Потом отошла, покачиваясь, и тихо побрела вправо по направлению к лесу. Никто ее не останавливал и даже не посмотрел на нее. Пенна с Сангом исчезли. Аса шла, спотыкаясь. В ее голову вошел Хум, самый черный, густой, как дождь. Он вел ее в дубраву, и она не могла противиться.

Потом Аса вошла в лес и повернула налево. Ее движения изменились, шаги стали тверже, и глаза сверкнули лукавством. Хум ли вел Асу в дубраву, или Аса вела Хума, но они поладили друг с другом и подвигались по дороге торопливо, даже вприпрыжку.

Аса говорила своему Хуму: — Я всех веселее, хочу того, кто всех веселее...

И ее красные глазки шныряли по сторонам и искали в листе.

Среди высоких буков никого не было. Аса забралась в орешник, густой, почти непроходимый. И здесь в круглой ложбине, которая была похожа на хороший зеленый

шалаш, она увидела Дило Горбуна. Он стоял на четвереньках по своему обычаю. Она тоже встала на четвереньки и посмотрела на него.

— Видел? — спросила Аса.

— А как же, — ответил хладнокровно Дило — Я тут, как тут.

Оба засмеялись.

— И меня видел? — спросила Аса с кокетливым видом.

Вместо ответа Дило сделал движение плечами, и в этом легком движении отразилось все сладострастие и натиск и томность брачного танца. Аса с лукавым видом погрозила ему пальцем. — Ты непосвященный, — сказала она.

— Пустое, — сказал Горбун весело. — Волки живут без посвящения, а прыгают высоко.

— А ты видел? — заинтересовалась Аса.

— Видел, — кивнул головою Дило. — Волка и волчицу.

Глаза Асы сверкнули странным огнем.

— Как они любят? — спросила она.

Дило засмеялся. Аса сделала шаг вперед и остановилась.

— Я принесла тебе Хум, — сказала она.

— Где? — спросил торопливо Горбун. — Давай.

— Вот здесь.

Она показала пальцем на грудь. Серая пола ее мехового плаща была мокрая. Аса вылила сюда лишнюю чашу вина и принесла ее Горбуну в виде брачного дара.

Дило быстро подполз к соблазнительнице и жадно стал всасывать хмельное питье из мокрого меха.

Она схватила его голову и прижала к груди.

— Как любят волки? — шепнула она ему на ухо.

Солнце спустилось еще ниже. Нужно было исполнить вторую часть брачного обряда. Анаки подошли к колесу и стали у перекладин песта четыремя рядами. Два ряда было мужских и два ряда женских. То были четыре луча брачного колеса. Они положили руки на деревянные жерди и уже напирали на них грудью и топали ногами о землю, сгорая от нетерпения.

— Солнце, солнце, солнце, — запели они вместе, — дай огня!

Они двинулись вперед, вращая спицы колеса. Мужчины шли за женщинами и женщины за мужчинами, и вечно вращались и не могли догнать друг друга. Пест медленно и туго ходил в гнезде, обтирая тесные стенки.

— Солнце, жги!—пели Анаки.

И огниво скрипело и тоже пело вместе с ними:—Жжи!..

— Солнце, солнце, солнце, дай любовь,—пели Анаки. Они двигались все быстрее, и колесо скрипело громче и пронзительнее.

— Солнце, жги!—уже не пели, а ревели Анаки. А солнце спускалось на землю, большое и красное. Оно было теперь, как огромный костер, круглый и алый, и Анаки были алы, и им казалось, что они пылают в пламени этого костра.

— Жги!—ревели Анаки. Они бежали теперь, что было мочи, и как будто гнались, мужчины за женщинами и женщины за мужчинами, вечно гнались и не могли догнать друг друга. Лучи колеса вертелись со свистом. Им казалось, что эти лучи несутся сами собой, увлекают их вместе. Ноги их как будто не успевали ступать по земле. Иногда они поднимались и волочились сзади, и переступали в воздухе. Бешеное колесо увлекало Анаков вперед, как горсть перьев, приклеенных рыбьим клеем к его свистящим лучам.

Солнце спустилось до самой земли и слегка затмилось тонкими вечерними парами.

«Жжи!..» скрипело колесо. Густой клуб дыма хлынул из-под песта и ударил фонтаном вверх.

— Жги!—ревели Анаки в неистовстве. Лучи колеса вертелись с несказанной быстротой. Небо и земля, и солнце, и поля кружились в глазах. Анаки перестали разбирать, где они и где солнце, где мужчины и где женщины.

«Жжи!..»—гудело колесо. Первый язык пламени ударил из-под песта, потом другой, третий. Колесо мчалось все в огне, Анаки мчались вслед за ним. Таинство брака совершилось в дереве. Большое соломенное солнце поравнялось с круглым огненным шаром, спустившимся там, далеко, на край горизонта. И все заволочлось дымом и вспыхнуло пламенем. В ослепленных глазах Анаков боа солнца слились и перемешались, и они не знали, которое пылает в тучах, которое в дыму. Соломенное солнце исчезло. Красное солнце стало спускаться за край горизонта. Оно как будто входило внутрь, врубалось в земную утробу своим пламенным, красным и круглым топором. Таинство брака совершилось в природе. Красное солнце спустилось в утробу земли.

VIII.

Три ночи Яррий и Ронта ночевали у Гррамов. Черные люди дружески относились к молодому Анаку. Они заставили его выдрать по клочку шерсти из каждой квадратной головы. Яррий еще раз ходил с ними на диких козлов не ночью, а днем. Но козлы оказались слишком осторожны, и охотники не могли подобраться к ним так близко, как надо. Зато на обратном пути он очень удивил Гррамов своим барканом. Это было орудие для охоты на птиц. Оно состояло из шести костяных шариков, привязанных на ремешках. Ремешки были с другого конца связаны вместе в пучек.

Яррий пустил это орудие в стаю уток, пролетевших над его головой. Баркан развернулся налету, и шарики встали порознь на тонких ременных лучах. Как будто огромная лапа растопырилась в воздухе и летела на птиц. Утки испугались и потеряли голову. Баркан налетел сбоку. Одна из уток шарахнулась влево, потом вправо, задела крылом баркан. Тотчас же костяные пули обрушились на ее тело, и ременные лучи захлестнулись. Она грянулась на землю и по дороге задела еще другую, неизвестно как, и увлекла с собой.

Гррамы смотрели с удивлением и страхом на этот род охоты, новый и непонятный. Они даже боялись подходить к убитым птицам, и когда Яррий размотал баркан и поднес младшему охотнику, тот с криком отскочил в сторону, как будто от змеи. Загонщик оказался храбрее. Он осторожно взял баркан пальцами за кончик ременного пучка, поднял вверх и стал рассматривать на расстоянии, как опасную гадину. Баркан не шевелился. Тогда загонщик понемногу осмелился и стал перебирать пальцами ременные лучи. Он попробовал даже бросить баркан вверх, но ремешки спутались и не развернулись колесом. Баркан упал вниз почти на его голову. Он сморщил лоб от гнева или от размышления. Потом подобрал несколько маленьких круглых камешков, зажал их в горсть и попробовал метнуть в другую стаю уток, пролетающую вверх. Камни полетели в разные стороны и упали вниз. И на этот раз один из камней больно задел другого охотника, очень толстого и черного. Они чуть не подрались из-за этого удара.

Мальчишки оказались переимчивее взрослых. Они сделали себе палки по образцу дротика, заострили их на огне и целый день упражнялись в их навесном метании, по примеру Яррия. У них был очень верный глаз. И почти сразу они стали попадать в ствол дерева, служивший им мишенью.

Три девченки, которые были в племени, ходили неотступно за Ронтой. Ее белая кожа служила для них предметом неистощимого любопытства. Они дотрагивались до ее рук и плеч и даже терли их пальцами, как будто хотели стереть светлый налет и вывести наружу здоровую черную краску. И, наконец, один раз они принесли из костра мелкого угля и пепла и хотели зачернить ими светлое тело Ронты. Оно, очевидно, казалось им некрасивым или неприличным. Ронта даже обиделась, потом рассмеялась. Она пробовала учить их анакским словам, но они не могли выговаривать ясно и путались, и будто давились анакскими звуками. И каждое слово у них выходило гортанно и сбивалось на «груарр».

После Гррамов они плыли шесть дней, останавливаясь только на ночные часы. Река стала широкая, как море. Берега сделались ниже. Вместо высоких яров и обрывистых скал были пологие склоны. Леса стали иные. Липа и бук заменились осиной и ольхой. Везде тянулись заросли кустов, ореховых и ивовых, густых, непроходимых. Зато отдельные буки, липы и клены попадались огромные, развесистые, как шатры.

На шестом ночлеге произошла их первая ссора. В тот же вечер они пристали к берегу в обычное время и скоро изжарили мясо на ужин. Костер догорел, они не прибавили дров. Они сидели рядом под липой, широкой, как туча. Звезды тихо мерцали. И в ветвях липы над их головой защелкал Бульбуль, серая птичка, у которой в горле поет живая дудочка. Этой дудочке подражают анакские дети на своих камышевых свирелях. И почти безотчетно Яррий протянул руку и привлек Ронту к себе на грудь. Она сначала покорилась, и скоро руки Яррия стали смелее. Оба они не отдавали себе ясного отчета в своих чувствах и действиях. Но через минуту Ронта вырвалась и отодвинулась в сторону.

Яррий не сделал попытки удержать ее. Было темно под деревом. Они сидели, не глядя друг на друга.

— Ронта,— наконец окликнул Яррий.

— Я,—отозвалась девушка неохотно и не сразу.

— Отчего ты такая?

— Такая,—повторила девушка уныло и негромко. И в голосе ее звучало подтверждение.

Яррий повернул к ней лицо и стал рассматривать ее в темноте. В тусклом мерцании звездного света, проходившего сквозь листву, она показалась ему страшно маленькой, не больше ребенка.

Руки его только что обнимали ее тело и, как будто, еще ощущали ее острые плечи и плоскую грудь.

— Ты как Милка,—сказал он, наконец, неуверенным тоном.

— Милка—сестра моя,—отозвалась Ронта грустно.

— Как сестра?—спросил Яррий с минутным удивлением.

— Мы все были сестры,—сказала Ронта грустно.

— Все равно,—сказал Яррий:—долгие годы пройдут, и Милка не будет еще сидеть в роще кленовой.

— Я тоже не буду,—сказала Ронта тихо, и голос ее прозвучал как будто упреком. Они больше ничего не сказали, но в эту ночь, противно привычке своей, они спали порознь.

Яррий, впрочем, не спал. Он ходил взад и вперед с копьем в руках по зеленому берегу, как будто дозором. То смотрел по сторонам, не крадется ли хищник, то думал и сам не знал, о чем, но ему было грустно. И по временам ему казалось, что враг Юн, которого он оставил сзади на столько дней пути, уже тут, близко и крадется сквозь тьму. И он поворачивался назад и стискивал копьё, готовый нанести удар в немое пространство.

На следующее утро они не отправились в путь. Яррий вытащил челнок выше и стал зарывать в песок, по обычаю пловцов. Ронта сначала ему помогала, а потом спросила:

— Разве мы не поедем сегодня дальше?

Яррий поднял голову и вяло сказал:

— Зачем?

И Ронта сказала:

— Ты обещал мне показать синее море и великанов с клыками, как у мамонта.

И Яррий покачал головой и сказал:

— Я не поеду, я устал.

Ронта немного подождала, потом подошла и положила ему руки на плечи.

— Ты сердишься, Яррий? — спросила она.

И так же просто и грустно Яррий ответил:

— Я не знаю.

Две недели они прожили здесь, не трогаясь с места. Странная это была жизнь. Место было удобное, обильное пищей. В кустах на опушке созрели ягоды, черные и красные и еще другие желтые, крупно-зернистые, пахучие и сладкие. Таких ягод не было в земле Анаков. Они росли по мокрым местам, на низеньких кустиках. И еще были ягоды, голубые с легким пушком; они висели большими кистями и стлались по земле. И сколько бы их ни есть, нельзя было наесться до сыта. Только в ушах начинало шуметь, и светлые искры плясали в глазах, как будто от Хума.

В желтых холмах, поодаль от реки, было много кроликов. Рядом с их становищем в Дадану впадал ручей, узкий, почти пересохший от летнего зноя. Но, несмотря на мелководье, в ручье было много рыбы. Она входила из реки и шла вверх, обезумев от жажды нереста. Крупная она была, с блестящей чешуей. Она перепрыгивала с камня на камень, поворачивалась боком, иногда выбрасывалась на траву. Ее можно было брать просто руками.

Солнце светило так же ясно и безоблачно, как и на летовьях Анаков по Калаве и по Сарне. Снизу, от устья речного, прилетал ветер, но скоро улетал дальше. Они бродили целый день по окрестным полям не вместе и не совсем отдельно, ибо, если Ронта уходила в холмы и долго не показывалась, Яррий ощущал беспокойство и отправлялся на поиски, часто даже не отдавая себе отчета. Но стоило ему увидеть вдаль ее белое плечо, он останавливался и, не подходя ближе, принимался за какое-нибудь дело, большей частью ненужное,—выламывал палку и начинал точить новое древко для дротика, собирал смолу для жевания в трещинах дерева, раскапывал землю в погоне за большими черными пауками, которых анакские дети ненавидели и всегда тщательно выкапывали из земли и уничтожали.

Они, впрочем, не ссорились, но и не мирились, как следует. Разговаривали мало. Ронта больше не спрашивала о поездке. Она жила, как живет, изо дня в день. Спала на куче листьев под ветвистым осокорем, но Яррий больше не спал рядом с ней. Он садился у костра с копьём в руках, как сидят часовые на тропинке хищных зверей или на

красной стезе войны. Так сидя, он чутко дремал до утра, оберегая Ронту.

Лето перегнулось через середину и тихо покатилося на светлую осень. И Яррий видел кругом себя сладкий праздник любви и рождения. Все живое соединялось четами. Все торопилось жить, любить и наслаждаться, пока не настали сырость и холод. Он один проводил свои дни уныло и бесцельно. Иногда в знойный полдень, когда птицы щебетали над его головой и гонялись друг за другом, он чувствовал, что пьянеет от этого солнца и щебета, как будто от Хума. Глаза его беспокойно бегали кругом и находили подругу, ноги его подходили сами, и руки тянулись к Ронте. Она смотрела на него с удивлением и тревогой. Была она худенькая, как мальчик, и тонкая, как трость. С каждым днем как будто становилась не старше, а моложе, и возвращалась обратно от пышной осени к незрелой весне.

— Чего ты хочешь? — спрашивала она невинно. И он ничего не отвечал и уходил обратно.

Лебеди и гуси вывели птенцов и учили их плавать. Птица Бульбуль ловила мошек для своих голодных детей. В лисьих норах были маленькие лисенята. В полдень они выползали из устья наружу и щурили свои плохо прорезанные глаза на яркое солнце, потом уползали обратно. Олени и быки, и козы, и степные антилопы соединялись только теперь. Они были похожи на Анаков, ибо их жены носили детей долго и рождали их весной вместе с анакскими женами. Яррий видел, как молодые красношерстные олени, которые живут в лесах и не собираются стадами, стучат рогами о древесные стволы, вызывая друг друга на битву, совсем как Мар и Несс, и темношерстная самка стоит в стороне, ожидая развязки, и делает вид, что щиплет траву и украдкой посматривает на битву.

И при этом зрелище у Яррия напрягались руки и сжимались кулаки. Он свирепо поводил глазами и отыскивал соперника, но соперника не было. Победенный олень, весь в крови, с разбитой головой, убегал с храпом. И победитель, гордо потрясая ветвистыми рогами, подходил к завоеванной добыче.

Яррий отыскивал глазами свою подругу. Ее белые плечи мелькали вдаль, но она плела венки из поздних цветов и зеленых трав и не смотрела на него. В один вечер они

сидели у костра на берегу реки. Солнце садилось. За рыбным ручьем тихо гоготали гуси, спускаясь на ночлег. Яррий был особенно печален. Ронта посмотрела на него и увидела, что его щеки поблекли и под глазами набежали синие круги от малосонных ночей.

— Что мучит тебя? — спросила она тихо.

Яррий не отвечал.

— Я сделаю все, что ты хочешь, — сказала Ронта, опустив голову.

Яррий неожиданно вскочил, топнул ногой и бешено крикнул: «Ялама!»...

Но на другой день с утра он не отходил от подруги. Ронта пошла в поле, он пошел вслед за ней. Они вошли в лес и дошли до поляны. Круглая была поляна, озаренная солнцем, заросшая травой, как будто озеро. Тихо было в лесу, даже птицы не щебетали. И в этой тишине перед их глазами явилось лесное чудо, одно из тех зрелищ, которые нужно наблюдать, не шевелясь и с затаенным дыханием. Выскочили две кабарги, самец и самка. Они были маленькие, с большими клыками и стройными ножками. И пахло от них брачным мускусом, пьяным и крепким. Они стали бегать по поляне и гоняться друг за другом. Они бросались одна к другой и слегка кусались, потом поднимались на задние ноги и клали передние копытца друг другу на плечи, как будто боролись и вместе обнимались.

— Ты видишь, Ронта? — сказал Яррий без слов, одними глазами.

— Вижу, — шепнула Ронта — Они справляют осенний обряд.

Кабарги как будто услышали и кинулись в сторону, и обе исчезли в чаще.

— Слушай, Ронта, — сказал Яррий. — Если ты хочешь, мы тоже справим осенний обряд.

— Как мы справим? — спросила Ронта неуверенно.

— Сделаем солнце осеннее, — сказал Яррий, — и заставим петь огниво. Ты будешь, как жены, а я, как мужи. В синей крови ягод найдем свой Хум. И спляшем брачную пляску и будем — племя.

— Хорошо, — сказала Ронта. Лицо ее оживилось, и глаза смотрели на юношу с прежней простой и детской радостью.

— Я косы заплету, — сказала она, — и надену венок. Мы будем плясать, и будет весело.

Они не стали медлить и в тот же день принялись за работу.

Они сделали огниво по смутным описаниям, которые все-таки передавались между детьми. Яррию было много хлопот, чтобы вырубить своим кремневым топором и выжечь огнем деревянную ступу и пест. Ронта сплела соломенное солнце, и они укрепили его высоко на спице.

Она надавила сладкого сока из синих гроздьев и приготовила еду.

Яррий собрал свою русую гриву султаном, раскрасил свое тело, взял оружие, повесил на плечо шкуру дикого козла которую ему дали Гррамы, — другого брачного дара у него не было, — и ушел в лес. Через минуту он явился и мерным шагом прошел на площадку у брачного огнива.

— Игой! — радостно окликнул он.

— Игой! — ответила Ронта звонким голосом.

Он посмотрел на нее влюбленными глазами. Она омылась в реке, заплела свои светлые косы и положила на голову венок, сплетенный из колосьев дикого овса и мелких голубых цветочков. Круглых синих чаш любви она не нашла на этих лугах. Вся она была белая и свежая, как ручей или как молодая березка с еще не затвердевшим стволом. Яррию вдруг захотелось бросить все и схватить ее, и унести в лес, и вобрать ее всю в себя, чтобы она растворилась в нем, и чтобы даже красное око Солнца больше не могло смотреть на ее красоту.

Он удержал этот порыв, но чувства его искали выхода. И, не снимая оружия, он стукнул копьем о землю и откинул голову, и вместо брачного хора запел песню, как певали анакские юноши в предбрачное время.

— Красная ягода Ронта, — пел Яррий, — белая рыбка, солнечный луч, заря розолицая, синяя чаша любви.

Ликуя, он осыпал ее всеми ласковыми именами, какие приходили ему в голову. Он бросил ей под ноги свой брачный дар. Сердце свое он был готов вырвать из груди и бросить ей под ноги.

Ронта слушала, улыбаясь, лукаво склонив набок голову. В эту минуту ребенок готов был сделаться женщиной, и поздний синий цветок осени готов был, наконец, развернуть свои лепестки и обнажить середину.

— Ронту возьму, — громко выкрикивал Яррий. — Не дам никому! Ронта моя!..

— Выходи, — крикнул он изо всей мочи, и в близнем лесу отдалось эхо, как будто духи, услужливые и коварные, спешили передать его вызов дальше и привлечь поединщика.

И, словно в ответ на этот вызов, из лесу выскочил человек и побежал по тропинке, направляясь к ним. Он был странный и страшный. У него была смуглая кожа, черная грива и косматая грудь, почти такая же, как у Гррамов. На нем не было ни пояса, ни дорожного мешка, и в руках у него не было никакого оружия. Но ногти на его пальцах были короткие, твердые, как будто кремневые.

Не доходя до брачной площадки, он остановился и горящими глазами посмотрел сперва на Ронту, потом на Яррия. Яррий узнал «Полевого Бродягу». В племени Анаков и также у Селонов, и у Тосков бывали такие неуживчивые люди, которые, достигнув зрелых лет, бросали товарищей и уходили в поле, чтобы жить в одиночестве. Они скоро дичали, теряли копье и палицу и жили, охотясь на кроликов и ланей руками и зубами, как медведи. Анаки называли их Бродягами и относились к ним без гнева. Они иногда попадались анакским охотникам в лесах, но никого не трогали. И Анаки их не трогали. Было поверье, что если кто ранит Бродягу, тот до окончания года получит такую же рану от мстящего духа. Ибо духи, как люди, имели таких же Бродяг, и эти заступались за своих людских товарищей. Таких же свирепых самцов-бродяг имели все крупные звери — кабаны и олени, волки и мамонты.

Из Анакского племени последний Бродяга ушел много лет тому назад, когда Яррий был еще ребенком. Яррий не помнил его лица и не мог бы сказать, он это или не он. Они отделились на много дней пути от Анакских охотничьих полей, но Бродяги блуждали повсюду, не считаясь с границами племен. Этот Бродяга был не молод, но очень крепок. В его волосах не было мертвых шерстинок зимнего цвета. Кожа на его плечах и руках была смуглая и твердая, как рог.

Бродяга отвернулся от Яррия и снова посмотрел на Ронту.

— Ж-жа, — вырвалось из его груди с резким вздохом, как будто из полного меха с Хумом, как только его от-

кроют. Все члены его тела пришли в возбуждение. Не теряя времени, он обежал брачное огниво с наружной стороны и бросился на Ронту.

— Ай,—крикнула Ронта в ужасе и отскочила в сторону. Яррий с копьем в руках бросился на защиту и заслонил дорогу пришельцу. Ронта отбежала еще и встала у дерева, готовая каждую минуту сорваться прочь и мчаться, как испуганная лань.

Брачный обряд неожиданно дополнился. Это были два соперника, которые должны были вести борьбу за обладание женщиной.

Бродяга тоже понял это. Он остановился перед Яррием в двух шагах от наконечника его копья, посмотрел ему в лицо, потом заскрежетал зубами и ударил себя кулаком в грудь.

Тогда Яррий вспомнил, что брачные бои Анаков ведутся без копий и палиц. Недолго думая, он отбросил в сторону оружие и встал в такую же позу, как дикий Бродяга. И также заскрежетал зубами и ударил себя кулаком в грудь. Руки у него были безволосые, но такие же крепкие, как у нападавшего. Зубы и челюсти были слабее, чем у звероподобного Бродяги. В его голове, как молния, сверкнула мысль: надо бороться так же, как Илл Бородатый боролся с медведем. Ибо за два года перед тем Илл Красный Бык покрыл себе спину куском конской шкуры и вышел на поиски медведя с ножом в руках. Он охватил медведя своими могучими руками и подпер ему подбородок своей квадратной головой. Потом нащупал нужное место, ткнул медведя ножом под левую лопатку и угодил прямо в сердце.

Притопывая и приплясывая, боком, буйно и вместе осторожно, они стали сближаться. И походили на турухтанов, когда они собираются в пляске брачного боя вонзить друг другу в тело свои острые шпоры. И вдруг бросились друг на друга и схватились и сплелись вместе. Яррий нагнул голову вперед, зарыл ее под густую бороду Бродяги и крепко подпер его толстую челюсть. Потом обхватил его спину руками и сжал, что было мочи. Бродяга пошатнулся от напора. Руки его легли на спину Яррия, но она не была покрыта крепкой кожей коня. И десять когтей впились в его незащищенное тело и разодрали его влево и вправо, как когти тигра разрывают спину оленя.

Он крикнул от боли не своим голосом. Ронта ответила жалобным криком. Сила его как будто удесятилась от этого крика. Он просунул правую ногу между узловатых ног Бродяги, рванул его в сторону и ударил его о землю, и сам тоже упал, увлекаемый собственным натиском.

Падая, Бродяга ударился с размаха спиной и головой о крепкий обрубок древесного пня, короткий и рогатый, который остался от брачного огнива и валялся тут же. Руки Бродяги разжались, и глаза закатились. Он захрипел и стал бить ногами о землю, как заколотый олень. Потом изо рта его хлынула струя крови и залила Яррию грудь и лицо.

Через минуту Яррий поднялся с места. Он тоже был ошеломлен падением, но теперь он был победитель. Голова его кружилась от напряжения борьбы. Он дико посмотрел кругом и увидел Ронту. Она стояла под деревом и дрожала, как в лихорадке. Белая она была, чистая, как будто пугливая снеговика, русалка зимнего леса, которая прячется в дуплах и вылетает в вихре снежном, при первом звонком ударе кремневого топора о мерзлое дерево.

Глаза его не осмыслились, но зажглись другим инстинктом и налились кровью, как у поверженного Бродяги.

Он сделал шаг вперед и стал медленно приближаться к Ронте. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, как смотрят на призрак. Он был страшен. Брачные краски его тела наполовину стерлись и смешались с алыми знаками свежих ран. Его растрепанный султан был красен от крови противника. Члены его напряглись звериным брачным желанием.

— Ж-жа! — вырвалось у него таким же звуком, как у недавнего соперника. Он подходил, не торопясь. Ронта не убежала, но она протянула вперед тонкие отстраняющие руки.

Он обхватил ее плечи и прижал ее к себе. Они стали бороться точно так же, как недавно боролись он и Бродяга. И так же он просунул предательскую ногу и повалил Ронту навзничь и упал на нее, но она взвизгнула, как раненая белка, и изо всей силы укусила его в грудь своими острыми зубами.

Миг, и она выскользнула и была на ногах. Яррий тоже вскочил и хотел броситься к ней. Она не стала убегать. Она смело обернулась к нему. Глаза ее горели, большие, ненавидящие.

— Прочь, — сказала она ему, — гадина!..

Черное проклятие Иссы владело ею. Она смотрела на Яррия, и он казался ей похожим на Красного Илли а вместе с тем на убитого врага. Яррий молчал.

— Бродяга, изгнанник! — крикнула Ронта вне себя от возбуждения. — Я уйду, я — к племени.

— Иди! — сказал Яррий бешено. — Они зарежут тебя. Это были его первые слова после борьбы с Бродягой. Но он не сделал новой попытки броситься на девушку.

— Пусть режут, — сказала Ронта, — я поцелую нож, который ударит меня в сердце. К племени, к племени!..

Она повернулась и пустилась бежать вдоль берега Даданы.

Яррий сделал шаг вперед, как бы собираясь пуститься вдогонку. Но она повернула лицо и бросила уже на бегу:

— Прочь, необрезанная тварь!..

И эти слова ударили его в лицо, как древко копья. Он, впрочем, ничего не сказал, только пожал плечами, подобрал копье и спустился к реке. Раны его болели. Он машинально обмыл их холодной водой, но лица не обмыл. Потом сел тут же на большой камень, опустил голову и стал смотреть в воду. Вода сперва мутилась, потом стала чище и светлее. Он увидел под собою в воде человеческое лицо. Оно было страшное, с дикими глазами, в кровавых пятнах. Он не узнал этого лица, и так же, как Ронте, ему показалось, что это лицо недавно убитого Бродяги. И как недавно, перед поединком, он смотрел на Бродягу, и Бродяга смотрел на него.

— Чего ты смотришь? — спросил он, наконец, не будучи в силах выдерживать этого горящего взгляда.

Лицо Бродяги в воде тоже зашевелило губами, и ему послышалось из воды тихое: — Встань!

Он послушно встал, но продолжал смотреть вниз, в воду.

Бродяга тоже встал.

— Ну? — спросил Яррий равнодушным тоном. Он ожидал услышать новое приказание. Но ему было все равно, что делать сейчас.

— Иди, — сказал Бродяга.

— Куда?

— Иди, иди, — настаивал призрак и кивал головой.

Рябь побежала по воде, и призрак исчез, потом опять появился. Но в это короткое мгновение он успел изме-

ниться. Лицо у него стало другое и покрылось лоснящейся шерстью коричневого цвета. Над головой стояли ветвистые рога. Это была теперь голова оленя. Яррий узнал его. Это был тот самый олень, с которым он сражался на весенней охоте за белую телку.

— Иди, — сказал олень, потрясая рогами. Вода запенилась. Это была кровавая пена. Тело оленя тоже как будто покрылось кровавою пленкой. И Яррий узнал его снова. Как и тогда на реке, это был Ободранный Олень. Он был весь красный. Только сверкали белки сердитых глаз, большие, дикие.

— Иди — сказал олень.

— Куда? — спросил Яррий с каменным равнодушием.

— Ищи ее, — сказал олень.

— Кого? — спросил Яррий прежним тоном.

— Белую телку, — сказал олень.

— Зачем?

— Они зарежут ее, — сказал олень. — В замену, в замену!..

Он неожиданно рванулся и прыгнул вверх всеми четырьмя ногами, как будто хотел выпрыгнуть из воды наружу. Яррий вспомнил этот отчаянный прыжок. Он кивнул оленю головой. Ему казалось, что этот олень такой же воин и Анак, как он сам. И лицо его было похоже на лицо Яррия.

— Я пойду, — сказал Яррий.

Он встал с места, поднялся наверх, методически собрал свои вещи и приготовился в путь. Потом бросил беглый взгляд на брачное огниво. Оно стояло нетронутое и молча просило брачного огня.

Он взял головню из костра и поднес к соломенному солнцу. Оно закурилось и вспыхнуло. Горсть сухого пепла упала вниз на голову огнива. Яррий сурово посмотрел на этот серый пепел, в котором еще пробегали последние золотые искры. Потом нагнулся, дунул и раздул пепел по ветру.

Он повернулся к реке и легким шагом пошел вдоль берега по той же дороге, по которой убежала Ронта.

IX.

Много дней продолжался праздник осеннего солнца. Молодой месяц вынес на небеса свои тонкие рога, и с каждым вечером он становился старше, и рога его

становились толще. Потом он повернул к земле свое широкое лицо. Но Анаки не смотрели на него. Они смотрели друг на друга и засыпали, обнявшись. Утром они просыпались и смотрели на солнце. Оно улыбалось в ответ, не уставало смотреть на брачное игрище и не покрывалось туманом. Не уставали и Анаки.

Но в одно утро, проснувшись, они увидели с левой стороны дневное лицо месяца. Он смотрел на них холодными и скучными глазами, как будто с того света, уныло и загадочно и вместе насмешливо. И они разомкнули объятия и посмотрели друг на друга такими же холодными глазами, и все лица были бледны, как лицо месяца.

— Уйти бы, — думали мужчины и мечтали о весне, когда охотники ходят отдельно от женской орды, свободные, как птицы. Теперь надо было идти на зимние квартиры вместе с женщинами и детьми.

Брачный и небрачный лагерь соединились вместе и уже на другой день тронулись в путь. Женщины понесли на плечах грудных детей и мешки со скарбом. Мужчины надели плащи и собрали оружие. Молодые охотники рыскали кругом в поисках добычи и приходили только к вечеру на новую стоянку. Праздничный месяц съел все запасы, и, как обыкновенно, охотникам предстояла холодная и скудная зима.

Мужчины постарше помогали женщинам. Юн Черный посадил себе на плечи своего быстроглазого Мышонка и неумоимо шагал вперед. Юн ничего не говорил и как будто даже не замечал своей ноши. Но она грела его шею, как меховое ожерелье, и он радостно думал, что это тепло будет согревать его тело в долгую зимнюю стужу. Мальчику было весело. Он громко смеялся, болтал ножками и хватался руками за черную гриву отца.

Зимняя стоянка Анаков лежала в грядках Кенайских, на три дня пути от брачных полей. Эти гряды тянулись белыми террасами, и в террасах были пещеры, глубокие и ветвистые, когда-то прорытые водой и потом обсохшие. В этих пещерах жили зимою Анаки. Они занимали большую пещеру на средней террасе, ставили два шалаша, один у левой стены, другой у правой. Шалаши были сплетены из ивовых прутьев и покрыты сухой травой. Они походили по форме на сундуки, узкие и низкие и очень длинные. В этих шалашах на грудках листьев, покрытых шкурами,

спали Анаки. Они согревали свое помещение теплотой собственного тела, и им было хорошо спать. Женская орда спала в левом шалаше, а мужская в правом. В промежутке между шалашами разводились костры.

Обе половины племени жили вместе и все же отдельно. Их чувства спали, усыпленные осенним холодом. Они думали о пище, а не о любви. Кенайские холмы имели еще другое преимущество. Кроме Анаков, в осеннее время сюда приходили также Мамонты Сса, привлекаемые полями зеленого хвоща, который был для них лакомым кормом. Хвощ был тоненький и рос не очень густо, но именно на этом хвоще быстро отъедались и жирели эти чудовищные звери. В осеннее время Анаки занимались охотой на Мамонтов Сса. Правда, почтение их к Помощнику Отца было сильно, но голод был еще сильнее и не хотел считаться даже с богами.

Охота на Мамонтов сопровождалась различными церемониями и очистительными обрядами перед страшной жертвой. Кроме того, племя имело право убить только одного Мамонта. Потом следовало немедленно устроить искупительный праздник и принести очистительную жертву духу и телу Сса. Анаки могли уловить огромного зверя только одним способом. Их копыта и палицы были мало действительны для его непроницаемой шкуры. Но Мамонты ходили к водопою на речку Урулд, протекавшую мимо пещеры. Их тропы были глубоко вытоптаны в земле тяжеловесными ступнями. Они походили скорее на русло сухого ручья, чем на звериную тропу. На этих тропах Анаки копали глубокие ямы-ловушки. Они приходили всем племенем с женами и детьми, осторожно снимали дерн и верхние глыбы земли и в один день вырывали огромную воронку с остроконечным дном. В этом дне они укрепляли прямой древесный ствол с острым концом, обожженным в огне. Потом закрывали яму хворостом, закладывали дерном и укладывали землю на тропе в прежнюю выемку. Мамонты не отличались особой осторожностью. Сса был царь земли, и ему некого было опасаться.

Он один из всех зверей еще не научился бояться человека.

Часто в ту же ночь Зверь-Гора извещал трубным звуком окрестные поля, что он в яме. Анаки приходили только утром и с большой осторожностью. Другие Мамонты

часто по целым суткам сторожили у ловушки и пытались вытащить товарища своими крепкими хоботами. Но потом они уходили и не возвращались обратно. Они больше не приходили к этой тропе и выбирали себе новый водопой, пониже или повыше. И в ту же ловушку нельзя было поймать двух Мамонтов под ряд. Впрочем, после удачной охоты Анаки тотчас же раскрывали яму и наполовину заваливали ее землей, чтобы показать Мамонтам, что они не причастны к их беде.

Зверь-Гора был в яме. Он засел в ней плотно всеми четырьмя ногами. И страшный кол пробил ему брюхо и высунул сквозь спину свое обугленное рыло. Теперь оно было уже не черное, а красное от крови. Чем дальше, тем Мамонт садился глубже, и кол выходил наружу, как огромный деревянный гвоздь, как будто кто-то забивал его снизу. Страшный могучий Зверь Гора не мог пошевелиться. Яма стиснула его своей тупой пастью и как будто силилась проглотить его целиком. Только огромный хобот, весь в круглых кожистых кольцах, был свободен. Зверь-Гора поднимал его вверх, и, несмотря на глубину ямы, хобот пленника доставал до краев. Мамонт судорожно водил хоботом взад и вперед, разыскивая, за что бы ухватиться, но ухватиться было не за что.

Племя Анаков было наверху, кругом ямы. Здесь были все—мужчины, женщины, дети, кроме грудных младенцев; даже неугомонные мальчишки Антек и Лиас, сыновья Майры, пришли сюда вслед за другими. Зверя Сса не мог победить отдельный охотник, его побеждало племя. Братья Румы, конечно, не оставались позади. Карлик-шакал теперь был гладок, и шерсть его лоснилась. Он смело бегал среди людей, таякал и бросался к яме. Он, очевидно, тоже желал принять участие в этой великой охоте.

Женщины в этой охоте были важнее мужчин, ибо победу над Сса давала не грубая сила, а сложное волшебство. Это волшебство было доступно только женщинам. Оно побеждало Сса и потом отстраняло его посмертную месть.

Мужчины, женщины и дети держались за руки и вели кругом ямы огромный хоровод. Старая Лото шла во главе хоровода. У нее был на голове меховой шлык странной формы. Спереди свешивалась длинная узкая полоска. Этот шлык представлял голову Мамонта с длинным хоботом. Лото изображала тетку Мамонта, Дантру, которая обы-

кновенно жила в неведомых глубинах земли, но ныне явилась самолично, в помощь Анакам, заклинать племянника. Исса шла рядом с Лото. Она была запевалой хоровода.

Лото держала в руках два камня, ибо у Дантры были каменные копыта. Она сильно ударила одним камнем о другой.

— Дантра стучит, — запели громко Анаки.

— Дедушка Сса, — затащила Исса своим дребезжащим голосом: — Дантра, — тетка твоя, а наша прабабушка, велит говорить тебе: «Не пугай нас, умри!»

— Умри! — подхватили оглушительным хором Анаки. — Умри, умри!..

И как бы в ответ Зверь-Гора вытянул вверх беспокойный кончик своего трубчатого носа и пустил к небу высокий, долгий, пронзительный рев или вой: Хрнхр...

Сса ревел. И все Анаки ревностно вторили, тонкие детские голоса взвивались к небесам, и тоньше всех поднимался вой четвероногого Рума, плаксивый и вместе ликующий. Это был как будто истинный голос этого лицемерного хора почтительных убийц.

Рев Мамонта оборвался так же внезапно, как начался; беспокойный кончик его хобота снова забегал по краю ямы.

Теперь Анаки пришли в возбуждение. Лото стучала камнями. Исса шла перед нею и пела:

Стучи, стучи!

Ворон кричит, сухое дерево трещит.

Дантра, стучи!

Носатый ликует, добычу предчувствует.

— Умри! — кричали ребяташки и топали ногами.

Неугомонный Лиас выбился из хоровода наружу, потом обежал кругом и проскочил обратно между Лото и Иссой. Теперь он был внутри хоровода. Он еще раз обежал кругом, размахивая рученками и визжа от восторга. И вдруг кончик хобота как будто раздвинулся, стал тонкий и длинный и вытянулся наружу. Так тянется червяк, выходя из земли и желая ухватиться за далеко стоящую былинку. Лиас с криком отскочил назад, но было уже поздно. Короткий серый палец хобота поймал его за руку. Потом вокруг его тела скользнула как будто серая веревка или змея. Мальчик крикнул и тотчас же мелькнул в воздухе и исчез в яме. Послышался глухой

удар, и крик оборвался. Все это случилось в одно мгновение. Хоровод ревел попрежнему: «Умри!» Но в общем реве прорезался дикий крик Майры, матери Лиаса: «Нетронь»!

Это относилось не к пленному зверю, а к Иссе. Мальчик, в своей неудачной попытке спастись, отскочил к колдунье, и она протянула руки, чтобы схватить его. Но матери показалось, что колдунья толкнула его обратно к яме.

Майра сделала попытку выскочить из цепи хоровода и броситься в яму, но соседи крепко держали ее за руки. Хоровод мчался вперед по своей круговой стезе и увлекал ее за собою. Но теперь Анаки кричали: «Возьми, возьми!»

Легкая человеческая жертва пленному зверю была прекрасным предзнаменованием, особенно так, как это случилось,—невзначай. И больше всего для этого годился один из близнецов Майры Глиняной.

— Дьявол дал, дьявол взял,—подумали Анаки.

Они приносили человеческие жертвы редко, только в случаях крайних бедствий. Но дух Зверя-Горы, который погибал в яме, конечно, нуждался в примирении. Сса, Помощник Творца, требовал в свою очередь человеческого помощника и провожатого в тот таинственный путь, который ему предстояло совершить после смерти.

Праздник воскресения зверей должен был совершиться тотчас же после разборки Мамонта. По счету Анаков, этим праздником заканчивалась осень и начиналась зима, сырая и холодная. Четыре времени года у Анаков были отмечены как будто четырем векам. Весна называлась «бродячее время», ибо она начиналась уходом с зимних стоянок. Мужской и женский лагеря разбивались врозь и медленно шли вперед на расстоянии дня пути, направляясь к реке Дадане и охотничьим полям. Лето называлось «время встречи», ибо оно начиналось после оленьей охоты и оканчивалось встречей с женами, праздником брака и осеннего солнца. Осень называлась «время воскресения зверей», ибо она заканчивалась этим праздником. Зима называлась кратко и выразительно: «время смертей».

Зверь-Гора, очевидно, вполне удовлетворился полученной жертвой, ибо тотчас же после того он замолк и больше не подавал признаков жизни. К вечеру женщины, наконец, осмелились спуститься в яму. Сса был мертв.

Но разбирать на части эту огромную тушу в узкой яме было очень трудным делом. Кожа Сса была толстая и крепкая, как дерево. Чтобы сделать хоть что-нибудь, нужно было прежде всего окопать и убрать землю кругом трупа, потом подобраться к животу и подмышкам, где кожа была мягче.

Три долгих дня целое племя кромсало огромную тушу большими кремнями и вытаскивало ее наружу кусок за куском. Потом кожу удалось раздвоить и раздвинуть в стороны, как два огромных щита. Женщины добрались до связок и сухожилий и стали с несравненным искусством отделять член от члена и сустав от сустава.

Тело Лиаса отыскалось в земляной стенке ямы. Огромный зверь в своих предсмертных конвульсиях затолкал мальчика внутрь земли. Но члены маленького тела не были повреждены. Только шея была надломлена, и русая головка неестественно повисла, как сломанный цветок. Старухи очистили от земли, обмыли тело и положили его на шкуре у большого костра внутри пещеры. Оно должно было лежать здесь, как главная жертва Мамонту Сса во время праздника.

В половине четвертого дня, когда работы у ямы кончились, молодежь разбрелась по окрестным полям. Нужно было набрать травы Сонт для завтрашнего праздника. Это была высокая, тонкая, шелковистая трава. Она росла капризно, островками и клочками, больше всего по низинкам и по мокрым долочкам. И ее трудно было находить на этих сухих известковых грядках в такое позднее осеннее время. Но без травы Сонт нельзя было устроить праздника. Она употреблялась на новые шубы для воскресающих зверей.

Мальчики и девочки сошли к речке Урулд и пошли вниз по течению. Другие перебрались через речку и пошли наперерез луга.

Дило тоже ушел вслед за другими. Но вместо того, чтобы спуститься вниз, он пошел по высокой белой террасе, потом повернул на запад и углубился в горы. В сущности, это были не горы, а только холмы, но довольно крутые, часто почти отвесные. Как будто кто-то взрезал твердую землю прямыми складками и отвернул пласты, а местами разрубил поперек, как женщины рубят широким ножом длинную ленту коры или хребтового мяса.

Дило шел вперед неслышно и неторопливо, пересекая складки гряд; ловко взбирался наверх, проходил по ярам и ущельям, перебрался через ручьи. Он мало думал о траве Сонт. Вместо того он рассматривал камешки в ручьях и розсыпах и иные прятал в свой поясной мешок, ибо на этот раз Горбун захватил с собою не только мешок, но даже дротик. В одном месте он нашел пластинку, прозрачную, как лед, и твердую, как лучший кремнь. У нее были грани, как у зеленого стручка. Анаки называли такие пластинки ледяными стручками. Он завернул ее в вялые листья и спрятал особо. В другом месте он отыскал несколько каменных зерен неправильной формы и ярко-синего цвета и засмеялся от удовольствия.

Из этих зерен посредством кремневого сверла, песку и воды он собирался высверлить синие бусы для нового ожерелья. Этим ожерельем он хотел украсить собственную шею в знак совершеннолетия. Ибо он чувствовал себя совершеннолетним, хотя и не прошел сквозь обряд посвящения и не толкал брачного колеса своей искривленной грудью. Он выглядел теперь много старше и крепче. Щеки его осыпались пухом, редким, но довольно грубым; плечи стали шире, а руки вытянулись и завязались крепкими мускулами. Теперь Дило Лягушенок не стал бы просить, чтобы его приняли в девченки. Он чувствовал себя мужчиной и даже охотником. Именно поэтому он захватил с собою короткий дротик, который достался ему в наследство от Яррия. Впрочем, это был дротик его собственной работы, ибо в минувшие годы его любимой забавой было чинить и выделывать оружие для своего удачливого друга.

Но теперь он думал о собственной добыче. Он шел вперед осторожно и неслышно и зорко посматривал по сторонам, не увидит ли козы, или молодого оленя, или мелкой свиньи, какие водились в низких лесах по этим ущельям.

Когда он перерезал четвертое ущелье, прошел через лес и взобрался на северный склон, который чаще всего оставался открытым, он увидел дичь крупнее, чем рассчитывал. Это были Буа, бородатые быки, крупные, с большими, широко расставленными рогами. В открытом поле даже медведи и тигры боялись нападать на Буа. Он мог подкинуть противника вверх своим широким квадратным лбом не хуже, чем Сса. Анаки ставили на Буа

петли из крепкого ремня на лесных тропинках. Но старые быки часто разрывали самую крепкую петлю или ломали дерево, к которому она была привязана.

Конечно, Дило не мог и думать о том, чтобы напасть на этих огромных зверей. Их было четыре — старый бык, две коровы и один небольшой теленок. Он посмотрел на теленка и покачал головой. Без больших это была бы подходящая добыча.

И, будто на пуший соблазн новоиспеченному охотнику, теленок стал отдаляться от больших Буа. Он отыскал полоску рыхлого камня, грязнобелую, зернистую, похожую на грязный снег. Нагнув голову к земле, теленок усердно лизал этот рассыпчатый камень.

Дило знал этот камень. Анаки называли его горьким камнем. Через много веков потомки назвали его солью. Женщины иногда собирали его в летнее время, превращали в песок и примешивали к тухлому мясу и испорченной рыбе, но мужчины не любили его. Они говорили, что вкус его напоминает пепел.

Дило посмотрел кругом и увидел небольшую пластинку того же камня почти у себя под рукой. Он отломил кусочек и почти машинально сунул его в рот, но тотчас же с отвращением выплюнул. Густая горечь проникла как будто внутрь его неба.

«Точно желчь», подумал он с отвращением.

Теленок еще подвинулся вперед. Дило посмотрел ему вслед и увидел, что с этого места ущелье становится круче и поднимается вверх. По сторонам его были отвесные дикие скалы. И в глубине выступал массивный навес из серого камня. Под навесом темнело полуприкрытое сверху, широкое устье подземного хода, как будто провал.

Дило узнал это место.

«Это Кандарское устье», подумал он.

Кандарским устьем открывалась целая сеть пещер и подземных проходов. Иные из них выходили по ту сторону гряды, к верховьям речки Урулд. Другие спускались в глубь земли, неведомо куда.

«Там бы засесть», подумал Дило, провожая глазами теленка.

В эту минуту в осыпях серого камня, на полуподъеме к Кандарскому входу, Дило заметил камешек — огненно-

алый и круглый. Камень этот сверкал и как будто разгорался ярким и странным светом.

Глаза у Дило тоже разгорелись.

«Это на среднюю подвеску»,—подумал он. «Ни у кого не будет такого ожерелья».

Он стал переползать к новой находке, вслед за теленком, очень осторожно, чтобы не увидели большие, и почти тотчас же увидел другой камень, рядом с первым, не больше, как на пядь. И этот был такой же яркий, багровый, струящийся. Дило даже не по себе стало. Камни сверкали, как угли, и как будто бросали искры. Они смотрели на него, как страшные глаза.

Теленок был гораздо ближе к этим светящимся камням. Он вел себя странно. Он перестал лизать свой горький песок. Тело его трепетало. Он промышал чуть слышно, как будто простонал, и сделал шаг вперед.

И вдруг Горбуну показалось, что спина ущелья встает дыбом перед его глазами. Камни полетели во все стороны.

«Земля сердится», подумал Дило в страхе.

Старые женщины говорили, что бывает время, когда земля сердится и поднимает спину дыбом, швыряет камнями во все стороны, и даже горы плюются пламенем. Тогда убежать невозможно, ибо твердые ребра земли ходят под ногами, как волны. До сих пор Дило этому не очень верил, но теперь это начиналось воочию.

Однако, под его ногами земля была спокойна. Но ущелье окончательно встало, выгнулось и приняло форму огромного зверя. Дило смотрел на него с остолбенением. Он никогда не видел такого зверя и даже не слышал о нем. Зверь был так велик, что наполнил собою ущелье. Сса, Зверь-Гора, перед ним был, как новорожденный младенец. У него были низкие лапы и грузное тело. Оно становилось тоньше кзади и переходило в огромный хвост. Хвост этот был похож на древесный корень. И кончик его был тонкий и как будто уходил в груды серых камней. И цвет зверя был такой же грязно-серый, как будто каменный. На спине его были широкие, смутно очерченные пятна, как отпечатки плит.

«Каменный зверь», подумал Дило с трепетом. Шея у зверя была длинная, голова плоская, и по этому телу не очень большая. Он припал на своих крепких лапах и протянул шею вперед и мерно поворачивал голову: влево

и вправо, влево и вправо. Алые камни были его глаза. Они сверкали и струили багровые лучи, и поворачивались мерно: влево и вправо. Тело зверя не шевелилось, но голова и глаза как будто плясали.

«Колдует, должно быть», подумал Дило, и сердце его замерло.

И, привлекаемый странными чарами этих пляшущих глаз, теленок сделал еще шаг вперед. Голова нагнулась. Страшные зубы впились в тело добычи. Голова Каменного Зверя схватила и подняла вверх молодого Буа, как серая куница хватает полевую мышь.

Теленок крикнул, как человек. И ему ответил яростный рев взрослых Буа внизу. Огромный бык шел впереди на подмогу питомцу стада. Он опустил голову к земле и выставил рога. И, по обычаю Буа, он останавливался по временам, тряс бородою, рыл землю копытами и грозно ревел для устрашения противника.

Страшный Каменный Зверь бросил теленка и сердито зашипел, как рассерженный змей, но только гораздо громче. Его алые глаза блеснули яростно. И когда Буа снова поднял голову и увидел этот блеск, ему, должно быть, стало страшно. Он перестал реветь и уже собирался повернуть обратно перед лицом рогатых жен своих, шедших сзади, как боевой резерв. Но в эту минуту Каменный Зверь оттолкнулся хвостом, отделился от своего места и скользнул вниз быстро, как обвал, но так не-слышно, как будто его огромное тело было сделано из облака.

Еще минута, и он схватил быка передними лапами и повалил его на землю, потом схватил его зубами за спину так же легко, как выдра хватается мясистого леща, мягко повернулся всем телом назад и быстро пополз обратно вверх по ущелью. У него были короткие лапы, но он двигался быстро и уверенно, и его огромный гибкий хвост был как будто пятая нога страшной силы и вместе руль для внезапных поворотов.

Еще через минуту он исчез под каменным навесом в устье Кандарского прохода. Другие Буа бежали в ужасе. Все это совершилось так быстро, что Дило опомниться не успел, как уже перед ним никого не было.

«Не приснилось ли мне?» подумал Дило. Но тело теленка, все в крови, лежало на камнях, где бросил его Зверь для новой добычи.

— Он вернется за ним, — подумал Дило. И при этой мысли ноги его развязались от оцепенения и сами повернули назад. И он помчался по камням не хуже Буа, спеша уйти от страшных глаз и убийственных зубов таинственного зверя.

Только на третьем перевале он остановился, задыхаясь. В бешеном беге у него подвернулась нога, и нужно было волей-неволей перевести дух. Он посмотрел осторожно кругом. Опасности не было видно. Зверь остался сзади, занятый своей добычей.

«Что же это за зверь?» подумал Дило в десятый раз «Быть может, это дьявол?».

Но до сих пор Дило не верил, что духи и дьяволы существуют отдельно от людей и зверей.

Однако, о таком звере не рассказывал ни один анакский охотник. Дило стал думать дальше и вспомнил рассказы о сказочных Реках. По рассказам, Реки были огромные звери, и люди вели против них истребительную войну. В одной сказке страшный Рек напал на целое племя и истребил всех людей, мужчин и женщин. В другой сказке, напротив, люди умертвили Река и бросили его тело около стойбища. И когда не хватило припасов зимою, люди взялись за тушу Река и стали срезать мясо с костей. Но каждую ночь кости снова обростали мясом, и туша принимала прежний вид. Всю зиму племя питалось неистощимым мясом Река, но весной пришла зараза и унесла всех. Река тоже не стало. Он исчез, отомщенный.

«Быть может, это тоже Рек», думал Дило. Но сказочные Реки описывались иначе. Они были с рогами на носу, с твердой остроzubчатой спиной, с чешуйчатой шеей. У многих были крылья из перепонки, как у летучих мышей.

Этот Рек был гладкий, серый, без рогов и без крыльев. Голова и шея у него были, как у гигантского змея, и когти длиннее, чем у льва, и хвост как целая ладья, и глаза, как угли из костра. Дило не знал, куда его причислить.

Горбун вернулся домой к вечеру, перед закатом солнца. День, впрочем, был облачный, и солнца не было. По небу ползли тяжелые серые тучи, похожие на чудовищ. Мальчик, однако, не думал о небе и о тучах. На нем не была лица, глаза его выкатывались из орбит. Он бежал по старой привычке своей на четвереньках, и дыхание его выходило со свистом от быстрого бега.

Мужчины и женщины побросали свою работу, вскочили с мест и бросились ему навстречу.

— Кто гонится? — кричали они с тревогой. Но он прокатился мимо, как испуганный заяц, вскочил в пещеру и забился в темный угол женского шалаша. Ему казалось, что под этой двойною кровлей, каменной и травяной, он будет более безопасен от страшного врага. Мужчины с недоумением смотрели в сторону его прихода, но там ничего не было видно. Женщины и дети столпились у входа пещеры и ждали, чтобы Горбун показался. Но Дило упрямо сидел в спальном шалаше.

— Дило! — наконец, окликнула его Аса-Без-Зуба, которая подошла сюда одною из первых.

— Я... — боязливо отозвался голос из темной глубины.

— Выходи, Дило!

— Я боюсь!..

— Никого нет. Выходи. Кто напугал тебя?

И Дило показался из спальни с лицом, несколько успокоенным, но очень усталым и глубоко несчастным.

— Кто напугал тебя?

— Зверь, — сказал Дило тихо.

— Какой зверь? — спрашивали Анаки наперебой. — Никакого зверя не видно.

— Может быть, Пестрый, — сказала Аса участливым тоном. Под этим именем Анаки подразумевали тигра. Но другие засмеялись. Трудно было предполагать, чтобы пестрый хищник дал уйти этой неловкой хромой добыче.

— Может быть, крыса, — сказала насмешливым тоном Элла Сорока, которая тоже была тут, впереди всех.

— Зверь, дьявол! — сказал, наконец, Дило.

— Какой дьявол? — переспросила Аса с недоумением.

— Дьявол, Рек...

— Ты расскажи, что ты видел, — терпеливо сказала Аса. — Какой он был из себя?

— Как гора, — сказал Дило.

Женщины смотрели на него с растущим изумлением.

— Зверь-Гора? — высказала Аса предположение. Она подумала о Мамонте. Дило покачал головой.

— Больше Зверя-Горы, больше утеса... Сдвинулся вниз, и камни посыпались.

— Обвал?.. — сказала Аса опять.

— Не обвал, — сказал Дило с раздражением. — Каменный Рек, живой каменный дьявол.

Мужчины тоже подошли.

— Что же он делал? — спросил Мар с любопытством.

— Ел. Вытянул шею и съел двух Буа. О, какие зубы! Я сам видел...

Он даже зажмурился, как будто отгоняя от себя страшное зрелище.

— А тебя вот не съел, — настаивала Элла попрежнему насмешливо.

— Если бы был Рек, — вмешалась Илеиль, — дышал бы огнем.

— Дышал огнем, — тотчас же откликнулся Дило. Он не стал спорить против этой новой подробности. Его собственное неверие исчезло без следа. И он готов был поверить во все сверхъестественное. Теперь ему действительно казалось, что страшный зверь дышал огнем.

Альф Быстроногий пожал плечами и сказал: — Гора... Дышит огнем... Приснилось ему...

Он полагал, что Дило заснул и видел во сне огнедышащую гору. На восток от Анакской земли была гора Музач, которая имела дыхание огня. И иногда, скитаясь в той стороне, охотники видели в ночные часы тусклое зарево над ее вершиной. Но в этой местности не было гор, дышащих пламенем.

— Я не спал, — угрюмо возразил Дило. — И совсем не гора. Зверь — как гора. Спина из плит. В глазах огонь и камень. Лапы и пасть. О, какая пасть! Схватил большого Буа, и кости хрястнули...

Альф посмотрел на него недоверчивым взглядом.

— Это не сказка? — спросил он подозрительно. — Ты мастер на сказки... Где это было?

И Дило отвернулся от него и еще угрюмее сказал: — Не знаю, отстань!..

Юн Черный, стоявший поодаль, слушал внимательно. Теперь он тоже подошел и спросил:

— А какое у него было лицо?

— Такое, каменное, — тотчас же ответил Дило.

— Белое?

— Да, серое. — Дило кивнул головой.

— Серебристое, мерцающее?

Мальчик кивнул головой с новой готовностью. Вопросы

Юна совпадали с настроением того дикого ущелья и голых камней, грязно белых, ало мерцающих, странных.

Юн немного помолчал и потом сказал:—Это Месяц.

Спанда тоже приблизился. Два колдуна стояли друг против друга с хмурыми лицами.

— Какой Месяц?—проворчал Спанда.—Я не понимаю.

— Лунный Дракон,—твердо сказал Юн.

Племя стояло и ждало разъяснения.

— Вы знаете,—сказал Юн:—что в темные дни, после ущерба, Месяц приходит на землю и становится Драконом.

— Что ты говоришь?—сказал с удивлением Спанда.— Месяц вон там, на месте своем.

И, будто в подтверждение, на горизонте разорвались тучи; вышла полная луна и белым глазом своим посмотрела на Анаков.

— Место его на земле и на небе,—сказал Юн упрямо.— Ходит, где хочет.

— Зачем бы ему приходить?—усомнился Спанда снова.

— Мы обещали ему жертву и удержали ее,—сказал Юн.— Затем, должно быть, пришел.

— Ты обещал,—сказал Спанда с ударением.

— За племя обещал,—жестко возразил Юн.—За весеннюю добычу.

Анаки молчали.

— Теперь надо отдать,—сказал Юн.—Завет переступили.

— Кого отдать?—сурово спросил Спанда.

— Белой телицы замену,—сказал Юн бесповоротно:— чтоб хуже не было.

— Меня отдайте,—вдруг крикнул Дило.—Я переступил завет.

— Молчи ты,—крикнула Аса с испугом. Если бы раскрылся их маленький грешок во время праздника, рассерженные Анаки могли бы побить их камнями по старому обычаю.

— Ты дешево стоишь,—сказал Юн,—если он сам не захотел взять.

— Постойте,—сказал Спанда.—Вот завтра мы пойдем и посмотрим, какой Дракон и чего он хочет.

— Завтра праздник,—заговорили Анаки.

— Ну после праздника,—сказал Спанда:—утром. С бубнами пойдем и с дарами. И спросим его. Если он там и хочет, пусть скажет... Мы дадим.

—Мы дадим,—угрюмо подтвердил Юн: чтоб хуже не было.

Праздник начался на другой день с рассветом. Женщины плотно завесили вход в пещеру и развели огонь. Своды пещеры наполнились дымом, пахучим и едким. В пещере было темно, и искры огня сверкали сквозь дымную завесу, как будто в сумраке ненастного вечера.

Около костра, на видном месте, устроили «гостей». Это были воскресающие звери. Первое место занимал Мамонт Сса. Он был представлен куском собственной шкуры, на которой лежали оба глаза, щепотка шерсти с подгрудка, частицы сердца и печени, крошки мозга, кусочки жира от почек. Мертвые глаза были круглые, матовые, с жилками пожелтевшей крови. Их повернули к огню зрачками, и дымное пламя слабо отразилось в их тусклом овале.

Рядом с глазами стояла фигурка Мамонта, сделанная из жертвенных трав, истолченных и смятых в тесто. Это была душа Мамонта,—вторая. съедобная. Анаки съели ее вместе с мясом и заменили фигурой. Главная душа, не съедобная, незримо витала тут же. Рядом с душою Мамонта лежало тело мальчика Лиаса. Перед Мамонтом на шкуре лежала новая одежда: два пучка травы, тщательно подобранной, былинки к былинке, и перевязанной корою, и отборная пища—сушеный жир, лесные яблоки, ягоды. Это были дары гостеприимства высокому гостю.

Женщины и мужчины доставали из сумок символы других зверей и раскладывали на шкурах: Олени были представлены куском нижней челюсти с мелкими, недоразвитыми резцами, лошади—желтым копытом, волки—шкурой с лапы, медведи—черным отрезком кожи от носа. Здесь были также уши зайцев, крылья лебедей и гусей, кости крупных рыб. И хотя от каждой добычи была взята только небольшая частица, все вместе составляло значительную тяжесть. Анаки переносили ее на своих плечах вместе со своим несложным скарбом. Весь этот сбор нужно было непременно принести на Праздник Воскресения Зверей, ибо без этого звериная порода должна была иссякнуть и охотничье счастье споткнуться о камень неудачи.

Женщины разложили эти звериные мощи кругом Мамонта Сса, каждую породу особо. Спанда и Юн достали две кожи жертвенных бубнов, размягчили их жиром и натя-

нули на деревянные ободья. Эти два бубна они повесили над гостями. Один назначался для Мамонта Сса, другой для младших гостей. Мужчины и женщины тоже натянули на ободья кожаные пленки и вооружились звонкой заячьей лапкой, засушенной от долгого употребления и черной от копоти.

Женщины украсили свои плащи пучками разноцветной шерсти, окрашенной алой корой ольхи и черным дымом можжевельника. Старая Лото скрылась в женском шалаше. Она должна была выйти оттуда потом, в середине праздника.

Исса взяла бубен и стала обходить все углы пещеры, расселины, проходы, отверстия наружу. У каждой щели она останавливалась, постукивала в бубен заячьей костью и шептала: «Чужие, не входите». Это делалось для того, чтобы обезопасить церемонию от вторжения посторонних духов. Они могли расстроить переговоры с гостями, захватить часть жертвы и вообще нарушить великое празднество Анаков.

Женщины сели на корточки рядом, по левую сторону огня, лицом к звериным символам.

Мужчины встали с бубнами по правую сторону.

По знаку, данному Иссой, женщины завопили неистовым голосом.

— Пришли, пришли, пришли!..

— Привет гостям,—отозвались мужчины и ударили в бубны.

— Вы устали?—спрашивали женщины ласковым тоном.—Разденьтесь. Мы приготовили вам новые плащи. Вы озябли, погрейтесь у огня. Вот пища, питье. Вот постель, отдохните.

Мужчины изо всей силы колотили в бубны. Тугая кожа звенела. И в глубине пещеры отдавалось смутное эхо.

— Тсс,—сказала Исса предостерегающе,—гости спят.

Бубны и голоса разом смолкли. В пещере стало тихо. Женщины сидели, не шевелясь, и смотрели друг на друга напряженно-предостерегающим взглядом. Во время сна гостей нельзя было даже шелохнуться. Каждый шорох предвещал неудачу виновнице и оплачивался потом какой-нибудь легкой карой. Либо лопнет горшок для варки пищи, либо шакалы утащат плащ, либо ребенок заболит паршами. Без возмездия ни за что не обойдется.

Мужчины тоже стояли неподвижно. Только два колдуна прошли осторожно к месту гостей, сняли два бубна, посвященные им, и стали тихонько постукивать косточкой пальца в натянутую кожу. И эти скользящие, странные, слегка царапающие звуки звучали успокоительно, как колыбельная музыка, и баюкали усталых гостей: — Дын, дын, дын...

И даже пламя костра горело ниже и стлалось по земле, как будто убаюканное.

Неожиданно раздался густой и низкий храп:—Хррнх...

— Гости просыпаются,—сказала Исса.

Этот храп был голос Сса, когда он вечером идет на водопой и призывает свою жену и семейство:—Хр н хр р...

Лото вышла из шалаша с задней стороны и неожиданно появилась пред огнем. Она снова надела ту же странную шапку с меховой полоской спереди. Но теперь она должна была изображать уже не прародительницу Дантру, тетку Мамонта, а самого высокого гостя.

Женщины запели громкий, ликующий гимн:

Сса Помощник, он устроил землю,
Реки прочертил, выкопал моря.

И под эти ликующие звуки Лото, белая колдунья, живое воплощение бога-зверя, торжественным шагом три раза обошла кругом огня, потом остановилась над маленькой фигуркой Мамонта и снова хрюкнула: «Хрнхрр»... с несравненным искусством.

— Проснулись, проснулись,—кричала Исса. Теперь все женщины повскакали с мест и вмешались в пеструю толпу. Они хоркали по-оленьи, ревели по-медвежьи, ржали, как лошади, выли, как волки, кликали, как лебеди, гоготали, как гуси, жалобно взвизгивали, как зайцы, и тявкали, как молодые лисенята.

Гости-звери проснулись и вселились в анакских жен, которые их съели. В данную минуту люди и их добыча сливались в одно.

Мужчины стучали в бубны и потрясали заячьей лапой, как будто дротиком. Они сохранили свою основную роль охотников-истребителей, но теперь они желали просить у зверей прощения.

— Не сердитесь на нас,—говорил Спанда своим низким голосом.

- Нет, нет, нет,—ревели олицетворенные звери.
- Мы вас не убивали,—уверяли мужчины.
- Нет, нет, нет...
- Молния вас убила огненным копьем.
- Да, да.
- Скалы упали вам на голову. Земля проглотила вас.
- Да, да.
- Мы вас ласкали и грели у огня.
- Да, да.
- Придите к нам в другой раз.
- Да, да.

Неистовство женщин достигло крайнего предела. Они топали ногами о землю, прыгали через огонь, бросались на мужчин и царапали их ногтями и покусывали зубами, изображая радостных, шумных, дружественных диких зверей.

Приближался заключительный обряд отпуска зверей, когда нужно было открыть пещеру, выйти вон и выпустить зверей на волю, рыб—в воду, четвероногих—в поле и птиц—в воздух.

Неожиданно Исса подняла руку, давая обычный знак. Все стихло.

— Слышу чужое,—сказала Исса, и в голосе ее звучал непритворный страх. Лицо Иссы было обращено ко входу, и все глаза обратились туда. Но там не было видно ничего постороннего.

— Вижу чужое,—еще раз сказала Исса и протянула руку к завесе входа. Все ждали, не двигаясь с места, и через минуту один край завесы слегка отодвинулся и в пещеру скользнула маленькая юркая тварь.

В ней не было с виду ничего опасного. Это была обыкновенная крыса-пеструшка, с серой спиной и белым пятном на груди, из тех, которые тысячами снуют по пустыне и служат лакомой добычей лисице, горностаю и всем мелким хищникам полей и лесов.

Анаки тоже, случалось, ловили и ели крыс, но они презирали их и не давали им места на осеннем празднике. Эта крыса явилась насильно и видимо желала принять участие в общем воскресении зверей.

— Прочь,—крикнула Исса и махнула рукой, но крыса как будто не слышала. Она двигалась вперед какими-то странными, дробными шажками, поравнялась с костром и остановилась. И вдруг, как будто заразившись недавним

безумием воскреснувших зверей, стала корчиться, прыгать, бросаться в разные стороны. Оббежала вокруг огня, вскочила на ложе Мамонта, разбросала частицы и тотчас же скакнула вперед и исчезла в темной глубине пещеры.

— Что это было?—спрашивали Анаки.—Крыса или тень?

— Не знаю,—сказала Исса.—Забота неожиданная.

Ибо, по анакскому поверью, в образе крысы людям являлась забота. Она приходила неожиданно и своими острыми зубами грызла покой человека.

— Это Рек послал,—сказал угрюмо Юн:—чтобы вы не забывали о нем.

— Надо гадать,—предложил Спанда:—тогда все узнаем.

На Празднике Зверей совершалось гадание о ближайших судьбах племени, об охотничьей удаче, болезнях, нападениях соседей, кознях злых духов, внутренних ссорах. Оно производилось через посредство главного гостя—Сса-Помощника. Ему задавались вопросы, и он отвечал на них, как умел, самыми простыми, наглядными знаками.

Для этой цели Спанда установил перед костром небольшое коромысло. Потом завязал в обрывок шкуры смертные останки Сса, лежащие на ложе, и повесил клубок на конец коромысла.

— Кто будет спрашивать?—сказал он.

По обычаю задавать вопросы должна была молодая девочка или девушка из еще непосвященных.

— Пусть Милка спрашивает,—сказали женщины.

Но Милка не хотела спрашивать.

— Ой, что вы?—сказала она, отбиваясь от подруг.—Что вы, чертовки? Я не хочу, я боюсь.

Женщины вытолкнули ее вперед.

— Положи руку на этот конец коромысла,—сказал Спанда.—Вот на этот, свободный.

Милка положила руку, хотя и не очень охотно.

— Теперь говори: «Сса, скажи, как будем есть и жить в наступающем году?»

Милка молчала. Ей было страшно задать этот зловещий вопрос, ибо отрицательный ответ на него мог предполагать поварные болезни и голодную смерть.

— Говори: «Как будем жить и есть?»—настаивал Спанда.

Милка повторила фразу.

— Теперь тyani.

Именно в этом состояло гадание. Чем легче поднималось коромысло, тем благоприятнее был ответ. Милка потянула за коромысло, но оно не поднималось. Мамонт не хотел отвечать на вопросы племени. Его символическое тело как будто приклеилось к земле и не хотело отставать.

— Тyani, тyani,—говорил Спанда с оттенком нетерпения.

Милка потянула изо всей силы. Клубок, завернутый в шкуру, вдруг подскочил вверх, соскочил с рычага и попал прямо в огонь. Пламя жадно лизнуло наружную обертку, запачканную жиром. Сса, очевидно, предпочитал сгореть на костре, чем отвечать на вопросы Анаков.

Со стесненным сердцем Анаки dokonчили обряд. Они открыли завесу входа и вынесли наружу на растянутых шкурах символы зверей и понесли их на отпуск. Когда они проходили по полю, щуря от солнечного света свои покрасневшие глаза, они увидели другую серую тень. Она скользнула мимо и побежала в сторону. Это была тоже крыса,—та же самая или другая, никто не знал. Мальчик Рум не вытерпел и бросил в нее камнем, но не попал. Тем не менее, крыса упала и вытянула ноги, и когда ребяташки подбежали, она издыхала в конвульсиях. Кровавая пена била у нее изо рта и пачкала белый передник на ее груди. Они не знали, что с нею делать. Она, очевидно, решила купить собственной смертью право на воскрешающий отпуск. И, после некоторого колебания, Анаки решили уступить ей. Женщины положили ее тело на шкуру и понесли вместе с другими.

Исса захватила с собой головню из костра. Они отошли от пещеры довольно далеко, натаскали дров и разложили огонь. Он поднялся высоко, желтея на солнечном свете своим проворным языком. Они ссыпали в костер останки отпускаемых зверей и сожгли их в пламени. В то же пламя они бросили жертвы—жир и тертые ягоды и даже предметы утвари, миниатюрные циновки, горшечки из сырой глины, деревянные подобия ножей и топоров. Ибо воскресшие звери уходили на далекую родину и должны были жить там полным хозяйством.

И вслед за фигурой Мамонта Сса Исса бросила в огонь другую фигуру из тех же трав, человеческую по

форме. Это был мальчик Лиас, которого она отдавала ему в вечные слуги.

Костер рассыпался и стал догорать. Исса взяла горсть пепла и пустила по ветру.

— Уходите, — сказала она.

— Да, да, — вторили женщины.

— Потом возвращайтесь.

— Да, да.

Это и был отпуск.

После того они пошли к речке для рыбного отпуска. Но когда они спускались к берегу, случилось новое диво, страшнее предыдущих.

Толстый Несс, который молчал весь день и даже в бубен бил неохотно, вдруг прыгнул вперед и стал скакать, как будто одержимый. Он выбрасывал в сторону руки и ноги, корчился, сгибаясь почти до земли, потом отскакивал назад, как будто отброшенный невидимой рукой.

Мар подскочил к нему с удивлением и беспокойством:

— Чего ты, Несс?

Праздник любви прошел, и их дружба возобновилась.

Несс бормотал что-то невнятное. Он посмотрел на своего товарища мутными глазами, как будто они были покрыты пеленою тусклого Хума. Потом он остановился, шатаясь, как пьяный, но лицо у него было не красное, а бледное, как мел.

Еще через минуту он снова отпрыгнул и крикнул: «прочь!» и сделал движение, как будто палкой ударил. Ему мерещилась крыса. Потом он бросился бежать, споткнулся и упал. Лежа на земле, он продолжал корчиться. Язык у него вывалился изо рта, распухший, с белым налетом, и изо рта побежала кровавая пена на белую грудь, точь-в-точь как у пеструшки.

Они наскоро dokonчили обряд, потом подняли Несса и понесли в пещеру. Он был очень тяжел. По дороге он продолжал корчиться, вырывал у них свои руки и ноги и хрипло кричал невнятные слова. И когда они поднесли его к пещере, он вытянулся и затих. Лицо у него стало страшное, синее, в пятнах.

Они положили его на шкуре перед огнем, там, где недавно лежали воскресшие звери. Он не шевелился и не говорил ни слова, ибо он был мертв. Он лежал у огня, как новое воплощение, незванный таинственный гость,

который явился неведомо откуда и требовал у Анаков жертвоприношений важнее тех, которые они давали на отпуск костям Медведя и Мамонта.

XI.

Мрачно прошла эта ночь для Анаков. Мертвеца можно было унести в поле только на следующее утро. Но, по обычаю племени, люди не могли ночевать под одной кровлей с покойником. Мужчины и женщины ушли из пещеры. Было холодно и сыро. Шел мелкий дождь. Анаки попрятались в расселинах, каких было много вблизи их главного обиталища, улеглись на холодном камне и чутко дремали в ожидании утра.

Только Спанда и Мар остались в пещере наблюдать за покойником, ибо мертвецы в одиночестве коварны. Оставаясь без свидетелей, труп мог бы очнуться и запрятать в пещере злые чары в наследство живущим.

Мертвец лежал на шкуре у огня. Спанда уселся в головах на широком камне, взял бубен и стал слегка поколачивать пальцем о край обода. Бубен тихо звенел, как будто плакал. Этот звон должен был усыплять мертвеца и смягчать его мысли, горькие и злые, перед отходом в область тихого мрака, в страну загробную.

Мар сидел у ног покойника несколько сбоку и смотрел в лицо своего бывшего соперника. Огонь мелькал и вспыхивал, и по лицу Несса пробегали тени, и казалось, что он шевелит губами и что-то шепчет, и подмигивает, и слегка кивает головой.

И в ответ на эти мелькающие жесты Мар стал говорить с Нессом.

— Сердишься, Несс? — спрашивал он. — За что? За девуку? Ну, больше не будем драться. Хочешь, бери ее себе...

И Несс кивал головой.

Дети сбились все вместе, в расселине слева, малыши и подростки, мальчишки и девочки. Они жались гурьбой, как белки в древесном дупле в холодное зимнее время. И, несмотря на темноту и жуткую близость неведомых духов, они шептались тихонько между собою.

— Отчего он такой синий, — шептала Милка, — а она серая?

— Я убил ее, — сказал Рум Старший не без некоторой тайной гордости.

— Ты не попал, — возразила Милка с оттенком прежнего задора.

— Шш... — шипели соседи, — молчите!

Но проходила минута, и Милка снова задавала вопрос:

— А отчего они скакали?

Дило тоже был тут, но поместился поодаль.

Еще со вчерашнего дня дети сгорали от любопытства и приставали к нему с расспросами во всех промежутках праздника. Но Дило хмурился и отвечал коротко: «Отстаньте». Он прятался от них целый день, но теперь ему было страшно одному.

Он старался заснуть, но не мог.

Глаза его сами открывались и устремлялись в темноту; осенняя ночь была черна, как пещера. Кругом было тихо, дети молчали, но ему начинало казаться, будто что-то маленькое, неуловимое, крадется за его спиной. Он вздрагивал и оборачивался, но того уже не было сзади. Оно проходило теперь впереди, как серая тень. Оно постоянно меняло форму, съеживалось и расширялось, было, как головка одуванчика и даже как пушинка, потом становилось, как клуб перекасти-поля, и бегущего по ветру, тотчас же бежало само, на длинных бессчетных ногах, как серый паук, и глаза у него были, как яркие уколы, алые и злые. Оно поднималось на воздух и металось, как нетопырь, проплывало мимо, как серая сова, и задевало его мягким крылом по лицу.

Он вздрагивал и просыпался. Было темно и тихо. Только дождь шумел снаружи. Дождевые струи тянулись прямо, как нити, шуршали дробно и монотонно. А оно опускалось на землю и становилось пушистое, как мех, и шуршало по земле мягкими лапками и двигалось прямо, как нить. Только глаза сверкали, как алые искры.

Голова Дило опускалась ниже, и оно останавливалось и вдруг без всякого усилия переменяло размеры и становилось горою. Крутая спина выросла и вставала, как вал, над темным ущельем, алые камни огненных глаз сверкали загадочным блеском, серая голова тянулась вперед с разинутой пастью. Он делал страшное усилие и просыпался с криком. Все становилось иное. Вместо ущелья была лощинка за пещерой и вместо серого Река—серая крыса.

И сам он тоже был иной — измененный, слабый и крохотный, как муха, и серая крыса казалась ему, как прежде, горою. Это был тот же Рек, пламенноокий и страшный. Он глядел на Дило своими страшными глазами и тянулся к нему с той же разинутой пастью.

До самого утра грезил Дило, и только когда поздний рассвет забрезжил на востоке и осветил расселину, он упал на землю и заснул, как мертвый. И отошли от него и Реки, и крысы, и страшная смерть, витавшая над стойбищем. Но только сон его был тяжелый и черный, как преддверие смерти.

Вместе с рассветом Анаки проснулись и закопошились у пещеры. Но наступившее утро было для них печальнее минувшего вечера, ибо не все поднялись с сырого ночлега. Пенна Левша, старшая сестра Дило, не могла подняться с места. Она осталась под каменным кровом, прижалась к стене, как раненый зверь, и не отвечала на вопросы.

Мар вышел из пещеры, но другие посмотрели на него и отшатнулись в страхе. Он как будто распух и стал толще, и вдруг сделался странно похожим на своего друга-соперника, Несса. И лицо у него было такое же синее. Глаза у него были пьяные от Хума неведомой заразы. Он шел, спотыкаясь и держась за голову руками, потом уселся у скалы и стал покачиваться из стороны в сторону с каким-то странным жужжанием. Не то он пел, не то стонал.

Рея-Волчица нашла у своей груди младенца мертвым. Ее недаром звали в племени Волчицей. Она была вне себя от горя и ярости. Она подбежала к пещере, высоко неся в руках маленький трупик, и сунула его к самому носу Черного Юна, ночного колдуна.

— Ты жертву требовал, — крикнула она: — с Реком твоим. Нате, жрите!..

Юн молча принял маленький трупик и внимательно о смотрел его.

На вялой шейке были два маленьких черных пятнышка.

— Это знаки Дракона, — сказал Юн: — теперь сами видите.

— Ну, пойдем, — сурово напомнил Спанда. — Найдем, узнаем...

Юн хотел что-то ответить, но в это время к пещере подошла его дебелая подруга с Мышонком на руках. Ее

сытое лицо было встревожено. Мышонок хныкал и держался руками за голову.

Юн схватил своего сына и стал жадно рассматривать его тельце. Никаких знаков не было. Но глаза у него были мутные, и щеки горели неестественным румянцем.

Юн сердито оттолкнул жену, прижал ребенка к груди и стал бегать по площадке перед пещерой.

— Мышонок, не плачь, — говорил он каким-то сдавленным голосом. — Не надо хворать. Мы в лес пойдем, зайца поймает. Пусть зайчик хворает.

— Идем к Дракону, — напомнил Спанда.

— Прочь! — крикнул яростно Юн. — Ночью пойдем, в темное время...

— В лес! — крикнул он еще раз, подхватил одной рукой копьё, другою — бубен, посадил ребенка на плечи и крупными шагами скрылся в ближайших кустах.

В этот день не было больше умерших, но захворали еще две женщины, — русоволосая Илеиль и Санния, уже пожилая, в волосах у которой были снежные нити.

Женщины внесли больных в пещеру и положили у огня. Только Мар остался снаружи сидеть у скалы, не смотря на холод.

Юн вернулся из лесу, когда смеркалось. Он нес Мышонка у груди, завернутого в плащ. Мышонок спал.

Тучи на небе стали редеть, бледный месяц тихо поднимался с востока.

— Идем, — сказал Спанда, — я тоже бубен возьму.

— Не надо, сурово возразил Юн и отбросил свой собственный бубен с явным презрением.

— Какие дары? — спросил Спанда.

— Не надо даров, — сердито буркнул Юн. Он постоял с минуту в нерешимости, сжимая в объятиях спящего младенца, потом решился и передал его Юне. И тотчас же с угрозой поднес к ее лицу свой крепкий кулак.

— Если не сбережешь — убью, — сказал он отрывисто.

Он не взял даже копьё и вместо того подхватил кремневый топор, тяжелый, с длинной ручкой, помахал им в воздухе и сунул за пояс.

— Идем, Спанда.

— А Дило где? — спросил старик. — Ведь, он указчик пути.

Они отыскиали Дило на прежнем месте, под каменным навесом.

Дило все еще спал, и все усилия растолкать его остались безуспешными.

— Хоть место назови, — настаивал Спанда.

Дило подымал голову, мычал что-то и снова падал на землю.

— Болен, — сказал Спанда.

— Боится, притворяется, — сказал Юн с презрением. — Копьем бы его.

Но вместо копья он сердито толкнул Горбуна носком ноги.

— Падаль... Без него найдем.

Они вышли на площадку перед пещерой. Юн бегло взглянул на месяц, потом повернулся поочередно на все четыре стороны света, выбрал направление и твердым шагом двинулся в путь. И это было даже не то направление, по которому Горбун вернулся на стойбище. Оно лежало левее. Но точно так же, как Дило, два колдуна пересекли первую гряду, спустились вниз; потом они поднялись на вторую гряду и пошли по гребню. Избранный ими путь был удобнее пути Дило, ибо им не попадались обрывы и густой кустарник. Они шли скоро и безостановочно.

Юн шагал впереди так уверенно, как будто страшный Рек подавал ему издали беззвучные, но верные сигналы. Время шло. Месяц поднимался к зениту пядь за пядью. А ночь становилась гуще и дремотнее. Они перешли еще две гряды.

— Где же Дракон? — проворчал Спанда, споткнувшись о камень, и вдруг остановился и застыл на месте, как вкопанный.

На склоне горы, над темным ущельем им представилось поразительное зрелище. На твердом камне покоилась огромная фигура. Она казалась черною на фоне ночного неба и выглядела, как грузная глыба, оторванная от ближней скалы. Но, присмотревшись, они разобрали крутую спину, могучий хвост и плоскую голову на вытянутой шее.

Дракон сидел, нагнув голову к земле. И его алые глаза отсвечивали блеском месяца. Голова его шевелилась вправо и влево. Они припали к земле и со страхом следили за этими однообразными движениями.

Спанда понял странные слова Дило: «Каменный Зверь, Живой Камень». Чудовищный зверь казался каменным даже в своих движениях.

И впереди Дракона они увидели новое диво. Ибо весь склон горы был покрыт маленькими движущимися фигурками. Это были пеструшки. Их легко было узнать в свете месяца. Их были тысячи и тысячи, без конца и без счета, как песчинок в пустыне. Они двигались вперед и шли прямо на Дракона. И чудовище, пригнув голову книзу, глотало одну за другой своей глубокою темною пастью. Оно было такое большое, что пеструшки, кажется, даже не понимали, в чем дело. Быть может, им казалось, что передние колонны проходят в какую-то темную арку, сквозь сердце скалы. Они шли, не останавливаясь, и Дракон глотал их мерным движением. И в свете месяца казалось, будто льется странная, живая, кишачья река, поднимается снизу вверх, вопреки законам тяжести, и вливается в Дракона.

Когда колдуны увидали это странное зрелище, они сдвинулись с места и поползли наискось горы. Они не смели подняться ближе к страшному Реку, но они подобрались почти вплотную к живому потоку. Это были пеструшки-странники, мельче обыкновенных и поразительно однообразного вида. Они шли правильно, ряд за рядом, как катятся волны по мелкому песку. Но, приглядываясь внимательно, Спанда и Юн увидали, что не все крысы были в одном состоянии. Огромное большинство шло с обычной правильностью, но были и такие, которые выскакивали из рядов, кружились и даже кувыркались. Иные падали и катились на месте, составляя преткновение для задних рядов, и так и оставались. Другие поднимались и снова ползли вверх и через силу доползали до этой всепоглощающей пасти.

Время катилось вперед, пеструшки поднимались вверх, и Дракон их глотал без устали, как бездна. Этому, казалось, не будет конца. Тогда Юн Черный выпрямился и сделал шаг вперед по направлению к Дракону.

— Слушай, бог,—сказал он громко, обращая лицо свое к лицу чудовища.

Рек остановился и будто прислушался. Или, быть может, он, наконец, ощутил сытость в своей огромной утробе.

— Там есть маленький мальчик,—сказал Юн и указал головой в сторону стойбища.—Ты хочешь взять его в жертву. На что он тебе? Возьми другого.

Дракон молчал.

— Десять возьми,—предлагал Юн,—двадцать возьми.

Дракон не шевелился.

— Даю тебе живую часть моего тела!—крикнул Юн. Он выхватил топор, опустился на одно колено, положил левую руку на камень и с размаху ударил топором по мизинцу. Кость хрустнула, и палец повис у нижнего сустава на сплюснутых волокнах. Юн вынул нож и быстро перерезал расплющенное мясо. Потом правой рукой бросил палец по направлению к Дракону.

— Вот кровь моя,—прибавил он, махнув левой рукой, и брызнул в сторону Дракона свежей кровью из обрубленного пальца.

Рек поднял голову выше и поглядел на колдуна своими яркими глазами так презрительно и высокомерно, потом повернулся и пополз в гору, направляясь к Кандарскому устью. Он был сыт и даже устал от мясного потока, и ему не было дела до этих ничтожных людских приношений.

Юн еще постоял, потом опустил руку, вынул из мешка приготовленные листья, обернул ими обрубок пальца и, не говоря ни слова, пустился в обратный путь.

Спанда покачал головой, но тоже не сказал ничего и последовал за Юном.

Они вернулись обратно с рассветом, но лагерь уже не спал. У входа в пещеру горели два костра, и люди растерянно бегали взад и вперед. Ибо за минувшую ночь страшная сеть неведомой заразы унесла прежние жертвы и опутала новые. Пенна и Илеиль лежали в своих ложах мертвые. И даже после смерти их лица и тела покрывались синими пятнами и ужасными нарывами. Это дьявол заразы пожирал их трупы, как свою законную добычу.

Еще один ребенок умер у груди матери. Мар лежал у скалы снаружи, вытянувшись во весь рост. С этого места он не тронулся со вчерашнего дня. Он еще дышал, но глаза его были закрыты. Были больные среди детей и подростков, и женщин, и мужчин. Иные из них лежали в пещере или сидели снаружи, изнеможенно прислонясь спиной к скале. Других не было видно. Они уползали в кусты и камни и прятались там, как издыхающие шакалы. Исса исчезла одною из первых. У нее была привычка даже без всякой болезни прятаться во время общественных бедствий. Иные покидали Кенайскую гряду и с посо-

хом в руках, через силу, тащились на север к реке Саллии. Они шли умирать на смертном поле Анаков.

Когда два колдуна стали приближаться к пещере, все здоровые бросились к ним навстречу с криками. Даже больные, кто мог, вскочили с места и смешались с толпой.

— Что, говорите!—кричали Анаки с тоскливым нетерпением.

Спанда пожал плечами и сказал, указывая на Юна:

— Его спросите.

Вместо ответа Юн окинул глазами толпу. Юны не было. Он растолкал руками Анаков и вскочил в пещеру. При бледном свете огня, который мешался с неверным дневным светом, он увидел свою супругу. Она сидела на длинном бревне с ребенком в руках и качалась взад и вперед, как пьяная. Навстречу мужу она подняла лицо, глаза ее были покрыты тусклой дымкой заразы. Он толкнул ее в грудь и выхватил ребенка. Мальчик был мертв. И даже тело его похолодело. Оно лежало на его руках, вялое, как кожаный лоскут.

Страшный вопль вырвался из его груди. И будто эхо отозвался слабый стон его жены. Но Юн с яростью подскочил к ней опять, изо всей силы ударил ее ногою в живот и выбежал наружу.

— Говори!—кричали Анаки ему навстречу.

— О-о!—ответил Юн воплем, еще пронзительнее первого. — Вот, о-о!.. Рек не хочет замены!..

— Чего он хочет? — кричали Анаки. — Говори!..

— Сам возьмет! — кричал Юн. — Вот, о-о!..

— Что возьмет, кого возьмет? — кричали Анаки.

— Все племя возьмет,—крикнул оглушительно Юн и, сжимая в объятиях труп своего сына, бросился в лес по той же дороге, что и вчера.

Анаки проводили ночного колдуна нестройным воплем, потом заматались кругом, как звери перед потопом. Им казалось, будто страшный Рек уже ползет с горы, чтоб проглотить их. Они дико озирались кругом, ища какой-нибудь защиты. У них еще оставались Спанда и Лото. И они обступили их с криками:

— Сделайте что-нибудь, спасите, защитите!

Лото закрыла лицо руками, Спанда молчал, и жалкие вопли Анаков стали грозны и яростны. Мужчины и жен-

щины скрежетали зубами и сжимали кулаки. Еще минута, и они разорвали бы в клочки бессильных колдунов.

На востоке, в густом и сером тумане, всходило солнце. Оно было бледно-желтое и словно ущербленное и висело над землею, как призрак, и куталось в мутный туман, как будто в саван.

— Солнце, ты видишь, — сказал тихо Спанда, обращаясь к дневному светилу.

Но солнце молчало. В сером саване тумана, в прозрачном свете осеннего утра, оно было похоже на унылый месяц.

— Я мог бы изменить ваши лица, — сказал Спанда, — вырить волосы, расчертить щеки полосами, мужчинам груди привесить и женщинам бороды и скрыть вас от духов заразы.

Анаки не отвечали. Но было очевидно, что такие жалкие уловки были бы бессильны, чтобы отстранить нападение духов болезни — могучих, крылатых, всеведущих.

— Я мог бы изменить ваши имена, — сказал снова Спанда, — назвать вас волками или дубами лесными, Селонами чужими, и скрыть вас от врагов.

Он замолчал и задумался. Анаки тоже молчали и ждали.

И вдруг Спанда принял решение и снова обратился к племени.

— Слушайте, дети. Чем нам отдавать все племя тому, — он мотнул головой на запад в сторону Дракона, — лучше дадим одного этому. — Он показал глазами на солнце.

— Дадим! — крикнули Анаки. — Кого, скажи!..

Они свирепыми глазами смотрели друг на друга, как будто намечая заранее жертву.

— Такого... маленького... — тянул Спанда. — Детская душка слаще.

Его взгляд упал на шустрого Антека, второго сына Майры, который по обыкновению пролез вперед и терся под ногами старших.

— Дадим! — крикнули Анаки. Двадцать рук протянулись к ребенку, но Майра с воплем бросилась вперед и закрыла его своим телом.

Женщины накинулись на нее со всех сторон.

— Отдай, — кричали они, — лишнего чертенка, семя чужое!

— Лишнего взяли, — вопила Майра не своим голосом. — Это — мой сын!

— Этот — чужой, — кричали женщины с насмешкой и яростью. Оба чужие. — Отдай, проклятая!

Они душили ее за горло, царапали ее тело ногтями и как будто хотели отодрать ее по клочкам от обреченной жертвы.

Минута — и Майра отлетела в сторону, ударилась о землю, потом подобралась, села на песок, обхватив колени руками, вся скорчилась, как грудa лохмотьев, и застонала долгим, унылым, неторопливым стоном.

Мальчик уже был в руках Спанды. Он был, как в столбняке, от ужаса. Глаза его выкатились. И из полураскрытых губ вырывался такой же жужжащий стон, как у матери.

— Дайте чашу, — сказал Спанда.

Женщины готчас же достали из мешка огромную чашу осеннего Хума. Спанда вынул из-за пояса длинный костяной кинжал и ударил в горло жертву. Струя крови брызнула вверх, навстречу востоку.

— Солнце, тебе, — сказал Спанда. Потом повернул мальчика над деревянной чашей. Кровь стала цедиться из детского трупика, как будто из сосуда с узким горлышком.

— Идите сюда, — сказал он Анакам.

Они подошли и стали кругом.

— Это вино кровавое, — сказал Спанда. — Хум жертвы солнцу. Возьмите и творите помазание во имя Солнца Отца.

— Солнце, дай защиту!.. — возопили Анаки.

Они опускали в чашу два пальца, макали их в теплую кровь, потом проводили на лбу длинную черту и бормотали: «Провожу реку багровую; все духи утонут, враги захлебнутся».

— Пейте от этой крови, — сказал Спанда.

Огромная чаша с чудовищным алым напитком стала переходить из рук в руки. Все нагибали ее через край и мочили в ней губы, наблюдая, чтобы осталось другим.

Все Анаки, мужчины и женщины, здоровые и умирающие, даже грудные дети вкусили от жертвенной крови.

Только Майра сидела на земле, уткнув голову в колени, и стонала монотонно, как стонет ночное ненастье.

— Майре помазание, — приказал Спанда, и двадцать рук протянулись к несчастной матери. Они откинули ей голову и провели на лбу ту же кровавую черту, потом поднесли ей к устам ужасную чашу. Майра не сопроти-

влялась, она послушно нагнула голову и вкусила жертвенной крови от собственного сына, потом отклонилась назад, упала на землю и застыла без движения, как будто кровь в ее устах стала могучим ядом, убивающим, как молния.

XII.

Юн промчался через площадку и бросился в лес по той же вчерашней дороге. Он неся, задевая ногами молодые деревья, и ему казалось, что от его ударов деревья гнулись, как от ударов лося.

Заяц выскочил навстречу и шарахнулся в сторону, точно такой же заяц, какого они вчера поймали и отпустили живьем, чтобы он унес с собою болезнь Мышонка.

— Заяццы живы, а мой Мышонок умер, — подумал Юн и снова завыл от боли и от гнева. — Подлые, подлые, подлые! — выкрикивал он, и слово это обращалось одинаково и к богам, и к людям-соплеменникам, которые не были взяты мстительным Реком.

— Моего забрал! — сердито крикнул он. — Несытое брюхо!

Он опять задел ногою за дерево и больно ушиб колено и света не взвидел от ярости. Даже сына он положил на мох, и, выхватив из-за пояса каменный топор, быстрыми движениями стал обрубать враждебное дерево кругом ствола.

— Вот тебе, вот! — приговаривал он сквозь стиснутые зубы.

Каменное лезвие отскакивало, крепкая дубовая ручка подозрительно трещала, но Юн удвоил усилия, и, наконец, дерево погнулось, треснуло в разрубе и с шумом упало на землю.

— Что, будешь? — спросил Юн с мстительным торжеством и хотел подобрать трупик, но ему пришла в голову новая мысль. Он отыскал два крепких сухих сучка, быстро сделал прибор для вытирания огня, добыл искру, развел огонь. Потом отрубил кусок ствола в три локтя длиною и стал выжигать огнем черное дупло, как выжигают челнок из толстой осины. Он сделал для своего сына погребальную колоду, чтобы дикие звери не съели его тела. Ибо особенно любимых покойников, в отличие от прочих, Анаки хоронили в колодах и подвешивали на деревьях.

Он выровнял бока колоды своим крепким ножом из лосиного рога, потом стал пригонять крышку из толстых, ровно обрезанных палок. Когда все было готово, он поднял маленький трупик.

— Прощай, Мышонок, — сказал он раздирающим голосом и приложился лицом к шее своего ребенка, чтобы втянуть в себя запах сына, как делали Анаки вместо поцелуя. Но знакомого запаха уже не было. Тело Мышонка пахло смрадом, как тухлое мясо из летних запасов. Сердце Юна сжалось, охладело и стало, как труп.

— Прощай, дитя, — повторил он безжизненным голосом. Постлал мху в колоду, опустил туда труп и вбил верхние палки на место. Потом отыскал вблизи высокое дерево, подхватил на плечо тяжелый гроб и полез по сучьям вверх с ловкостью бурого медведя, который влезает к пчелам за медом.

На половине вершины он укрепил колоду в развилке ветвей и крепко привязал ее веревкой из лиан. Теперь тело его сына было безопасно от хищников и непогод.

Он мало думало том, что ему делать дальше. Хотел было остаться на дереве, у гроба, но что-то будто толкнуло его вниз на землю.

Он, впрочем, не ушел, сел тут же, под деревом, протянул ноги и сложил руки на груди. До самой ночи он не ел и даже не пил и ни о чем не думал. И ему казалось, что тело его деревенеет и ноги пускают корни в холодную землю, и волосы шуршат, как листья, и весь он обращается в такое же бездушное, безжизненное дерево.

Ночь пришла. Месяц вышел на небо и заглянул в лес. Юн поглядел и увидел, что месяц движется так низко, что даже задевает за вершины деревьев и прыгает между ветвями, как белая жаба. Еще минута — и месяц спустился на землю и стал подходить к колдуну.

Он был странен с виду. Тело у него было, как тело Дракона, а лицо, как лицо полной луны, и это лицо в то же время было огромным глазом, и его холодный блеск заглядывал в самую душу.

— Дай, что обещал, — сказал Лунный Рек.

— Нету, — коротко отрезал Юн.

Рек говорил, очевидно, о белой телице.

— Ну, племя дай...

— Не дам,—крикнул сердито Юн,—жадная тварь!

Дракон немного подождал и пожевал той странной щелью, которая у него была под светлым диском и заменила рот.

— Ну, половину дай,—сказал он примирительным тоном.

— Не дам, уйди,—кричал Юн.

— Худшую, больную, просил Лунный Рек,—что тебе стоит?

Он даже облизнулся и ласковым взглядом посмотрел на Юна.

— Уйди, — повторил Юн с угрозой и сжал топор. — Не дам ничего!..

Но в это время с вершины дерева упал слабый голос, как шелест ветра в листьях: «Отдай...»!

И при этом мертвом голосе, знакомом, любимом и странном, Юн в ужасе сорвался с места и побежал в сторону. Два дня и две ночи бегал он по лесу, не разбирая дороги, забиваясь в самую глушь и опять выходя на поляны и чистые места. Без сна, без еды он скитался, как олень, обезумевший от мошкары, и не находил места, и по временам ему являлся загадочный Рек с круглым лунным лицом, одноглазым и светлым, и ласково просил попрежнему: «Дай половину»... Только на третье утро Юн немного пришел в себя, напился из ручья, освежил себе лицо водой и направился обратно к пещере.

Два дня и две ночи мрачно прошли для племени Анаков. Солнце Отец не принял жертвы или, быть может, он был бессилен перед гневом Дракона. Ибо страшная болезнь росла с каждым часом и забирала новые жертвы. Прежде всех она забрала Майру и не дала ей очнуться от красного хмеля и умертвила ее, как камнем по голове. Потом унесла Яррию и быстрого Альфа, и маленькую Милку, и еще других, взрослых и детей. И с раннего утра здоровые выбивались из сил, унося трупы далеко в открытое поле. Ибо законы Анаков не позволяли держать их на стойбище дольше одной ночи, да и страшно было оставлять их дольше, чтобы они следили за живыми своими потускневшими глазами.

Анаки обвязывали их травой и древесными корнями, прилаживали у головы и ног две широкие петли. За эти петли они несли мертвое тело, как носят связку суше-

ного мяса, потом оставляли тело в поле и даже не обкладывали его камнями, как требовал обычай, но тотчас же убегали обратно. И каждый раз, как одни возвращались, другие снова уходили.

К полудню следующего дня Мар закрыл глаза и больше не открывал. Оба жениха Охотницы Дины были мертвы, но она была здорова. Хум болезни имел над нею не больше силы, чем Хум любви. Но глаза ее светились холодным отчаянием, ибо она как будто осиротела без Мара и Несса.

Когда мужчины уносили Несса, она шла сзади. И осталась после них, не опасаясь мертвеца. Ибо она не боялась Несса, ни живого ни мертвого. Она собрала камней и обложила мертвое тело и воздвигла в головах своего покойного друга каменный холмик, чтобы люди и звери, проходя мимо, знали, что это был сильный охотник. Потом посмотрела на него в последний раз и вернулась к Мару. Целый день просидела она над Маром и тихо пела ему сладкие напевные слова. Мар по временам поворачивал голову и открывал глаза. Он уже не мог понимать. Потом он закрыл их в последний раз и больше не открыл.

И тогда Дина встала, завернула мертвое тело в свой волчий плащ, взвалила его на свое сильное плечо и понесла в поле к другу его Нессу. Она положила его на землю рядом с первым покойником, в тот же каменный круг, и выше наклала каменный холм в головах, чтобы было довольно на двух, и сама села поодаль, как будто на страже. Теперь она не пела. Покойники молчали, молчала и Дина.

А над стойбищем Анаков стояли плач и ужас и дикие крики. Спанда и Лото еще пытались продолжать неравную борьбу с духом заразы. Отражать его они не дерзали, но теперь они старались укрыть свое племя, чтобы духи заразы его не нашли и прошли мимо.

Спанда осуществил свои мудрые уловки. Он торжественно нарек всем мужчинам и женщинам новые имена и каждое из этих имен отыскал, по примеру гадающих старух, при помощи подвешенного камня, в стране предков, отцов и дедов, давно усопших. Ибо предки во всю свою жизнь не знали заразы.

Рум Старший бегал взад и вперед и выкрикивал громко: «Слушайте, духи, я не Рум, я -- Лаин! Мой дед, Лаин!..

Старый Лаин вернулся на землю. Я не Рум!..» И Рум Младший, шакал, бегал сзади и жалобно таякал и будто выкрикивал тоже: «Я не Рум!» Но духи лукаво ловили знакомое имя и узнавали о перемене.

Старая Лото села на краю стойбища в стороне от соплеменников и стала произносить тройное заклинание, самое сильное заклинание анакских колдунов. Она бросала на землю маленький сучек и приговаривала: «Пусть станет непроходимый лес. Грызть вам, не перегрызть!..» Потом она бросала камешек через плечо и говорила: «Пусть станет высокая гора. Лезть вам, не перелезть!» После того чертила пальцем землю сзади себя, не глядя и не оборачиваясь, и говорила: «Пусть станет огненная река. Плыть вам, не переплыть!..» Окончив три заклинания, она опять начинала сначала.

Спанда целый день колотил в бубен без устали и молча, а к вечеру устал и ушел в пещеру, залез в мужской шалаш и утром уже не вышел. Ибо страшные духи заразы желали взять племя Анаков в полном составе, от младенцев до старых колдунов.

Когда Спанды не стало видно, холодный ужас овладел Анаками. Они смотрели друг на друга дикими глазами, как бараны без вожака. Еще минута, и племенные узы были бы расторгнуты, и они разбежались бы врозь и навеки, как разбегается стадо оленей от волчьей погони среди открытой пустыни.

В это время на опушке ближайшего леса явился Юн. Он сам был наг, ибо его плащ остался в лесу. Волосы его были полны листьев и колючих шишек. И лицо у него было дикое. Анаки со страхом смотрели на него. За эти два дня Черный Юн как будто сделался Лесным Бродягой, братом враждебных духов. Он был теперь скорее чужой, чем свой брат Анак.

Однако, они бросились с криком ему навстречу.

— Говори, мы дадим! Сколько возьмете?

— Я сказал, — отозвался Юн, спокойно и даже безучастно. — Все племя.

— О-о! — завывали Анаки все сразу, как волки на зимней дороге, не знающей добычи. Они плакали. Из их воспаленных глаз по бурым щекам катились грязные слезы. И руки ломали они и волосы рвали горстями от безысходной тоски.

Юн смотрел на их горе, и ни один мускул на его лице не пошевелился. Однако, он произнес почти лениво еще два слова:

— Ну, половину.

— Какую половину?—вопили Анаки.—Ешьте. Мы дадим!

— Худшую половину, — сказал Юн задумчиво, потом остановился и коротко прибавил:—Хворых.

Это было странное, ни с чем несравнимое шествие. Все племя Анаков двинулось со стойбища, направляясь к ущелью Дракона. Оно было готово отдать Лунному Реку всех запечатленных его зловещей печатью. Здоровые вели больных под руки, а других тащили за руки и за ноги, как мешки с мясом. Матери несли на руках грудных младенцев. Никто не роптал, никто не жаловался. Духи смерти витали над племенем и могли взять, кого хотели. Когда проходили мимо пещеры, случилось неожиданное. Из черного устья пещеры вышел Спанда. Он был бледен и шел, опираясь на посох; на лице его не было синих пятен. Но пышную бороду свою Спанда оставил сзади, в пещере. В одну ночь она вылезла вся без остатка. Без бороды, с мутными глазами и провалившимися щеками, старый Спанда имел странный и жалкий вид. Он не сказал ни слова, замешался в толпу и вместе со всеми пошел на жертву Дракону, вслед за Юном, вождем.

Когда проходили мимо поля, увидели покойников; они лежали там и сям, обвитые травой. И перед своими друзьями сидела Охотница Дина, недвижная, как камень. Аса окликнула ее, проходя, и тогда совершилось неожиданное снова. На оклик встала не Дина,—поднялся один из трупов. Это был Мар. Дина подняла голову, посмотрела на Мара, но все-таки не встала.

С синим лицом и закрытыми глазами, качаясь на ходу, мертвый Мар пошел за племенем. Но никто не испугался, ибо всякие другие ужасы бледнели перед ужасом общей гибели. Только Красный Илл вдруг отступил в сторону, пошел и взял с места труп Несса, темный и уже тлеющий, взвалил на плечо и стал догонять племя. И тогда Дина встала и тоже пошла сзади.

Так шли они, здоровые и больные, все обреченные, но желавшие выкупить из двух голов—одну, изо всего—половину. Медленно двигалось шествие. На каждом шагу останавливались. Того или другого схватывали конвульсии,

и они извивались, как рыба на сухом берегу, и обдавали кровавой пеной своих поводырей. Другие вырывались и падали на землю и корчились, как черви, и потом лежали неподвижные, но в конце концов вставали снова, как труп Мара, и шли дальше. Как будто чары коварного Река захлестнули каждого незримой петлей и волочили его вперед, волей или неволей, живого или мертвого.

Впереди всех шел Черный Юн, с страшным лицом, похожий на дьявола. Он часто отходил вперед и оглядывался, поджидая толпу, но он не проявлял нетерпения, как опытный ловец, который тянет по берегу ветхую сетью стаю крупных рыб и знает, что нельзя торопиться.

Но когда они спускались с третьей гряды, он снова остановился, потом зашатался и грохнулся на землю и стал извиваться, как скорпион, прижженный огнем. Таких конвульсий еще не видели Анаки даже в ужасах черной смерти. Через минуту он вскочил и снова свалился. Три раза Юн схватывался с духом заразы грудь с грудью, и нельзя было сказать, кто же сильнее. Ибо в третий раз Юн справился с припадком и пошел вперед тем же странным, размеренным шагом. Только лицо его почернело с натуги. Но Анаки, шедшие сзади, завывали сперва тихо, потом громче:

— Юн тоже, Юн тоже!..

Сильнее и сильнее раздавался этот унылый вопль, обречавший в жертву болезни и пасти Дракона, вместе с другими, также злого колдуна, Черного Юна.

— Юн тоже!..

И впереди ответил отзвук—такой же глухой, унылый, зловещий:

— Юн тоже!..

Это сам Черный Юн дал ответ.

Он ускорил шаг и почти подбежал вперед. Племя тоже бежало, больные вместе со здоровыми. Они были у самого Кандарского ущелья, где жил Дракон.

Он был на месте обычной засады и сливался с окружающей почвой до полного обмана глаз. В первую минуту они не могли разглядеть его, но потом всмотрелись и разобрали крутую спину, могучий хвост и тяжелое чрево. Все было грузное, серое, каменное. И алые камни пламенных глаз огромного Река сверкали, как два факела. Они смотрели на пришедших и будто считали добычу.

Он не стал медлить и побежал вверх, прямо к Дракону, и тогда выдвинулась вперед серая, злая голова и подхватила колдуна поперек тела, как луговая кошка хватает ящерицу, и подняла вверх, и посмотрела на Анаков.

При этом неслыханном зрелище внезапный ужас проснулся в сердцах анакского племени. Камни посыпались вниз с боков Дракона прямо на Анаков. И, будто по сигналу, они шарахнулись назад. Матери роняли своих детей и убегали прочь. Юноши и девушки толкали друг друга. Больные убегали, как здоровые. Здоровые, напротив, бросались на землю и лежали, как мертвые. Иные умирали на месте от страха. Это и были обреченные жертвы Дракона. Он мог взять их и пощадить других.

Анаки мчались назад торопливо и слепо, обгоняли друг друга, задыхались, падали, потом вскакивали и бежали дальше. Миновали одну гряду, другую, третью. Когда они свернули на восток и спускались уже к пещере, они увидели возле нее еще раз неожиданное. На площадке перед входом стояла фигура. Тонкая она была, белая, с длинными светлыми волосами, совершенно нагая, как будто Камышевая Дева, озябнув в болоте, явилась к людям, чтобы погреться у их огня холодной осенью.

— Кто это?—спрашивали Анаки.—Быть может, защита?..

Ибо в минуту гибели каждое новое лицо могло дать только защиту. Так верили Анаки.

Внезапно Аса-Без-Зуба испустила громкий крик. Она узнала эти острые плечи и волнистые волосы. Эта была Ронта, беглянка. Она вернулась к племени в самый зловещий и гибельный час.

XIII.

От устья реки Даданы Ронта бежала обратно в пределы Анаков.

Дни проходили и дни уходили, она двигалась слепо и прямо, как будто во сне. Она всходила на горные склоны, спускалась в ущелья, переходила через болота и сквозь леса, везде находила дорогу. Ей встречались широкие реки. Она приходила на берег и садилась на камень, и сидела над водой час и другой, и ночевала на песке, потом уходила по берегу вверх и шла до пере-

брода и на другом берегу тотчас же возвращалась на прежний путь.

Луна началась и окончилась, лето минуло и осень настала, что дальше, то холоднее. Она не замечала тепла и холода, шла, все шла, не торопясь, беззаботно и беспокойно, то отдыхая, то снова пускаясь в путь. Была она, как Унна, Бескрылая Лебедь из сказки, которая пустилась пешком по осеннему пути догонять своих летучих подруг.

Питалась она кореньями и ягодами, зерна собирала на полях, драла сочную кору с тополей и грызла, как зайцы, орехи находила в зарослях, подбирала ракушки на отмелях. В это время года много было всякой пищи во всех землях. Только ничего живого не ловила Ронта, не проливали крови, хотя бы птичьей, не разводила огня. При ней не было ни копья, ни ножа, ни огнива, но дикие звери не нападали на нее.

Ей встретился однажды большой серый волк; он бежал по лесной дороге, пригнувшись к следу оленя, ибо для волка и в осеннем обилии нет другой пищи и сытости, кроме трепещущего мяса. Волк пропустил ее мимо, потом остановился и долго смотрел ей вслед. После того он снова повернулся и побежал дальше, но через несколько времени остановился второй раз, потянул носом воздух и шарахнулся в сторону, ибо по следу Ронты так же лениво и прямо шла еще одна фигура, белая, двуногая, высокая. И у ней было копье, и от нее пахло смертью.

То был Яррий. Он следовал за Ронтой, как будто за дичью, и никогда не отставал и не подходил ближе. Когда она останавливалась, он тоже останавливался и ложился на ночлег. День и другой проходили, и он не видел ее, потом где-нибудь на открытом месте мелькал на минуту ее белый силуэт и снова терялся в пространстве. Он знал, куда он идет, но не знал—зачем, только не мог отстать, даже если бы по дороге на каждом шагу грозила смерть. Иногда в его ушах звучали последние слова оленя-двойника: «зарезут, зарезут!»... Но чаще всего ничто не звучало. Он шел так же слепо, как Ронта, и мысли его спали.

Они покинули берег Даданы и шли напрямик, перебрались через горный кряж. В горных ущельях было морозно, и местами лежал снег. Они прошли босыми ногами по оледенелым камням и даже не заметили. Землю Селонов

они перерезали от края до края и область прашников Тосков, но никого не встретили, ибо земли были широки, а людей было мало, и кто не искал, мог перейти через горы и доли и не встретить двуногих,—друзей или врагов. Они стали подходить к зимним пределам Анаков. Ронта шла впереди и увидела Кенайскую гряду и перед нее знакомое поле. Потом перешла поле и нашла родную пещеру.

Здесь было зимнее стойбище Анаков. Она остановилась поодаль. Сердце ее билось, в голове стало яснее.

— Вот здесь они живут,—думала она. По сотне признаков она узнавала, что племя здесь, никуда не ушло. Об этом говорили свежие следы костров, вытоптанная трава, плоские кучи костей, обрезки дерева. Две шкуры, волчья и конская, были растянуты на кольях для просушки. Обе они были еще свежие, сырые.

Дверь пещеры была открыта, но людей не было видно.

— Где же они?—думала Ронта, не решаясь приблизиться.

Анаки не являлись, и все было пусто и тихо. Только неприбранный детский трупик валялся у скалы. Маленький он был, молчаливый и зловещий, единственный житель безлюдного стойбища. Губы у Ронты дрожали. Еще немного, и она разразилась бы плачем, как плачут испуганные дети, но в эту минуту на ближнем склоне горы из лесу выкатилась фигура, потом другая, потом много. И почти тотчас же вся толпа с дикими криками бросилась вниз, прямо к ней. Женщины бежали впереди, размахивая руками.

— Беглая,—кричали они,—держите ее!

Аса-Без-Зуба добежала первая.

— Шлюха,—крикнула она и угрожающе замахнулась.

— Я не шлюха,—сказала Ронта тихо, но внятно.

— С бродягой жила!..

Они называли Яррия, как изгнанника, бродягой.

— Ни с кем я не жила,—сказала Ронта так же, как прежде.

Ее худощавая, незрелая фигура явно подтверждала справедливость ее слов, ибо после брака девушки пышно распускались и становились женами, и каждая жена носила на себе печать своей зрелости. Но женщины, ослепленные своей ненавистью, не слушали и не смотрели.

— Лжешы! — кричали они. — Беглая, убьем...

В руках у Асы очутилась крепкая палка, и она угрожающе замахнулась, но ударить ей не пришлось. Из женских рядов вышла Охотница Дина и стала рядом с беглянкой. На ней не было плаща, и плечи ее были в грязи. Она имела усталый вид, но в руке у нее было копье. В глазах сверкал отблеск прежнего огня.

— Не трогайте ее, — сказала Охотница Дина. — Видите, она ничего не сделала.

— Я не сделала, — подтвердила Ронта детским тоном.

— Черная корова, — кричали женщины, — побить ее камнями.

Но вслед за Диной среди мужчин отозвался Бледный Рул.

— Не трогайте ее, — сказал он тоже. — Какая это корова? Разве вы не видите? Это белая телка.

Спанда вышел вперед и встал перед беглянкой.

— Ронта, скажи... — начал он и запнулся. Даже голос теперь у него был иной — жалкий, разбитый, старческий. Он как будто одряхлел за эти страшные дни. Вместе с другими он вернулся назад из злого ущелья, нарушив обещание Анаков. Ибо он был больным и не отдался Дракону. Теперь он был, как призрак, ни живой и ни мертвый.

Ронта молчала и ждала.

— ...Ты не жила с необрезанным?

— Ни с кем я не жила, — повторила Ронта угрюмо.

— Где же ты была?

— Там.

Она указала на северо-запад.

— А он где?

— Там.

Она указала в ту же сторону, но жест ее был короче, и Спанда понял разницу.

— Близко?

— Да, близко.

— О-о! — завyli снова Анаки оглушительным хором. — За вас погибаем. Злодеи, нечестивцы. Убить вас надо.

Аса-Без-Зуба снова выскочила вперед.

— Вы всех убили, — крикнула она. — Даже мальчика Дило, и того вы убили.

Руки ее сжимались в кулаки, на углах рта выступила пена.

Но Спанда отстранил ее от Ронты.

— Полно кричать, — сказал он с оттенком прежней строгости. — Я знаю, о чем ты кричишь.

Он посмотрел на Асу острым, загадочным взглядом. Она тотчас же умолкла и попятилась назад.

Рул вышел вперед и неожиданно упал перед Ронтой на колени.

— Мы погибаем за вас, — повторил он, — спаси нас!

Ронта посмотрела на него с испугом и недоумением, потом повела глазами кругом, отыскивая знакомых, и тихо спросила:

— Где Илеиль?

Рул схватил горсть холодного пепла с огнища, посыпал себе голову, потом указал рукой через плечо, в сторону поля:

— Там.

Пальцы его были сложены вместе и протянуты. Этот жест означал покойника.

Ронта немного помолчала и спросила опять:

— Где Литта?

— Там, — указал Рул в другую сторону, к горе. — К Дракону пошла.

— А где Яррия... Где Элла?

И еще два раза монотонно сменили друг друга два жеста и два ответа: «Там, в поле»... «К Дракону пошла»...

Тогда Ронта остановилась, подумала и спросила:

— Какой Дракон?..

— Лунный Рек, Дракон, — говорили Анаки. — Духи Заразы... Убивают незримые...

Хватает жертву так!..

Мужчины и женщины, и дети кричали наперерыв, строили гримасы и показывали жестами, что делает Дракон.

Рум Старший схватил щепку и закусил ее зубами с свирепой миной. Он хотел изобразить страшное лицо Лунного Река с Юном в зубах.

Ронта молчала в оцепенении.

— Мы обещали ему белую жертву, — сказал Рул. — Оленную жену. Он злится, требует.

Теперь Ронта начала понимать. Рул говорил о белой телице весенней охоты. Грозное слово Черного Юна оказалось правдиво. По вине Яррия Лунный Рек спустился на землю и мстил племени.

— Спаси нас,—снова воскликнул Рул, простирая к ней руки.—Ваша вина,—прибавил он уныло и с упреком.

— Как я спасу вас? — сказала Ронта негромко.

— Иди к Дракону.

Ронта сделала рукой отклоняющий жест и испуганно отступила назад.

— Мы все ходим,—закричали Анаки.—Теперь ходили. Все племя требовал, взял половину.

— Зачем я пойду? — спросила Ронта снова. Голос ее звучал глухо. В горле у нее пересохло.

— Белой невестой пойдешь,—сказал Рул:—в белые жены. Ты—чистая, святая. Уговори его, пусть нас оставит. Уйдите на небо назад. Смерть наша...

Ронта молчала.

— О-о! — заревели Анаки,—смерть наша незримая. Чего ждать? Куда бежать? Лучше покончить самим.

И быстрые в своих решениях, воины выхватили ножи и подняли их вверх, готовые нанести самоубийственный удар.

— Спаси нас! — быстро и страстно лопотали женщины.—Спаси племя, маленьких детей, еще не рожденных!

Старый Спанда упал на колени рядом с Рулом и прошамкал старчески:

— Спаси племя!

— Мы убьем себя! — кричали мужчины.

Всех громче ревел Илл Красный Бык. Голос его раздавался, как рычание медведя: — Убьем себя!

Ронта посмотрела кругом растерянным взглядом. Рядом с ней стояла Охотница Дина, опираясь рукой на копье.

— Что, Дина? — спросила Ронта беспомощно.

Дина с минуту молчала. Потом лицо ее как будто окаменело.

— Если можешь, иди, — сказала она.

И Ронта тихо заплакала и сказала чуть слышно:

— Я пойду.

— А-а!

Громкий взрыв радостных криков раздался кругом. Он покрыл горы и доли и вызвал эхо в лесах и ущельях: А-а-а!..

* * *

Возле пещеры Анаков на малое время ходьбы была кленовая роща. Ровная она была и густая, но в этой роще

не слышались девичьи шутки и не совершались обряды женские. Холодный ветер сорвал все листья с развесистых вершин, и они стояли под дождем нагие и печальные, как женщины без плаща.

Но в эту ночь под широким деревом близко к опушке горел костер, и у костра сидела Ронта. Она была совсем одна, ибо это был ее обряд, ее одинокий праздник. Подруги совершили его без нее и исполнили брак свой и умерли. И также к Дракону, в юные белые жены, она должна была идти одна, без подруг. Охотница Дина хотела сидеть эту ночь вместе с нею, как старшая помощница, но она отослала ее. Старая Исса явилась неведомо откуда и собиралась зажечь второй костер, как полагалось по обычаю.

— Зачем? — сказала Ронта. — Не нужно.

— Я расколдую тебя, — неожиданно предложила Исса. Она употребила бранное слово: «Ялама», то самое, которое Яррий бросил когда-то в лицо своей подруге.

Губы Ронты задрожали. Перед глазами ее мелькнуло распаленное лицо, залитое кровью, и она готова была вскочить и бежать без оглядки. Но старуха спохватилась и замолкла и почти тотчас же исчезла. И теперь она, должно быть, сидела где-нибудь в темноте, с черепом между коленями, разрушая прежние чары или сотворяя новые.

Это было еще в сумерках. И Ронта осталась одна, подбросила в огонь новую охапку хвороста и села, и задумалась, и забыла о старухе.

Она сидела у костра и смотрела в огонь, но не творила никаких обрядов, никаких заклинаний. Только напевала тихонько про себя старую сказку покойника Дило:

Пять трясогузок сидели под листьями клена...

Эти слова напевала Элла-Сорока. Элла тоже была покойница. Все умерли. Она одна осталась.

Она продолжала напевать строфа за строфою старую загадочную сказку.

— Зачем ты? — спросил Дракон.

— В жены к тебе, — сказала Рунта.

— Как берешь ты жен? — спросила Рунта.

— Пастью беру, — сказал Дракон.

Она закончила песню, немного помолчала и потом сказала:

— За племя...

В лесу было тихо и спокойно. Неожиданно с опушки долетел знакомый тихий свист пестрой совы Шиана, точно так же, как в тот раз, летом.

— Угу!...

Ронта не пошевелилась. Свист повторился и замер. И через минуту хрустнул сучек на тропинке. Высокая фигура обрисовалась в свете костра. Это был Яррий. Ронта не подняла глаз. Она видела его тень, но не видела его лица.

— Зачем ты? — спросила она после короткого молчания.

— Я твой муж, — отрывисто сказал Яррий.

— Мой муж там, на горе, — сказала Ронта.

— Знаю, — простонал Яррий, — Рул сказал.

И вдруг он упал на землю и стал биться головой о землю.

— Ронта, Ронта, Ронта!..

— Полно, — сказала Ронта. — Сядь здесь.

Яррий поднялся и сел против нее у огня. Теперь она видела его лицо. Оно было, как у безумного. Глаза у него были дикие, заплаканные.

— Не плачь, — мягко сказала Ронта.

— Ронта, зачем? — снова простонал Яррий.

— За племя, — сказала Ронта: — за маленьких детей.

— Из чрева твоего могли родиться дети, — заговорил Яррий, — несчетное племя, наше собственное. Ты не захотела...

Ронта покачала головой:

— Я не могла.

— Каждый волос твой дороже Анака, — говорил Яррий: — Капли крови твоей, как яркие звезды. Красное сердце твое, как красное солнце...

— Полно, Яррий, — сказала Ронта снова.

— Не дам тебя за них, — воскликнул Яррий еще страстнее. — Кто они? Труссы, убийцы, рабы!..

— Будут другие, — сказала Ронта коротко.

— Другие будут жить, а ты умрешь. Не дам тебя. Лучше я сам умру! В глазах его вспыхнула прежняя решимость.

Ронта посмотрела на него с беспокойством.

— Что ты задумал? — спросила она.

Яррий молчал. Лицо его попрежнему стало сурово.

— Скажи, Яррий?

— Я—воин, у меня есть копье,— сказал Яррий угрюмо.

— Не надо,— поспешно сказала Ронта.— Он погубит тебя.

— Пусть губит! — страстно воскликнул Яррий. — Не боюсь. Ненавижу.

— Он — бог, — сказала Ронта с дрожью в голосе.

— Ненавижу богов! — крикнул Яррий запальчиво.— Не боги,— враги. Будь они прокляты!..

— Нас боги создали, — возразила Ронта.

— На гибель создали! — кричал Яррий: — жить не дают, радость берут от нас! Не нужно их!

Он вскочил с места и весь трясся от возбуждения. В эту минуту он верил в богов и ненавидел их, как худших врагов.

— Сядь, Яррий, — сказала Ронта снова.

Яррий тотчас успокоился и сел у огня.

— Слушай, Яррий, — заговорила Ронта, — помнишь реку Дадану и наш челнок?

— Помню, — вздохнул Яррий.

— Мы вместе сидели, — сказала Ронта, — слившись плечами. Ты вперед смотрел, а я назад. Волны бежали за нами и гнались, и не могли догнать.

Яррий молчал. У него голова кружилась от этого острого и яркого воспоминания.

— Теперь я смотрю вперед. Я вижу...

— Что видишь ты? — спросил Яррий.

— Вижу передние волны. Они убегают от нас — сказала Ронта. Яррий молчал.

— Задние волны, это — минувшие наши, — сказала Ронта: — прадеды, деды, отцы. Они догоняют нас, но не могут догнать. Передние волны, это — грядущие наши, дети детей и внуки внуков.

— Не наших с тобою детей, — сказал Яррий.

— Дети Анаков. Мы тоже Анаки. Вижу внуков и правнуков. Они вырастут, как листья. Каждый ребенок станет народом. Покроют землю.

— Ты не увидишь, умрешь...

— Вижу теперь, — сказала Ронта спокойно: — а смерти не минуешь.

— Я не отдам тебя смерти, — сказал Яррий твердо.

И снова вспыхнул тот же спор.

— Не надо, — твердила Ронта. — Он сожрет тебя.

— Кто знает? — угрюмо возражал Яррий. — Я, ведь, немышь.

— Он как гора, — говорила Ронта.

— Сса тоже Зверь-Гора, — возражал Яррий, — но люди его побеждают.

— Ты погибнешь, погибнешь, — повторяла Ронта с тоскою.

И Яррий вспыхивал снова.

— Пусть я погибну. Или я недостойн погибнуть с тобою?...

В разгаре их спора с опушки послышался резкий свист, и замелькали фигуры и факелы.

— Беги, — воскликнула Ронта. — Анаки проснулись.

Это, действительно, были Анаки. Они вовсе не спали, глаз не могли сомкнуть от крайней тревоги. Они не смели подойти к костру белой невесты, чтобы не нарушить обряда, но сторожили ее издали, помня о летнем побеге. И теперь они заметили у костра другую фигуру. Быть может, Рул, после свидания с Яррием в поле, предупредил соплеменников.

— У-у! — завывали Анаки. — Бродяга, осквернитель!

Видно было, как они потрясали копьями, но подойти ближе они не решались. Несколько камней и дротиков, брошенных в темноте, ударились в деревья и зашуршали в листьях.

— Беги! — умоляла Ронта. — Они убьют тебя.

— Хочешь, я унесу тебя, — шепнул Яррий. — Мы убежим в дальние горы. Пусть они погибнут. Мы будем жить.

— Нет, нет, — шептала Ронта. — Иди, живи.

Еще один дротик, пущенный издали с неистовой силой, пролетел мимо, очень близко от Яррия.

Ронта вскочила на ноги, подскочила к своему другу, обняла его и закрыла своим телом, чтобы защитить его от смерти.

Она оторвалась от него, потом толкнула его от костра. И такая тревога была на лице ее, что Яррий схватил свое копьё и бросился в темноту.

— Держи! — ревели Анаки. — Бей, бей!...

В лесу раздался треск, шум торопливых шагов. И все затихло. Потом на склоне горы высоко над рощей раз-

дался последний пронзительный свист с знакомым переливом. То был свист Яррия.

Ронта уселась у костра. И далеко за полночь, когда Небесный Охотник уже протягивал к зениту свой пламенный Дротик, Ронта, как прежде, сидела над огнем и тихо напевала:

— Как берешь ты жен? — спросила Ронта.

— Пастью беру, — сказал Дракон.

XIV.

Солнце только что село, но было светло. Острые линии каменной гряды выступали в медном закате, как будто иссеченные кремневым резцом небесного мастера Нейра, Солнцева сына. Вечернее небо было ясно. Легкие тучи собрали свои белые перья все до единого и унесли их на полночь. Но узкие стены Кандарского ущелья стояли темные, как будто кого стерегли своими резкими тенями.

Внизу, на подъеме к ущелью, показалась фигура. Она была маленькая, тонкая, нагая; белая она была, как снег, и вся порозовела под ярким отблеском заката. Это была Ронта. Она шла навстречу своему грозному браку.

Сзади на большом расстоянии рассыпались широкой дугой другие фигуры, маленькие и большие, светлые и темные. Это были Анаки. Белая жертва шла впереди, и они не дерзали приблизиться. Но они зорко следили глазами за белой фигурой, ибо желали увидеть до конца брачный пир обреченной невесты и жаждали узнать, найдут ли они после кровавого брака в свирепых глазах жениха последнюю милость. Ронта шла, сложа руки на груди, неторопливым шагом. Плечи ее пожимались, как будто от холода. Но она не боялась и ни о чем не думала, и только готовилась встретить Дракона вопросом, как Ронта из сказки:

— Как ты жен берешь, Дракон?...

Уже впереди затемнело широкое устье Кандарского входа. Она стала искать взглядом алые камни глаз Дракона, о которых говорили Анаки, но их не было видно. Лунный Рек, должно быть, скрывался в своем логовище.

В эту минуту наверху каменной стены появилась еще фигура. Он была такая же четкая, выпукло-резная,

как будто каменная. Но она была живая. Она постояла секунду на гребне, потом стала спускаться вниз, опираясь на копьё.

Анаки завывали от злобы. Ибо это был тот же изгнанник, нечестивый и богохульный Яррий. Он решил довести до конца свое злое дело и пойти наперекор спасению племени. Но сделать они ничего не могли. Яррий был впереди Ронты, в пределах владений Дракона, и даже бросить туда копьё было бы святотатством. Да никто и не дерзнул бы подойти на перелет копьё.

При этих внезапных криках Ронта подняла голову и тоже увидела Яррия. Он прыгал по уступам, с невероятной ловкостью спускаясь в ущелье, наперерез ее дороги. Щеки Ронты окрасились легким румянцем. Она бросила Яррию взгляд, последний взгляд...

В эту минуту из черного ущелья сверкнули две яркие точки, и показалась голова, серая, злая, на вытянутой шее.

Яррий измерил ее взглядом холодной ненависти. Это не была голова бога; это была голова огромного зверя. И даже, в противность Анакам, она не показалась ему чрезмерно огромной.

У Зверь-Горы было такое же темя, только у этого шея была длиннее и зубы иные.

Глаза Дракона светились алым блеском.

— В глаз буду метить, — сказал себе Яррий.

Ронта остановилась. Яррий спрыгнул вниз и сжал копьё.

Голова повернулась и посмотрела на белую жертву и ее защитника...

